

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул.
Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 28.02.2025 Цена свободная Тираж 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

- Развитие внешнеполитической стратегии США в Южно-Китайском море. Пихтовников Р.Е. 4
- Как АСЕАН регулирует споры в Южно-Китайском море с помощью стратегии десекьюритизации? Хуан Юэ 11
- Транснациональные угрозы безопасности в Малаккском проливе. Кьяв Паинг, Тимошенко А.Г., Найин Чжо Тун..... 17

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Специфика судебной защиты прав предпринимателей. Автомонова М.В. 22
- Лица с ограниченными возможностями здоровья в рамках инновационно-технологической модели инвалидности. Башмакова И.В. 27
- Система мер ответственности арбитражного управляющего. Ермилов В.Б. 31

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- Понятие и криминологическая характеристика дифференцированных видов мошенничеств. Брума Н.М. 35
- Процедуры установления признаков преступлений, связанных с незаконным поиском и/или изъятием археологических предметов из мест залегания. Древецкий В.В. 42

- Использование кредитными организациями биометрических данных для идентификации своих клиентов в рамках борьбы с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма. Кузнецов Н.В. 48
- Международная организованная преступность в Юго-Восточной Азии. Кьяв Паинг, Тимошенко А.Г., Найин Чжо Тун..... 51

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Современные цифровые технологии в уголовном судопроизводстве: необходимость уточнения в законодательстве права на выбор способа представления суду своей позиции сторонами. Рыков А.Н. 56

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Использование результатов экспертиз в ходе предварительной проверки информации и возбуждения уголовного дела о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов. Тарасова А.В. 61
- Англосаксонский взгляд на криминалистические и научно-технические средства. Шурдумов А.А. 66

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОРЧЕСТВА

- Уклонение от призыва по частичной мобилизации. Иванцов С.В., Пчелкин А.Ю. 71
- Добросовестность и противодействие злоупотреблениям в российском налоговом праве. Кукушкин Д.С. 80
- О некоторых вопросах деятельности органов прокуратуры по обеспечению информационной безопасности детей. Титов М.А. 85

Contents

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONSHIPS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

- Development of US Foreign Policy Strategy in the South China Sea. Pikhtovnikov R.E. 4
- How does ASEAN regulate disputes in the South China Sea using the desecuritization strategy? Huang Yue 11
- Transnational security threats in the Strait of Malacca. Kyaw Paing, Timoshenko A.G., Nayin Kyaw Tun 17

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

- Specification of the basic rights of entrepreneurs. Avtomonova M.V. 22
- Persons with disabilities within the framework of the innovative and technological model of disability. Bashmakova I.V. 27
- System of measures of the responsible arbitration manager. Ermilov V.B. 31

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

- The concept and criminological characteristics of differentiated types of fraud. Bruma N.M. 35
- Procedures based on the signs of crimes, boundaries with illegal search and / or seizure of archaeological objects from the places of occurrence. Drevetsky V.V. 42

- Use of credit mechanisms of biometric data to identify their clients in the fight against money laundering and terrorist financing. Kuznetsov N.V. 48
- International organized crime in Southeast Asia. Kyaw Paing, Timoshenko A.G., Nayin Kyaw Tun 51

CRIMINAL PROCEEDINGS

- Modern digital technologies in criminal proceedings: the need to clarify in the legislation the right to choose the method of presenting the court's position in the sphere of production. Rykov A.N. 56

CRIMINALISTICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

- Use of examination results during preliminary verification of information and initiation of criminal cases on crimes within the competence of customs authorities. Tarasova A.V. 61
- Anglo-Saxon view on forensic and scientific-technical means. Shurdumov A.A. 66

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

- Deviation from the call for partial mobilization. Ivantsov S.V., Pchelkin A.Yu. 71
- Good faith and counteraction to abuse in Russian tax law. Kukushkin D.S. 80
- On some descriptions of the activities of the prosecutor's office to ensure the information security of children. Titov M.A. 85

Развитие внешнеполитической стратегии США в Южно-Китайском море

Пихтовников Роман Евгеньевич

аспирант, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, lalwat83@gmail.com

Статья представляет собой обширное исследование факторов, которые привели к возникновению противостояния между Китаем и США в Южно-Китайском море (ЮКМ), а также анализирует особенности их политики в данном регионе на современном этапе. Автор приходит к выводу, что главной целью КНР является укрепление своего влияния в ЮКМ и достижение согласия с другими государствами региона по поводу китайского присутствия на Парасельских островах и островах Спратли, в то время как США стремятся сдерживать рост Китая и не допустить его закрепления в Тихом океане. Причины конфликта и расстановка сил в ЮКМ на данный момент также подробно рассматриваются в данной статье. В целом, исследование позволяет более глубоко понять сложную динамику взаимодействия между КНР и США в данном регионе, а также территориальные споры, связанные с Южно-Китайским морем.

Ключевые слова: США, внешняя политика, Южно-Китайское море, стратегия, международные отношения, безопасность, Китай, морское право, территориальные споры, дипломатия.

Введение

В современном международном контексте роль Соединенных Штатов Америки как глобального лидера остается ключевой в формировании и реализации внешнеполитических стратегий как на региональном, так и на международном уровнях. Южно-Китайское море, как один из наиболее стратегически значимых регионов в мире, постоянно привлекает внимание международного сообщества в связи с его экономическими, политическими и военными аспектами. С учётом усиления геополитической напряженности и роста влияния Китая в этом регионе, исследование эволюции внешнеполитической стратегии США в отношении Южно-Китайского моря приобретает особую актуальность.

Основной целью данного исследования является анализ динамики и направлений развития внешнеполитической стратегии США в Южно-Китайском море. Исследование направлено на выявление ключевых факторов и тенденций, влияющих на формирование и трансформацию американской политики в этом регионе. Особое внимание уделяется изучению политических, военных и экономических аспектов стратегии США, а также ее возможных последствий для региональной и глобальной безопасности.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу внешнеполитической стратегии США в Южно-Китайском море, интегрирующем как исторический, так и современный контексты. В отличие от предыдущих исследований, данная работа систематизирует и сравнивает разнообразные элементы политики США, включая дипломатические инициативы, военное присутствие и экономические стратегии. Особое внимание уделяется взаимодействию США с союзниками и партнерами в регионе, а также анализу реакции Китая и других ключевых игроков на действия США.

Материалы и методы исследований

В процессе исследования использовались разнообразные источники, включая официальные документы и заявления правительственных структур США и Китая, аналитические отчеты международных организаций, а также академические публикации. Методологическая основа исследования опирается на системный и сравнительный подходы, позволяющие провести детальный анализ внешнеполитической стратегии США в контексте региональной безопасности. Также применяются методы контент-анализа для изучения текстов политических документов и качественного анализа для оценки исторических и современных тенденций. Такой многогранный подход обеспечивает глубокое понимание изучаемой темы и позволяет сделать обоснованные выводы.

Результаты и обсуждения

Южно-Китайское море (ЮКМ) является одним из самых геополитически значимых и конфликтных регионов мира, где переплетаются интересы множества государств. В последние десятилетия наблюдается значительное усиление роли Китая в регионе, что вызывает серьезную обеспокоенность со стороны США и их союзников. Стремительный рост китайской экономики и военной мощи, вкрупне с амбициозными территориальными претензиями, привели к существенной трансформации американской внешнеполитической стратегии в ЮКМ, эволюционировавшей от пассивного наблюдения и дипломатического давления к активному противодействию и формированию многосторонних альянсов [2].

На протяжении большей части холодной войны, ЮКМ не представляло для США приоритетного направления внешней политики. Американское присутствие в регионе было обусловлено общей стратегией сдерживания коммунизма и поддержания союзнических отношений с Тайванем, Филиппинами и Южной Кореей. США признавали принцип свободы судоходства в международных водах, однако не занимали четкой позиции по территориальным спорам, придерживаясь нейтралитета и призывая к их разрешению мирным путем.

Особое внимание в американской стратегии уделяется вопросу Парасельских островов. В то время как Китай утверждает, что Парасельские острова принадлежат ему с древних времен и не подлежат оспариванию, США не принимают эту позицию и поддерживают право других заинтересованных сторон на предъявление претензий. Важно отметить, что США

формально не занимают позиции по суверенитету над этими островами, однако критикуют Китай за агрессивное поведение и препятствование другим странам в разработке ресурсов в этом районе. Регулярное проведение FONOPs вблизи Парасельских островов подчеркивает несогласие США с китайскими ограничениями свободы судоходства в этом районе.

В целом, внешнеполитическая стратегия США в Южно-Китайском море претерпела значительную эволюцию на протяжении последних десятилетий, трансформировавшись от осторожной позиции, формально декларирующей нейтралитет в территориальных спорах, к все более решительным действиям, направленным на сдерживание растущего влияния Китая в регионе. Этот процесс обусловлен комплексом факторов, включающих изменения в глобальной геополитической обстановке, внутренние политические процессы в США, растущую экономическую мощь Китая и, главное, его все более напористое поведение в ЮКМ.

Изначально позиция США по отношению к территориальным претензиям в ЮКМ была сдержанной. Официально Вашингтон не занимал сторону ни одной из стран-претендентов (Китая, Вьетнама, Филиппин, Малайзии, Брунея и Тайваня) и призывал к мирному разрешению споров на основе международного права, в частности, Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS). Этот нейтралитет объяснялся необходимостью поддержания стабильных отношений с Китаем, стратегическим партнером в ряде глобальных вопросов, включая борьбу с терроризмом и ядерное нераспространение. Опасаясь дестабилизации в регионе и негативного влияния на критически важные для их экономики глобальные торговые связи, Соединенные Штаты воздерживались от открытой конфронтации с Китаем. Американская стратегия в этот период ограничивалась редкими декларациями о необходимости обеспечения свободы судоходства и воздушного пространства в Южно-Китайском море, а также проведением совместных военно-морских маневров с региональными союзниками, которые не были явно направлены против Китая [9].

Однако, усиление экономической и военной мощи Китая в начале XXI века и его все более амбициозная политика в ЮКМ заставили США пересмотреть свою стратегию. Пекин начал активно наращивать военное присутствие на спорных островах и рифах, строить искусственные острова и создавать на них военную инфраструктуру, включая взлетно-посадочные полосы, радары и системы ПВО. Эти действия

вызывали серьезную обеспокоенность у соседних стран, опасавшихся гегемонии Китая в регионе и ограничения их доступа к морским ресурсам. Попытки разрешить споры посредством многосторонних переговоров в рамках АСЕАН не приносили ощутимых результатов, поскольку Китай блокировал любые инициативы, способные ограничить его претензии.

США начали постепенно отходить от политики нейтралитета, занимая более активную позицию в защите свободы судоходства и международного права. Администрация Барака Обамы провозгласила "разворот к Азии" (Pivot to Asia), направленный на укрепление политических, экономических и военных связей с союзниками и партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В рамках этой стратегии США активизировали военно-морское присутствие в ЮКМ, начали регулярно проводить операции по обеспечению свободы судоходства (FONOPs) вблизи спорных островов, подчеркивая тем самым непризнание территориальных претензий Китая, не соответствующих нормам международного права. Эти операции вызывали резкую критику со стороны Пекина, который обвинял США во вмешательстве во внутренние дела и дестабилизации ситуации в регионе [8].

Важно подчеркнуть, что другие азиатские страны, как например, Вьетнам, стремятся к сотрудничеству с Соединёнными Штатами в качестве противодействия давлению со стороны Китая. Как отмечает В.Н. Колотов, ведущий исследователь по вопросам Дальнего Востока в Санкт-Петербургском государственном университете, сближение Ханоя и Вашингтона является негативным следствием китайской политики в Южно-Китайском море. Подобная тенденция к сотрудничеству наблюдается и у других стран региона, что, в свою очередь, обостряет противоречия между США и Китаем [9, с. 1].

Администрация Дональда Трампа усилила конфронтационный подход к Китаю, рассматривая его как главного стратегического конкурента США. Трамп обвинял Китай в несправедливой торговой практике, краже интеллектуальной собственности и агрессивной экспансии в ЮКМ. США резко увеличили военное присутствие в регионе, проводили более масштабные военно-морские учения с участием союзников, вводили санкции против китайских компаний и должностных лиц, причастных к строительству и милитаризации искусственных островов. Государственный секретарь Майк Помпео официально объявил, что США считают большинство

территориальных претензий Китая в ЮКМ незаконными, что стало беспрецедентным шагом и свидетельствовало о резком изменении американской политики. Администрация Трампа также активно развивала сотрудничество с союзниками в регионе, в частности, с Австралией, Индией и Японией, в рамках формата "четырёхстороннего диалога по безопасности" (Quad), направленного на сдерживание Китая.

В отличие от подхода своего предшественника, администрация Байдена продолжает придерживаться в целом твердой линии по отношению к Китаю, но делает это с большим упором на многосторонность и союзничество. Соединенные Штаты стремятся к конкуренции, сотрудничеству, и, при необходимости, противодействию Китаю, действуя в рамках международного права и при поддержке партнеров. Байден подтверждает приверженность США обеспечению свободы судоходства в Южно-Китайском море, практикуя операции по обеспечению свободы судоходства (FONOPs) и укрепляя связи с союзниками в регионе. В то же время, Вашингтон не ослабляет критику в адрес Пекина за нарушения прав человека в Синьцзяне, Гонконге и Тибете, а также за его напористую политику в Южно-Китайском море.

Американская внешняя политика в Южно-Китайском море (ЮКМ) претерпела значительную метаморфозу, сместившись от изначально нейтральной позиции с элементами сдержанности к стратегии, все более явно направленной на противодействие усилению влияния Китая. Этот сдвиг обусловлен совокупностью факторов: беспрецедентным экономическим подъемом КНР и наращиванием ее военной мощи, экспансионистской политикой Пекина в регионе, а также общими изменениями в глобальной геополитической архитектуре. Прогнозируется, что соперничество между США и Китаем за доминирование в ЮКМ будет и впредь создавать напряженность. Будущая траектория американской стратегии будет определяться динамикой ситуации в ЮКМ, внутривнутриполитическими процессами в обеих странах, а также эффективностью коалиционной дипломатии США, направленной на укрепление союза с региональными партнерами для сдерживания китайского экспансионизма и защиты собственных интересов. Ключевым императивом станет нахождение баланса между политикой сдерживания и возможностями для сотрудничества с Китаем в областях, представляющих взаимный интерес, таких как борьба с глобальным потеплением и обеспечение международной безопасности [3, с. 47-48].

Особое внимание стоит уделить риторике, используемой американскими официальными лицами в отношении ЮКМ. Государственный департамент США регулярно публикует заявления, в которых выражает обеспокоенность по поводу китайских действий в регионе, подчеркивая, что эти действия дестабилизируют ситуацию и подрывают международный порядок, основанный на правилах. Эта риторика направлена на формирование общественного мнения и оказание давления на Китай, а также на укрепление поддержки американской политики среди союзников и партнеров в регионе.

Возвращаясь к вопросу, затронутому выше, отметим, что Спор о Парасельских островах играет ключевую роль в формировании американской стратегии в ЮКМ. Эти острова, контролируемые Китаем с 1974 года, рассматриваются США как пример китайской политики "захвата территорий" и милитаризации спорных акваторий. Действия Китая по укреплению своего контроля над Парасельскими островами, включая строительство военной инфраструктуры и ограничение свободы судоходства в их окрестностях, воспринимаются США как прямая угроза американским интересам в регионе. Именно поэтому США уделяют особое внимание мониторингу ситуации вокруг Парасельских островов и регулярно проводят FONOPs в их окрестностях.

Оба архипелага привлекают пристальное внимание заинтересованных государств, поскольку ни одно из них не располагает значительными собственными запасами нефти и газа. Несмотря на отсутствие постоянного населения, некоторые острова служат опорными пунктами для военных формирований региональных держав и располагают инфраструктурой для рыболовства и судоходства.

Значимость региона многократно возрастает благодаря пролегающим здесь жизненно важным морским путям, включающим Андаманское, Южно-Китайское моря, а также Малаккский и Тайваньский проливы. Общий годовой грузооборот этих маршрутов достигает колоссальной суммы в пять триллионов долларов. Это делает регион одним из ключевых логистических узлов планеты. Любая дестабилизация обстановки или эскалация конфликта в этой зоне способна вызвать серьезные экономические потрясения как в глобальном масштабе, так и для государств Азиатско-Тихоокеанского региона.

В качестве авторитетного мнения по данному вопросу можно привести слова профессора Е.А. Канаева, ведущего специалиста Центра АСЕАН при МГИМО и эксперта РСМД. Он

отмечает наличие трёхуровневой системы противоречий. основополагающим уровнем является территориальный спор за Парасельские острова и архипелаг Спратли, в котором участвуют Вьетнам, Тайвань, КНР и Филиппины. Второй уровень конфликта обусловлен расхождением интересов между Китаем и государствами АСЕАН.

В фундаменте партнерства между Китаем и АСЕАН лежит Декларация о действиях сторон в Южно-Китайском море (DOC), развитием которой является разрабатываемый Кодекс поведения в Южно-Китайском море (COC). Глава китайского МИД Ван И подчеркнул, что DOC уже внесла важный вклад в обеспечение мира и стабильности в регионе. Он выразил оптимизм относительно СОС, заявив, что он станет более действенным и совершенным механизмом, учитывающим современные вызовы и способным оказать существенное влияние на ситуацию в регионе [1].

В процессе обсуждения проекта Конвенции по морскому праву делегат из Китая настаивал на сохранении принципиальных положений статей 4 и 10 действующей конвенции. Статья 4 подразумевает, что территориальные споры должны разрешаться исключительно вовлеченными государствами, а статья 10 требует принятия решений на основе всеобщего согласия.

Значительное напряжение в американо-китайских отношениях проистекает из-за коренных расхождений во взглядах на основополагающие вопросы, включая свободу морского передвижения, эксплуатацию шельфовых ресурсов и способы разрешения конфликтов [6].

В последствии американские исследователи стали задавать вопросы о том, предпринимают ли американские чиновники все необходимые меры для минимизации угрозы войны в регионе, а также существует ли единое понимание между США и их союзниками относительно характера и объема взаимных военных обязательств [7, с. 33].

Стратегия национальной безопасности США 2017 года признает возможность сотрудничества с Китаем, однако прямо указывает на деструктивные действия Пекина. В документе утверждается, что Китай применяет тактику экономического принуждения, вводит торговые барьеры, проводит тайные операции и прибегает к военной демонстрации силы для продвижения своих геополитических амбиций. Особую обеспокоенность вызывает милитаризация искусственных островов в Южно-Китайском море, что, по мнению авторов стратегии, создает серьезную угрозу свободе судоходства,

территориальной целостности других государств и в целом благоприятной обстановке в регионе [6].

В контексте формирования Индо-Тихоокеанского региона Соединённые Штаты ведут многоплановое сотрудничество со странами региона. Это сотрудничество охватывает такие области, как развитие энергетического сектора, выработка совместных подходов к кибербезопасности, стимулирование роста малого и среднего бизнеса, а также поддержка женщин, молодых талантов и предпринимателей [10, с. 1-2].

Амбициозная внешняя политика Китая порождает напряженность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Страны, стремящиеся сохранить свой суверенитет и экономическую независимость, ищут противовес китайскому влиянию в лице Соединенных Штатов. США, видя в этом возможность для сдерживания Китая, активно укрепляют свои позиции в регионе. Концепция "Индо-Тихоокеанского региона", продвигаемая администрацией Трампа, стала инструментом консолидации сил, заинтересованных в ограничении политического и экономического доминирования Китая [4, с. 2].

Стремясь к образу мирной и ответственной державы, восстанавливающей историческую справедливость по отношению к китайскому народу, Китай заявляет о легитимности своих действий, основываясь на суверенитете над спорными территориями.

Избегая прямого военного столкновения, Вашингтон стремится сдерживать Китай, используя инструменты экономического и политического давления. Соединенные Штаты видят своей целью показать миру незаконность претензий Китая в регионе и гарантировать свободу навигации в Южно-Китайском море, рассматривая его воды как международные. По этой причине можно прогнозировать, что Южно-Китайское море останется ключевым пунктом противостояния между двумя мировыми лидерами в ближайшей перспективе.

Выводы

Исследование развития внешнеполитической стратегии США в Южно-Китайском море демонстрирует сложное взаимодействие геополитических, экономических и военных факторов, формирующих политику Соединенных Штатов в этом стратегически важном регионе. Анализ динамики американской стратегии позволяет выделить несколько ключевых аспектов, которые оказывают решающее влияние на подход США.

Во-первых, стратегическая значимость Южно-Китайского моря как одного из узлов мировых торговых маршрутов обуславливает высокий интерес США в обеспечении свободы навигации и стабильности в этом регионе. Растущее значение азиатских рынков для глобальной экономики только укрепляет эту позицию.

Во-вторых, противостояние с Китаем как с усиливающейся региональной и глобальной державой становится центральным элементом внешнеполитической деятельности США. Усиление китайских военных возможностей и их активное присутствие в Южно-Китайском море вызывает обеспокоенность среди стратегических кругов США, подталкивая к усилению военного присутствия и укреплению коалиций с региональными союзниками.

В-третьих, политика США в регионе реализуется через многоуровневую систему союзов и партнерств, включающих как традиционных союзников, таких как Япония и Южная Корея, так и развивающееся сотрудничество с Вьетнамом и Филиппинами. Это позволяет США действовать более гибко и адаптировать свою стратегию в ответ на изменения региональной динамики.

В заключение, динамика политики США в Южно-Китайском море является отражением более широких стратегических приоритетов, которые выходят за рамки регионального контекста и затрагивают глобальный баланс сил. Понимание этих взаимодействий и адаптация к изменяющимся условиям обеспечат США продолжение влияния и эффективное продвижение своих интересов в регионе. В дальнейшем, успешность этой стратегии будет во многом зависеть от способности США к поддержанию диалога и сотрудничества с многообразием стран и культур, составляющих обширный регион Индо-Тихоокеанского бассейна.

Литература

1. Ван И ответил на четыре вопроса, касающиеся Кодекса поведения в Южно-Китайском море. Синьхуа Новости. 01.08.2019. (Wang Yi answered four questions regarding the Code of Conduct for the South China Sea. Xinhua News. 01.08.2019) (In Russ.). http://russian.news.cn/2019-08/01/c_138275212.htm.
2. Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 г. Гл. II, ст. 2, п. f. Российский государственный архив военно-морского флота. (Peace Treaty with Japan, signed at San Francisco on September 8, 1951. Ch. II, Art. 2, par. f. Russian State Archive of the Navy) (In Russ.).

https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/sf_dogovor_1951_text.pdf

3. Мишин И. Политика США в Южно-китайском море во время президентства Д. Трампа // Пути к миру и безопасности, 2020 г. С. 46-59.

4. Терских М. А. США в территориальных спорах в Южно-Китайском море // Армия и общество, № 4, 2015 г. С. 1-6.

5. Филлипс Т., Холмс О., Боукотт О. Пекин отклоняет решение трибунала по делу о Южно-Китайском море. The Guardian, 12 июля 2016 г. <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/12/philippines-wins-south-china-sea-case-against-china>

6. Филиппины возражают против претензий Малайзии и Китая на Южно-Китайское море. Онлайн-новости GMA, 11 марта 2020 года. <https://www.gmanetwork.com/news/news/nation/729286/philippines-objects-to-malaysia-china-claims-on-south-chinasea/story/>.

7. Экономика и право : Монография / А.А. Ардизинба, В. В. Новиков, В. В. Новиков [и др.] ; Гл. редактор Э.В. Фомин. – Чебоксары : Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. – 172 с.

8. China's National Defense in the New Era. The State Council, the People's Republic of China. P. 7. http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html.

9. US Navy: Beijing creating a 'great wall of sand' in South China Sea. The Guardian. 31 March 2015. <https://www.theguardian.com/world/2015/mar/31/china-great-wall-sand-spratlys-us-navy>.

10. Hill G., China and Philippines: The reasons why a battle for Zhongye (Pag-asa) Island seems unavoidable. China News, 13 January, 2014. <https://chinanewsstories.com/2014/01/13/the-reasons-why-a-battle-for-zhongye-pag-asa-island-seems-unavoidable/>.

Development of US foreign policy strategy in the South China sea

Pikhtovnikov R.E.

Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

The article is an extensive study of the factors that led to the confrontation between China and the United States in the South China Sea, and also analyzes the features of their policies in this region at the present stage. The author comes to the conclusion that the main goal of the PRC is to strengthen its influence in the South China Sea and achieve agreement with other states in the region regarding the Chinese presence in the Paracel and Spratly Islands, while the United

States seeks to contain the growth of China and prevent its consolidation in the Pacific Ocean. The causes of the conflict and the balance of power in the South China Sea at the moment are also discussed in detail in this article. Overall, the study allows for a deeper understanding of the complex dynamics of interaction between the PRC and the United States in the region, as well as territorial disputes related to the South China Sea.

Keywords: USA, foreign policy, South China Sea, strategy, international relations, security, China, maritime law, territorial disputes, diplomacy.

References

1. Wang Yi answered four questions regarding the Code of Conduct in the South China Sea. Xinhua News. 01.08.2019. (Wang Yi answered four questions regarding the Code of Conduct for the South China Sea. Xinhua News. 01.08.2019) (In Russ.). http://russian.news.cn/2019-08/01/c_138275212.htm

2. The Peace Treaty with Japan, signed in San Francisco on September 8, 1951, Chapter II, art. 2, paragraph f. The Russian State Archive of the Navy. (Peace Treaty with Japan, signed at San Francisco on September 8, 1951. Ch. II, Art. 2, par. f. Russian State Archive of the Navy) (In Russ.). https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/sf_dogovor_1951_text.pdf

3. Mishin I. U.S. policy in the South China Sea during the presidency of D. Trump // Paths to Peace and Security, 2020, pp. 46-59.

4. Terskikh M. A. The United States in territorial disputes in the South China Sea // Army and Society, No. 4-2015.

5. Phillips T., Holmes O., Bowcott O. Beijing rejects tribunal's ruling in South China Sea case. The Guardian, 12 July 2016. <https://www.theguardian.com/world/2016/jul/12/philippines-wins-south-china-sea-case-against-china>

6. Philippines objects to Malaysia, China claims on South China Sea. GMA news online, 11 March 2020. <https://www.gmanetwork.com/news/news/nation/729286/philippines-objects-to-malaysia-china-claims-on-south-chinasea/story/>.

7. Economics and Law : A monograph / A.A. Ardizinba, V. V. Novikov, V. V. Novikov [et al.]; Editor-in-chief E.V. Fomin. Cheboksary : Limited Liability Company Publishing House Wednesday, 2023. 172 p.

8. China's national defense in a new era. The State Council of the People's Republic of China. Page 7. http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html

9. US Navy: Beijing is building a "great wall of sand" in the South China Sea. keeper. March 31, 2015.
<https://www.theguardian.com/world/2015/mar/31/china-great-wall-sand-spratlys-us-navy>

10. Hill, China and the Philippines: The reasons why the battle for Zhongye Island (Pagasa) seems inevitable. China News, January 13, 2014
<https://chinanewsstories.com/2014/01/13/the-reasons-why-a-battle-for-zhongye-pag-asa-island-seemsunavoidable/>.

Как АСЕАН регулирует споры в Южно-Китайском море с помощью стратегии десекьюритизации?

Хуан Юэ

Аспирант, кафедра сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1042228040@pfur.ru

Южно-Китайский морской спор является одним из самых сложных и чувствительных вопросов безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В данной статье, используя теорию «десекьюритизации» (Desecuritization) Копенгагенской школы в качестве аналитической рамки, рассматривается, как Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) посредством институционального строительства, нормотворчества и многостороннего сотрудничества переводит проблему Южно-Китайского моря из сферы «секьюритизированной» высокой политики в сферу низкой политики, тем самым способствуя снижению региональной напряженности. Методология исследования включает в себя анализ конкретных случаев, отслеживание процессов и сравнительный анализ, что позволяет выявить стратегии и ограничения АСЕАН в практике десекьюритизации.

Ключевые слова: АСЕАН, десекьюритизация, Южно-Китайское море, спор, теория секьюритизации

Введение

Спор в Южно-Китайском море долгое время остается центральной проблемой управления безопасностью в Юго-Восточной Азии. Этот регион охватывает не только территориальные споры между Китаем, Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией и Брунеем, но и стал важной ареной геостратегического соперничества между Китаем и США. С усилением милитаризации Южно-Китайского моря уровень секьюритизации конфликта продолжает расти: США с помощью военных операций по обеспечению свободы навигации (FONOPs) усиливают образ Китая как угрозы, тогда как Китай посредством строительства островных объектов и патрулирования береговой охраны отстаивает свои суверенные претензии в регионе. В этом контексте важным вопросом становится роль АСЕАН как координирующего механизма в условиях соперничества великих держав и региональных проблем безопасности. Тем не менее, с 1990-х годов АСЕАН с помощью институциональных механизмов постепенно снижает конфронтационный характер спора, переводя часть вопросов в русло рутинной политической повестки. Основной вопрос данной статьи заключается в следующем: каким образом АСЕАН управляет спором в Южно-Китайском море с помощью стратегии десекьюритизации? Каковы её результаты и вызовы?

Теория и методология исследования

Копенгагенская школа утверждает, что «секьюритизация» — это процесс, при котором определенная проблема определяется как экзистенциальная угроза и требует принятия чрезвычайных мер (Buzan et al., 1998). Напротив, «десекьюритизация» представляет собой перевод вопроса из логики безопасности в сферу рутинных политических переговоров посредством дискурсивных практик, институционального дизайна и нормотворчества. Согласно теории регионального комплекса безопасности Барри Бузана и Оле Вэвера, Юго-Восточная Азия обладает характеристиками «суперкомплекса», что выражается в сочетании внутренних территориальных конфликтов и внешнего влияния стратегического соперничества США и Китая. Концепция «центральности

АСЕАН» (ASEAN Centrality) становится ключевым элементом баланса между внутренним и внешним давлением.

Стратегия десекуритизации АСЕАН

АСЕАН стремится перевести спор в Южно-Китайском море из сферы военного противостояния в плоскость дипломатического, экономического и нетрадиционного сотрудничества в области безопасности, усиливая многосторонние механизмы, такие как АСЕАН Региональный форум (ARF), Расширенная встреча министров обороны АСЕАН (ADMM-Plus) и Восточноазиатский саммит (EAS). ARF играет важную роль в качестве платформы для диалога по вопросам Южно-Китайского моря, способствуя рациональному обсуждению между вовлеченными странами. Однако в последние годы усиливающееся противостояние между Китаем и США внутри ARF снизило его эффективность в качестве посреднического механизма. Например, на встрече ARF в 2023 году США акцентировали внимание на «свободе навигации», тогда как Китай выступил против вмешательства внешних сил, что превратило форум в арену соперничества великих держав, а не в инструмент деэскалации конфликтов. В то же время ADMM-Plus способствует повышению прозрачности в военной сфере, снижая риск недоразумений и непреднамеренных инцидентов. В 2022 году АСЕАН провела совместные морские учения с Китаем и США в Южно-Китайском море, что должно было укрепить доверие, но также продемонстрировало разницу позиций стран региона по вопросам безопасности.

Восточноазиатский саммит (EAS) играет важную роль в ослаблении напряженности, продвигая экономическую интеграцию и устойчивое развитие в регионе. Например, на саммите 2022 года особое внимание уделялось энергетической безопасности и сотрудничеству в морской сфере, что помогло сбалансировать геополитическую напряженность за счет обсуждения нетрадиционных аспектов безопасности. Однако, несмотря на усилия этих механизмов, АСЕАН сталкивается с возрастающим давлением со стороны внешних держав, активизирующих свое вмешательство в спор. В связи с этим необходимо продвигать более обязательные механизмы, такие как кризисная коммуникационная платформа по Южно-Китайскому морю и усиленные меры военной транспарентности, чтобы снизить риски конфронтации и повысить эффективность десекуритизации.

Важным направлением стратегии АСЕАН является развитие юридических рамок для управления конфликтом. Организация активно

продвигает переговоры по Кодексу поведения в Южно-Китайском море (COC) как инструмент снижения уровня секуритизации спора. Несмотря на определенный прогресс, достигнутый в последние годы, такие как второй раунд консультаций между АСЕАН и Китаем по проекту COC в 2023 году, остаются серьезные вызовы, включая отсутствие юридически обязывающего характера документа. Разногласия между Китаем и рядом стран АСЕАН касаются юрисдикции COC и механизмов его реализации, особенно в вопросе принудительного исполнения норм. Кроме того, АСЕАН призывает к урегулированию спора в рамках международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву (UNCLOS). Однако, несмотря на решение международного арбитражного суда по делу о Южно-Китайском море в 2016 году, которое отвергло территориальные претензии Китая, Пекин отказался признать этот вердикт, а усилия Филиппин и других стран по получению международной поддержки не привели к значительным изменениям ситуации. Это демонстрирует, что правовые механизмы являются важным инструментом десекуритизации, но их применение сталкивается с проблемами реализации и признания.

Экономическое сотрудничество также является важным аспектом десекуритизации, особенно в рамках Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (RCEP), которое способствует укреплению экономических связей АСЕАН с Китаем, США и другими государствами, снижая уровень политизации территориального спора. Вступление в силу RCEP не только укрепило роль АСЕАН как ведущего экономического игрока в регионе, но и расширило пространство для маневра в условиях китайско-американского соперничества. Однако на пути экономической десекуритизации также существуют препятствия. Например, запуск США Индо-Тихоокеанской экономической структуры (IPEF) направлен на ослабление влияния RCEP, создавая конкуренцию между этими экономическими блоками. IPEF делает акцент на безопасности цепочек поставок и высоких стандартах торговли, что контрастирует с подходом RCEP, ориентированным на открытую рыночную интеграцию. Это ставит перед АСЕАН задачу сохранения баланса между двумя инициативами, чтобы обеспечить стратегическую автономию и не допустить ослабления своей экономической роли. Кроме того, организация активно развивает сотрудничество в области «голубой экономики», связывая Южно-Китайское море с вопросами управления морскими ресурсами и охраны окружающей среды,

тем самым уменьшая политическую и военную составляющую конфликта. Например, в 2023 году АСЕАН совместно с ООН запустила «Партнерскую инициативу по голубой экономике», направленную на устойчивое рыболовство в Южно-Китайском море, что должно способствовать снижению напряженности в регионе.

С дипломатической точки зрения АСЕАН использует стратегию «стратегической неопределённости» (Strategic Ambiguity), основанную на «азиатском способе» (ASEAN Way), который предполагает консенсусное принятие решений, невмешательство во внутренние дела и постепенное развитие сотрудничества, чтобы избежать выбора между США и Китаем. Например, в августе 2020 года министры иностранных дел стран АСЕАН приняли Совместное заявление по случаю 53-й годовщины организации, в котором вновь подтвердили приверженность Декларации о зоне мира, свободы и нейтралитета (ZOPFAN). В 2023 году на саммите АСЕАН организация не стала полностью поддерживать Индо-Тихоокеанскую стратегию США, но и не приняла «Один пояс — один путь» Китая, а вместо этого настаивала на своей центральной роли в регионе, продвигая инклюзивное сотрудничество. Однако стратегия «стратегической неопределённости» сопряжена с рисками. Поскольку страны АСЕАН занимают разные позиции по Южно-Китайскому морю, существующие разногласия могут перерасти в глубокий внутренний раскол, что ослабит единство и влияние организации. В будущем АСЕАН необходимо усилить координацию внутри блока, чтобы её дипломатическая стратегия обеспечивала защиту коллективных интересов, а не становилась вынужденной адаптацией к внешнему соперничеству великих держав.

Ограничения стратегии десекуритизации АСЕАН

Несмотря на определённые успехи АСЕАН в продвижении десекуритизации спора в Южно-Китайском море, её стратегия сталкивается с рядом сложных вызовов в условиях сложной международной обстановки. Эти вызовы связаны не только с внутренними разногласиями между странами-членами АСЕАН, но и с постоянным вмешательством внешних держав, а также с уязвимостью региональной системы безопасности. (См. таблицу.) Подход к управлению на основе консенсуса, принципа невмешательства и необязательных механизмов регулирования был весьма эффективен на ранних этапах существования АСЕАН, способствуя развитию регионального сотрудничества

и укреплению доверия. Однако в современных международных условиях этот метод управления сталкивается с серьезными вызовами и ограничениями.

Таблица 1
Ограничения АСЕАН в процессе «десекуритизации»

Ограничение	Проявление	Меры АСЕАН
Внутренние разногласия	Расхождение интересов членов	Поддержание единства через механизм консенсуса
Внешнее давление	Влияние соперничества США и Китая	Подчёркивание «инклюзивного экономического сотрудничества»
Ограниченные механизмы исполнения	Отсутствие обязательных мер	Зависимость от добровольного выполнения членами

1. Внутренние разногласия и конфликт интересов между странами АСЕАН. Как многосторонняя региональная организация, АСЕАН сталкивается с серьезными вызовами в реализации стратегии десекуритизации из-за значительных различий в политических, экономических и оборонных интересах своих стран-членов. Спор в Южно-Китайском море затрагивает территориальные претензии и распределение морских ресурсов, и страны-члены АСЕАН занимают разные позиции по данному вопросу. В частности, страны с территориальными претензиями, такие как Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней, часто оказываются перед выбором между продвижением процесса десекуритизации и защитой своих суверенных интересов. Вопросы национальной безопасности и территориальной целостности этих государств нередко вступают в противоречие с коллективными усилиями АСЕАН по снижению напряжённости.

С усилением американско-китайского соперничества США стремятся использовать разногласия внутри АСЕАН, включая территориальные споры, для укрепления своего влияния в регионе. Вашингтон активно вовлекает такие страны, как Филиппины и Вьетнам, в свою стратегию сдерживания Китая, используя региональные конфликты в качестве рычага давления. В то же время другие страны АСЕАН предпочитают придерживаться нейтралитета или даже поддерживают позицию Китая. Различие в позициях, например между Филиппинами и другими членами АСЕАН по вопросу Южно-Китайского моря, неизбежно ослабляет внутреннее единство организации. АСЕАН принимает решения на основе принципа консенсуса, что означает необходимость единодушного одобрения всеми странами-участницами. Однако значительные расхождения в позициях стран-членов по Южно-Китайскому морю затрудняют

выработку единой стратегии, что напрямую влияет на эффективность мер десекуритизации. В этих условиях АСЕАН необходимо активизировать механизмы внутренней координации, укреплять взаимное доверие между странами-членами и находить баланс интересов, чтобы гарантировать успешную реализацию стратегии десекуритизации.

2. Вмешательство внешних держав и усиление стратегического соперничества. Современная международная среда характеризуется нарастающим стратегическим соперничеством между США и Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе, особенно в Южно-Китайском море. Конфронтация между этими державами усложняет урегулирование спора и создаёт препятствия для десекуритизации. США, реализуя свою Индо-Тихоокеанскую стратегию, укрепляют военное присутствие в регионе и активно продвигают международизацию вопроса Южно-Китайского моря. Вашингтон стремится сформировать международный дискурс, в котором Китай представляется угрозой региональной безопасности. Одновременно Китай усиливает дипломатическое и экономическое сотрудничество с Юго-Восточной Азией, используя, в частности, инициативу «Один пояс — один путь» для расширения своего влияния в регионе. Усиление соперничества между Вашингтоном и Пекином ставит АСЕАН в сложное положение, когда организация оказывается в центре глобального стратегического противостояния. Например, военное присутствие США в Южно-Китайском море, особенно операции по обеспечению свободы навигации (FONOPs), способствует эскалации военной напряжённости, что фактически усиливает секуритизацию спора. В то же время китайская инициатива «Один пояс — один путь» предоставляет экономические возможности для стран АСЕАН, но одновременно усложняет их стратегический выбор в условиях американо-китайского противостояния.

Как сохранить курс на десекуритизацию в условиях этого соперничества, не оказываясь в чрезмерной зависимости от одной из сторон, является ключевым вызовом для АСЕАН. Более того, с усилением конфронтации между США и Китаем, другие крупные державы, такие как Япония, Австралия и Индия, также стали проявлять активность в вопросе Южно-Китайского моря, усиливая международный характер конфликта. Это дополнительно усложняет реализацию стратегии десекуритизации АСЕАН, так как внешнее вмешательство множества акторов ограничивает способность организации

эффективно снижать уровень напряжённости в регионе.

3. Уязвимость структуры региональной безопасности и множественные вызовы. Структура безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона, в котором действует АСЕАН, сама по себе обладает значительной уязвимостью, особенно на фоне постоянного давления со стороны таких крупных держав, как США и Китай. Безопасность региона определяется множеством факторов: помимо территориального спора в Южно-Китайском море, серьезными вызовами остаются ядерная проблема Корейского полуострова, тайваньский вопрос и пограничные споры между Китаем и Индией. Переплетение этих геополитических проблем часто приводит к тому, что АСЕАН вынуждена распределять свое внимание и ресурсы между различными угрозами, что усложняет ее усилия по десекуритизации конфликта в Южно-Китайском море. Уязвимость структуры региональной безопасности создает для АСЕАН ситуацию, при которой ограниченные ресурсы и институциональные механизмы вынуждены реагировать сразу на несколько направлений давления. Например, в условиях стратегического соперничества между США и Китаем АСЕАН необходимо находить баланс между продвижением экономического сотрудничества, снижением уровня военной напряженности и защитой собственных интересов. Однако, по мере эскалации конфликта в Южно-Китайском море, давление на стратегию десекуритизации АСЕАН продолжает возрастать. Более того, относительное влияние АСЕАН в международных и региональных делах не всегда позволяет эффективно противостоять внешнему вмешательству крупных держав в архитектуру безопасности региона. В результате ее усилия по десекуритизации часто оказываются ограниченными внешними стратегическими изменениями, что снижает эффективность предпринимаемых инициатив.

Перспективы и стратегии реагирования

Для эффективного реагирования на вышеупомянутые вызовы АСЕАН необходимо ввести ряд корректировок и принять соответствующие меры. Во-первых, следует усилить координационные механизмы между государствами-членами, способствуя выработке более единой позиции и минимизируя негативные последствия внутренних разногласий. Во-вторых, АСЕАН должно активизировать сотрудничество с внешними крупными державами, в частности, посредством многосторонних платформ,

чтобы укрепить свои позиции в дискурсе по вопросу Южно-Китайского моря и снизить степень внешнего вмешательства. Кроме того, необходимо продвигать более действенные правовые механизмы, обеспечивая реальную обязательную силу таких соглашений, как Кодекс поведения в Южно-Китайском море (СОС), а также усиливать эффективность региональных механизмов безопасности через реформы и инновации. В целом стратегия десекуритизации, проводимая АСЕАН, сталкивается с множеством вызовов, включая как внутренние разногласия, так и сложное противостояние внешних держав. Тем не менее, благодаря уникальному механизму сотрудничества и стратегической гибкости, АСЕАН в определённой степени способно смягчить процесс секьюритизации проблемы Южно-Китайского моря и внести значимый вклад в обеспечение мира и стабильности в регионе.

Литература

1. Гайдаев О. С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–32.
2. Муратшина Ксения Геннадьевна. Советские министры обороны асеан-плюс: Структура, особенности, динамика развития (2010–2022) // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soveschanieministrov-oborony-asean-plyus-struktura-osobennosti-dinamika-razvitiya-2010-2022>.
3. АСЕАН приветствовала возобновление переговоров по кодексу поведения в Южно-Китайском море. 4 февраля 2023. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16961275>
4. Acharya, A. (2014). *The End of American World Order*. Polity Press.
5. "ASEAN Foreign Ministers' Statement on the Importance of Maintaining Peace and Stability in Southeast Asia," August 8, 2020. <https://asean.org/asean-foreign-ministers-statementimportance-maintaining-peace-stability-southeast-asia/>.
6. Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner.
7. Richard Stubbs, "ASEAN's Leadership in East Asian Region-Building: Strengthen Weakness," *PacificReview*. Vol.27, No.4, 2014, Pp.523-541.
8. Ши Тяньи, «Региональные риски и стратегии хеджирования стран АСЕАН», *Мировая экономика и политика*, № 5, 2016, с. 90.
9. Ли Вэй (2021). Роль АСЕАН в споре по Южно-Китайскому морю: десекуритизация и институциональные инновации. В журнале *Contemporary Asia-Pacific*, № 3.

How does ASEAN manage the South China Sea dispute through desecuritization strategy?

Huang Yue

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The South China Sea dispute is one of the most complex and sensitive security issues in the Asia-Pacific region. Using the Copenhagen School's theory of "desecuritization" as an analytical framework, this paper examines how the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) has moved the South China Sea issue from the realm of "securitized" high politics to the realm of low politics through institution building, norm-setting, and multilateral cooperation, thereby contributing to the reduction of regional tensions. The research methodology includes case study, process tracing, and comparative analysis, which helps to identify ASEAN's strategies and limitations in desecuritization practices.

Keywords: ASEAN, desecuritisation, South China sea, dispute, securitization theory

References

1. Gaidayev, O. S. (2021). The Theory of Securitization, or the Well-Forgotten Old: On the Theoretical and Philosophical Origins and the Emergence of the Theory. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, Vol. 21, No. 1, pp. 20–32.
2. Muratshina, Kseniya Gennadyevna. (2024). ASEAN Defense Ministers' Meeting-Plus: Structure, Features, and Development Dynamics (2010–2022). *Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics*, No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soveschanieministrov-oborony-asean-plyus-struktura-osobennosti-dinamika-razvitiya-2010-2022>.
3. ASEAN Welcomed the Resumption of Negotiations on the Code of Conduct in the South China Sea. (February 4, 2023). URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16961275>.
4. Acharya, A. (2014). *The End of American World Order*. Polity Press.
5. ASEAN Foreign Ministers' Statement on the Importance of Maintaining Peace and Stability in Southeast Asia. (August 8, 2020). URL: <https://asean.org/asean-foreign-ministers-statementimportance-maintaining-peace-stability-southeast-asia/>.

statementimportance-maintaining-peace-stability-southeast-asia/.

6. Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner.

7. Stubbs, Richard. (2014). ASEAN's Leadership in East Asian Region-Building: Strength in Weakness. *Pacific Review*, Vol. 27, No. 4, pp. 523–541.

8. Shi Tianyi. (2016). Regional Risks and Hedging Strategies of ASEAN Countries. *World Economy and Politics*, No. 5, p. 90.

9. Li Wei. (2021). ASEAN's Role in the South China Sea Dispute: Desecuritization and Institutional Innovations. *Contemporary Asia-Pacific*, No. 3.

Транснациональные угрозы безопасности в Малаккском проливе

Кьяв Паинг

аспирант, Томский государственный университет,
kp12dec88@gmail.com

Тимошенко Алексей Георгиевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики, Томский государственный университет,
21timoshenko48@gmail.com

Найин Чжо Тун

аспирант, Томский государственный университет,
3nyeinkyaw@iuj.ac.jp

Морская преступность в Малаккском проливе представляет значительную угрозу морской безопасности и мировой торговле, обрабатывая около трети международной торговли, включая жизненно важные поставки энергоносителей. В этой статье анализируется пиратство и морской терроризм в проливе с точки зрения теории возможностей и теории глобализации, подчеркивая сохранение этих преступлений. В ней критикуются существующие международные правовые рамки и отстаиваются комплексные превентивные стратегии, включая усиленное морское наблюдение, укрепление правовых инструментов и технологические инновации для укрепления региональной стабильности. В этой статье подчеркивается необходимость регионального сотрудничества и передовых методов управления для эффективной борьбы с морской преступностью, обеспечения безопасности важнейших морских маршрутов и обеспечения безопасного потока международной торговли.

Ключевые слова: морское пиратство, морской терроризм, Малаккский пролив, транснациональные угрозы безопасности, Юго-Восточная Азия.

The Strait of Malacca, a critical global waterway, faces increasing vulnerability to criminal activities such as piracy, armed robbery, and maritime terrorism, which threaten both regional stability and international trade. This narrow passage, located between the Malay Peninsula and Sumatra, accommodates around 80,000 ship transits annually and is essential for transporting about one-third of the world's trade, including significant energy supplies [1.p.45]. Its strategic importance has made it a hotspot for criminal activities, necessitating enhanced maritime security measures [2. p. 67].

According to the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), piracy is defined as any illegal act of violence or depredation committed for private gain on the high seas (United Nations, 1982, Article 101). [3.p.15] Bueger and Edmunds [4.p.1300] highlight that piracy often thrives in areas with poor surveillance and law enforcement, with the Strait's geographical features creating ideal conditions for such crimes. The lack of effective maritime governance further exacerbates security vulnerabilities.

Globalization has also increased opportunities for crime by facilitating the movement of goods and people, making the Strait an attractive target for criminal organizations [5.p.102]. Additionally, the rise of piracy as a tactic for terrorist groups, motivated by ideological and political goals, poses significant risks to global markets, particularly as vital commodities transit through these waters [6. p. 88].

The growing prevalence of piracy and maritime terrorism has heightened security concerns among coastal states, disrupting global shipping industries [7. p. 45]. Given the evolving nature of these threats, a thorough review of international legal frameworks is essential to effectively address them [5.p.105]. Southeast Asia, with its numerous ports and strategic shipping routes, has become a focal point for this study due to its critical importance to global trade and the heightened risks it faces from maritime crime.

The article is organized as follows: the first section differentiates between piracy and maritime terrorism, outlining their distinct characteristics and motivations. The second section assesses the current state of these threats in Southeast Asian waters. The third section critiques Article 101 of

UNCLOS regarding its effectiveness against piracy and maritime terrorism [3.p.15]. Finally, the article proposes recommendations for strengthening legal frameworks, enhancing regional cooperation, and improving enforcement mechanisms to combat maritime security threats [5.p.106].

Piracy, while declining in the 19th century, re-emerged in the late 20th century with modern hijackings of ships and airplanes. Defined under international law as acts of violence for private gain on the high seas, piracy typically involves criminal attacks by boat-borne assailants targeting vessels or coastal areas [8.p.45]. Mejia et al. [9.p.45] argue for a clear framing of piracy as theft, which helps mitigate legal ambiguities regarding sovereignty and jurisdiction.

Historically, piracy dates back to the 14th century BCE with the Sea Peoples attacking Aegean civilizations [10. p. 30). The UNCLOS codifies piracy, outlining illegal acts committed for private ends on the high seas, while distinguishing them from acts of "armed robbery against ships" that occur within territorial waters [3.p.101]. The provisions in UNCLOS, rooted in earlier conventions, are recognized as customary international law [11. p. 15).

Throughout history, piracy has thrived in various regions. The Barbary States of North Africa, for instance, operated as pirate states from the 16th to the 18th century until suppressed by military campaigns in the early 19th century [12. p. 75]. Maritime terrorism, which includes attacks on civilian and military vessels, lacks comprehensive international regulations, partly due to its perceived lower priority compared to piracy in the 1990s [13. p. 90]. However, the hijacking of the Achille Lauro in 1985 led to the adoption of the SUA Convention, the first international legal framework addressing maritime terrorism [14.p.24].

The interconnection between piracy and terrorism gained prominence after notable incidents, including the Achille Lauro hijacking and the September 11 attacks [15.p.112]. In the late 20th century, piracy re-emerged in East and Southeast Asia and East Africa, often linked to organized crime and, at times, state complicity [7.p.45]. The Law of the Sea, primarily governed by UNCLOS, establishes a legal framework for maritime order, defining territorial waters and exclusive economic zones while allowing for innocent passage [16.p.67].

Although piracy is primarily motivated by financial gain, terrorism is driven by political objectives. The evolving nature of these threats has created a complex piracy-terrorism continuum, particularly evident in hotspots like the Strait of

Malacca. Notable incidents include the 1992 hijacking of the Malaysian cargo ship MV Sinar Mas and the 2000 attack on the bulk carrier Seaspam, highlighting the ongoing risks in these waters [7.p.45].

Piracy in the Strait of Malacca has long posed challenges for ship owners and mariners navigating its 900 km (550 miles) sea lane. Recent coordinated efforts by Indonesia, Malaysia, Thailand, and Singapore have led to increased maritime security, resulting in a notable decline in piracy incidents [6.p.150]. The Strait's geography, characterized by its narrowness and numerous islets, complicates enforcement and provides an advantageous environment for pirates.

According to the International Maritime Bureau (IMB), global pirate attacks decreased for the third consecutive year in 2006, with incidents in the Strait dropping from 79 in 2005 to 50 in 2006 [17.p.10]. Despite this improvement, the region accounted for 40% of global piracy incidents in 2004 [6. p.152). By October 2007, Indonesia remained the world's most piracy-prone country, though it showed signs of improvement compared to the previous year [17. p.12]. The Strait of Malacca is vital for global commerce, with over 120,000 ships transiting annually, representing about one-third of the world's marine trade [18.p. 20]. Between 1995 and 2013, Southeast Asia accounted for 41% of global pirate attacks, with significant fatalities among seafarers [6. p.153].

In recent years, piracy incidents in Southeast Asia have declined sharply. In Q1 2022, the IMB recorded a total of 34 boarded vessels globally, with no crew kidnappings reported for the first time since 2010 [19.p. 5]. However, concerns remain, as the ReCAAP Information Sharing Centre reported 25 incidents in Asian waters in Q1 2023, primarily classified as armed robbery [20.p.8]. The Malacca Straits Patrol, established in response to high piracy rates in 2004, has been effective in reducing incidents, achieving a "close-to-zero incident level" by 2011 through enhanced regional cooperation and information sharing [6. p. 155].

Maritime crime, particularly piracy and maritime terrorism, poses significant threats in regions like the Gulf of Aden, Gulf of Guinea, and Southeast Asia. These criminal activities not only disrupt shipping and trade but also have broader economic implications, such as increased insurance costs passed on to consumers and reduced foreign investment, which can exacerbate poverty and instability in affected areas [17.p.45]. International law, including the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) and the Convention for the Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Maritime Navigation

(SUA), mandates cooperation among member states to combat these issues [21.p.22].

UNCLOS defines piracy in Article 101 as any illegal act of violence or depredation committed for private ends by the crew or passengers of a private ship or aircraft on the high seas or in areas outside any state's jurisdiction [22]. This definition includes a "two-ship" requirement, excluding acts of mutiny or internal hijacking from its scope. Anti-piracy efforts are often undermined by corruption and resource limitations in law enforcement, particularly in Southeast Asia, where officials may collude with pirates due to low salaries [6.p.158].

The 'right of hot pursuit,' as outlined in Article 111 of UNCLOS, allows a coastal state to pursue a foreign vessel violating its laws within its territorial waters, provided the pursuit is continuous [22]. This provision is crucial in regions like the Strait of Malacca, where pirates frequently evade capture by crossing into neighboring territorial waters, complicating enforcement and response efforts [5. p.78].

International initiatives to address high seas criminality have resulted in various treaties, conventions, and regional agreements, notably the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) and the Djibouti Code of Conduct. These frameworks promote international cooperation to tackle maritime security challenges; however, enforcement remains a significant hurdle. Many nations lack adequate naval resources to effectively patrol vast maritime areas, and jurisdictional complexities often impede the prosecution of apprehended pirates and criminals. Without a cohesive approach and sufficient resources, effectively combating high-seas criminality remains a daunting challenge [23.p.12].

To effectively counter threats posed by high-seas criminality, strengthening local maritime law enforcement capabilities is essential. Initiatives focused on training, intelligence-sharing agreements, and advanced surveillance technologies can empower regional forces to respond more effectively to emerging threats. Nonetheless, regional security organizations often encounter difficulties due to differing national priorities and the diverse capabilities of member states [4.p.98].

The private sector also plays a vital role in enhancing maritime security. Shipping companies are increasingly adopting best management practices, such as deploying armed security personnel aboard vessels and utilizing technologies like Automatic Identification Systems (AIS) and satellite tracking to monitor ship movements and detect suspicious activities. The active participation of international organizations,

including the United Nations and the IMO, can facilitate discussions, provide funding, and promote technology sharing to enhance regional maritime security capabilities [20.p.29].

A multi-faceted approach is crucial for effectively addressing piracy and maritime terrorism in the Strait of Malacca and Southeast Asia. Strengthening maritime surveillance and patrols in the Strait and surrounding waters is vital to prevent and respond to incidents. Regional countries can enhance cooperation by establishing joint patrols and information-sharing agreements. Frameworks like the Regional Cooperation Agreement on Combating Piracy and Armed Robbery (ReCAAP) can facilitate collaboration and improve responsiveness. Additionally, reinforcing international legal instruments for prosecuting pirates and maritime terrorists is essential. Modernizing the roles and legal frameworks of organizations such as the United Nations and the IMO can further enhance legal coordination and effectiveness in combating piracy [13.p.22].

International shipping companies should implement Best Management Practices (BMP) to mitigate piracy risks. This includes deploying armed security personnel on ships, utilizing satellite tracking and AIS for monitoring movements, and training crews in emergency response procedures. Such measures can significantly enhance safety and facilitate information sharing and coordination with neighboring countries' navies and police in port and coastal security efforts. Furthermore, developing robust cybersecurity measures is critical to protecting ship infrastructure from cyber threats associated with maritime terrorism. Regional cooperation among Southeast Asian countries is also essential for addressing piracy in the Strait of Malacca, with initiatives like the ASEAN Maritime Forum promoting dialogue, cooperation, and a unified approach to maritime security [13.p. 40].

International shipping companies should implement Best Management Practices (BMP) to mitigate piracy risks. This includes deploying armed security personnel on ships, utilizing satellite tracking and AIS for monitoring movements, and training crews in emergency response procedures. Such measures can significantly enhance safety and facilitate information sharing and coordination with neighboring countries' navies and police in port and coastal security efforts. Furthermore, developing robust cybersecurity measures is critical to protect ship infrastructure from cyber threats associated with maritime terrorism. Regional cooperation among Southeast Asian

countries is also essential for addressing piracy in the Strait of Malacca, with initiatives like the ASEAN Maritime Forum promoting dialogue, cooperation, and a unified approach to maritime security [24].

Maritime crime presents a significant challenge in the Strait of Malacca and worldwide. Effective collaboration among governments, regional organizations, and the private sector is crucial for safeguarding essential trade routes and ensuring maritime safety. Understanding the root causes of this issue is vital for developing proactive prevention strategies. The Strait of Malacca is one of the globe's most important corridors for oil and commodity trade, making it a persistent target for piracy and maritime terrorism. Given its strategic importance, these threats are likely to continue, particularly in light of emerging challenges such as geopolitical tensions. Therefore, ongoing vigilance and coordination among regional governments are essential for addressing these issues. By integrating modern technologies, enhancing information-sharing networks, and increasing naval deployments, regional authorities can effectively mitigate piracy and terrorism. As the maritime landscape evolves in an increasingly interconnected world, innovative and proactive strategies will be necessary to manage the complex nature of high seas crime. Only through coordinated global efforts can we significantly reduce these threats, protect international waters, and ensure the security of future generations.

Transnational Security Threats in the Straits of Malacca

Kyaw Paing, Timoshenko A.G., Nyein Kyaw Tun

Tomsk State University

Maritime crime in the Strait of Malacca poses a significant threat to maritime security and global trade, handling about one-third of international trade, including vital energy supplies. This article analyzes piracy and maritime terrorism in the Strait through opportunity theory and globalization theory, highlighting the persistence of these crimes. It critiques existing international legal frameworks and advocates for comprehensive preventive strategies, including enhanced maritime surveillance, strengthened legal instruments, and technological innovations to bolster regional stability. This article underscores the necessity of regional cooperation and best management practices to effectively tackle maritime crime, promote the security of essential maritime routes, and ensure the safe flow of international trade.

Keywords: maritime piracy, maritime terrorism, Strait of Malacca, transnational security threats, Southeast Asia.

References

1. Chalk, P. (2008). *The Maritime Dimension of International Security: Terrorism, Piracy, and Challenges for the United States*. RAND Corporation.
2. Young, A., & Valencia, M. J. (2003). Conflation of Piracy and Terrorism in Southeast Asia: Rectitude and Utility. *Contemporary Southeast Asia*, 25(2), 269-283.
3. United Nations. (1982). *United Nations Convention on the Law of the Sea*. Retrieved from https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf. Article 10, p-15.
4. Bueger, C., & Edmunds, T. (2017). Beyond sea blindness: A new agenda for maritime security studies. *International Affairs*, 93(6), 1293-1311.
5. Liss, C. (2019). *Oceans of Crime: Maritime Piracy and Transnational Security in Southeast Asia and Bangladesh*. Routledge
6. Murphy, M. N. (2007). *Contemporary Piracy and Maritime Terrorism: The Threat to International Security*. *Adelphi Papers*, 47(388), 1-94.
7. Chalk, P. (2008). *The Maritime Dimension of International Security: Terrorism, Piracy, and Challenges for the United States*. RAND Corporation.
8. Smith, J. (2020). *Modern Piracy: A Historical Overview*. Maritime Press. p. 45.
9. Mejia, M. Q., Jr., Chantal, L., & Cariou, P. (2008). Is maritime piracy random? *Applied Economics Letters*, 15(10), 891-895.
10. Hughes, I. (2006). Sea Peoples and the Fall of the Bronze Age Civilizations. *Ancient Warfare Quarterly*, 4(3), 12-17.
11. Guilfoyle, D. (2009). *Shipping Interdiction and the Law of the Sea*. Cambridge University Press.
12. Heinrichs, W. (1990). The End of the Barbary Corsairs: A Historical Analysis. *Maritime History Review*, 45(2), 85-102.
13. Beckman, R., Grundy-Warr, C., & Forbes, V. L. (2012). *Piracy and International Maritime Crimes in ASEAN: Prospects for Cooperation*. Edward Elgar Publishing.
14. International Maritime Organization (IMO). (2021). *Convention for the Suppression of Unlawful Acts Against the Safety of Maritime Navigation (SUA Convention)*, 1988. Retrieved from <https://www.imo.org/en/About/Conventions/Pages/SUA-Treaties.aspx>

15. Murphy, M. N. (2009). *Contemporary Piracy and Maritime Terrorism: The Threat to International Security*. Adelphi Paper No. 387.
16. Cheng, B. (2012). *The Law of the Sea in the 21st Century*. Harvard Law Review, 125(4), 65-85.
17. International Maritime Bureau (IMB). (2007). *Piracy and Armed Robbery Against Ships: Annual Report 2006*. Retrieved from [https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1002\(25\).pdf](https://wwwcdn.imo.org/localresources/en/KnowledgeCentre/IndexofIMOResolutions/AssemblyDocuments/A.1002(25).pdf)
18. Bueger, C. (2015). The Maritime Security Governance of Southeast Asia: A Critical Assessment. *Journal of International Maritime Law*, 21(2), 145-156.
19. International Chamber of Commerce (ICC). (2022). *Piracy and Armed Robbery against Ships Report*. Retrieved from <https://www.isesassociation.com/icc-imb-annual-report-2022-world-wide-incidents-of-piracy-and-armed-robbery-against-ships/#:~:text=The%20ICC%20IMB%E2%80%99s%20annual%20report%20recorded%20115%20incidents,the%20Singapore%20Straits%2C%20where%20incidents%20continue%20to%20rise.>
20. ReCAAP Information Sharing Centre. (2023). *ReCAAP Quarterly Report: January - March 2023*. Retrieved from <https://www.recaap.org/resources/ck/files/reports/quarterly/ReCAAP%20ISC%201st%20Quarter%20Report%202023.pdf>
21. International Maritime Organization (IMO). (2020). *Maritime Security: Global Challenges and Responses*.
22. UNCLOS. (1982). *United Nations Convention on the Law of the Sea*.
23. Djibouti Code of Conduct. (2009). *Djibouti Code of Conduct Concerning the Repression of Piracy and Armed Robbery against Ships*.
24. ReCAAP. (2020). *Annual Report 2020*. Retrieved from https://www.recaap.org/resources/ck/files/news/2021/News_Release_on_ReCAAP-ISC_Annual_Report_2020_FINAL.pdf

Специфика судебной защиты прав предпринимателей

Автомонова Марина Васильевна

канд. юр. наук, доцент кафедры юридических и специальных дисциплин Ставропольского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, a.mv@ro.ru

Статья рассматривает особенности судебного восстановления прав предпринимателей в условиях современного правопорядка. Актуальность темы обусловлена тем, что коммерческие субъекты, сталкиваясь с требованиями публичных институтов, стремятся оперативно защищать законные интересы. Новизна исследования связана с анализом материалов, отражающих противоречия между внесудебными и судебными механизмами. В рамках работы описаны практические подходы к досудебному урегулированию, деятельности прокурора и участию Уполномоченного по правам предпринимателей. Изучено взаимодействие коммерческих субъектов с арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Особое внимание уделено правовой определенности статуса прокурора, влиянию медиации и третейских судов. Цель – выявить закономерности в выборе процедур и оценить их влияние на эффективность судебного разбирательства. Для ее достижения применены сравнительный анализ, обобщение практики и исследование отечественных правовых актов. В завершении указано, что развитие комбинированного подхода способствует снижению конфронтации. Публикация будет полезна юристам, исследователям и предпринимателям.

Ключевые слова: критерии выбора процедур, предпринимательская деятельность, медиация, прокурор, госорганы, арбитраж, третейские суды, досудебное урегулирование, судебная практика, законные интересы.

Введение

В условиях расширения рыночных связей предпринимателям приходится взаимодействовать с органами публичной власти и частными контрагентами, что нередко приводит к разногласиям. Актуальность темы определяется стремлением коммерческих субъектов минимизировать затраты времени и ресурсов при судебных разбирательствах.

Цель настоящего исследования — проанализировать особенности судебной защиты, уделив особое внимание досудебным механизмам. Задачи состоят в:

- 1) систематизации основных правовых инструментов защиты прав предпринимателей;
- 2) рассмотрении статуса прокурора и иных субъектов, вовлеченных в процесс;
- 3) выявлению причин, побуждающих участников рынка обращаться к суду либо к альтернативным процедурам.

Новизна материала связана с тем, что здесь сопоставляются различные варианты защиты, включая прокурорское реагирование и практику Уполномоченного, что даёт расширенное представление о реальных возможностях защиты коммерческих интересов.

Материалы и методы

В ходе исследования учитывались выводы О.А. Бердышева [1], где анализируются направления судебно-правовой политики, и наработки Г.А. Мантул [6] о международных арбитражных механизмах. Взгляд на общую юрисдикцию отражён в работе Ю.А. Канцер [5], а вопросы защиты юридических лиц вне суда детально разобраны у М.М. Дарькина [4]. Анализ специфики правового регулирования представлен у Ю.И. Воронцова [2]. Ситуацию с прокурорским надзором затрагивает Н.А. Сулейменов [8]. Информация о практических аспектах судебных процедур освещена в трудах Д.А. Решетникова [7], а вопросы медиации — у А.А. Горлова [3]. Материалы об охране интересов предпринимателей внутри страны систематизированы Р.И. Тимофеева [9], а детали защиты индивидуальных предпринимателей описаны Е.А. Шергунова [10].

Для подготовки статьи применены сравнительный подход, анализ нормативных актов и обзор судебных решений, чтобы сопоставить

различные формы защиты и оценить их практическую значимость.

Результаты

В ходе анализа материалов, освещающих порядок судебного восстановления прав предпринимателей, выявлено, что значительная часть конфликтных ситуаций возникает из-за совмещения частного интереса и государственных требований, причём хозяйствующие субъекты стремятся оперативно урегулировать возникающие вопросы без обращения в суд. Вместе с тем нарушенные интересы предпринимателей нередко восстанавливаются через судебные инстанции различных уровней при опоре на механизмы, заложенные в Гражданском кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ и иных нормативных правовых актах. По мнению Р.И. Тимофеева [9], защита прав предпринимателей имеет свои особенности и обусловлена сочетанием как частно-правовых, так и публично-правовых отношений. Сказанное даёт основание рассматривать комбинацию частных и публичных начал как один из факторов, влияющих на судебное разбирательство.

Практика рассмотрения экономических споров арбитражными судами демонстрирует ситуации, когда субъекты предпочитают досудебное разрешение конфликта через претензионный порядок либо при содействии третейских судов. При этом в АПК РФ (ст. 4) отражена обязанность использовать мирные пути согласования до подачи иска. Данный порядок оправдывает себя, если стороны настроены на урегулирование разногласий в сжатые сроки. В случае, когда спор связан с деятельностью госорганов, предприниматели обращаются к нормам законодательства о судебном обжаловании актов, принятых органами власти, руководствуясь Гражданским кодексом РФ (ст. 13) и Федеральным законом «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».

Для ситуаций, где заявлен интерес групп субъектов, в процесс по ст. 52 АПК РФ вправе вступать прокурор. В подобном случае прокуратура руководствуется нормами Закона «О прокуратуре РФ», а сам прокурор защищает неопределённый круг лиц либо конкретное предприятие. Исследование судебной практики указывает на неоднозначность положений о его обязанностях по досудебным действиям. Одни судебные акты требуют от него соблюдения претензионного порядка, другие, напротив,

освобождают от такого шага, ссылаясь на статус прокурора как лица, не являющегося стороной.

Юрисдикция судов общей юрисдикции охватывает экономические конфликты, возникающие при участии граждан без статуса предпринимателя или при оспаривании решений органов государственной власти в сфере предпринимательской деятельности. По Ю.А. Канцеру [5], суды общей юрисдикции рассматривают споры и «по искам, связанным с предпринимательской деятельностью, если хотя бы одной из сторон выступает лицо без статуса коммерческой организации». В подобных делах часто встречаются требования об обжаловании действий должностных лиц, ненадлежащем исполнении административных процедур или оспаривании нотариальных актов.

Стратегия совершенствования судебной защиты предприятий предполагает учёт судебной политики (термин, встречающийся у О.А. Бердышева [1], где отмечено, что в научной литературе выделяют несколько направлений судебной политики: правотворческое, правоприменительное, интерпретационное, доктринальное), это даёт возможность шире анализировать как законодательные новеллы, так и процессуальные инструменты в сфере предпринимательства. Судебная форма нередко дополняется обращением к механизму медиации, третейским судам и деятельности Уполномоченного по защите прав предпринимателей. При этом закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» способствует сокращению временных затрат и снижает риски нарушения деловой репутации.

Для правоприменения в сфере предпринимательских отношений учтены положения Конституции РФ (ст. 34, 45, 46), Гражданского кодекса РФ (ст. 2, 23, 401), Арбитражного процессуального кодекса РФ (ст. 4, 52), а в уголовно-правовом направлении применяют ст. 171, 172 УК РФ. Наличие специфических норм позволяет устранить угрозы незаконного вмешательства в деятельность бизнеса при соблюдении гарантированного Конституцией судебного порядка обжалования. Анализ Г.А. Мантула [6] указывает на усиление значения международных коммерческих арбитражей: фирмы, осуществляющие трансграничные операции, пользуются механизмом международных третейских разбирательств для поддержки стабильной деловой среды.

Исследование законодательных актов и судебных прецедентов подтверждает: предприятия опираются на сочетание публичной защиты

(включая прокурорское реагирование, контрольную деятельность государственных органов, работу института Уполномоченного по правам предпринимателей) и традиционного судебного процесса, изложенного в АПК РФ и ГПК РФ. Одновременно сохраняется интерес к третейскому разбирательству, позволяющему ускорить урегулирование корпоративных и имущественных коллизий. Распространены случаи, когда медиация рассматривается в качестве дипломатического способа разрешения конфликтов, что снижает степень конфронтации сторон и повышает шансы сохранить взаимодействие участников хозяйственного оборота.

Обсуждение

Результаты исследования сопоставимы с ранее опубликованными работами, где подчеркивались особенности судебного отстаивания прав при взаимодействии органов публичной власти и коммерческих структур. Утверждения о повышенной значимости досудебных механизмов находят подтверждение в ряде трудов, посвященных медиации и третейскому разбирательству. В проанализированных источниках встречаются примеры, когда предприниматели выбирают быстрые внесудебные способы из-за сокращения сроков и расходов [8]. Кроме вышесказанного, рассмотренные материалы указывают на случаи, когда компании вынуждены обращаться к судебному порядку вследствие неоднозначной трактовки нормативных положений.

Обзор литературы проливает свет на неоднородность практики относительно обязательного претензионного шага. Некоторые авторы указывают на сложность правового статуса прокурора при защите круга лиц [2; 10], которые не определены заранее, что согласуется с обнаруженными противоречиями в разрешении исков, подаваемых прокурором. При этом в одних судебных решениях прокурор свободен от претензионной процедуры, а в других обязан соблюдать общий регламент. Подобное несоответствие порождает дополнительные разногласия и усложняет единообразие судебной защиты.

Связи между законодательными новациями в арбитражном процессе и возрастанием роли третейских судов свидетельствуют о стремлении участников рынка сократить нежелательные последствия публичных слушаний. Сопоставление данных работы с материалами, освещающими процессуальные реформы, подтверждает, что распространение медиации повысило интерес к соглашениям, способствующим

мирному разряжению конфликта. Параллельно Уполномоченный по правам предпринимателей развивает надзорную и консультационную деятельность, сдерживая неправомерное вмешательство со стороны контрольно-надзорных структур [3]. В современных условиях данное направление нуждается в более глубоком освещении, поскольку многие исследования затрагивают лишь теоретические предпосылки такого института.

Неожиданными выглядят эпизоды, когда предприниматели задействуют суд, хотя располагают возможностью урегулировать спор собственными переговорами. Такая противоречивость подтверждает, что отдельные организации стремятся создать судебный прецедент или подтвердить собственную позицию публично, особенно если ситуация кажется острой. В ряде источников встречаются упоминания о тяготении сторон к формальным судебным процедурам вместо прямых переговоров, если конфликт достиг значительной остроты. Эти наблюдения согласуются с тем, что чрезмерное усиление противостояния снижает ценность примирительных методик.

Изучение литературных данных показало, что предыдущие исследования уделяли меньше внимания особенностям прокурорского надзора и привлечению иных государственных структур к защите корпоративных интересов [4; 7]. Настоящее исследование подчеркивает недостаточную систематизацию в данной сфере и описывает обстоятельства, при которых судебная форма становится вынужденным шагом. Практическая ценность произведенной работы связана с выявлением закономерностей судебной защиты, выделением факторов, влияющих на длительность разбирательств и стимулированием более детального изучения механизмов сотрудничества бизнеса и государственных органов.

Полученные выводы расширяют представления о судебной защите прав предпринимателей, демонстрируя, что досудебные методики, правовое положение прокурора и возможности взаимодействия с Уполномоченным оказывают значительное воздействие на уровень защищенности коммерческих субъектов. Предполагается, что дальнейшие исследования позволят точнее оценить влияние процессуальных реформ на скорость разрешения споров и углубить сравнительный анализ региональной судебной практики. Анализ материалов указывает на потенциал углубленного изучения сочетания судебных методов и альтернативных способов для повышения открытости и прогнозируемости правовой среды.

Заключение

Проведённый анализ подтвердил, что комбинация публичных и частных методов способна повысить эффективность защиты интересов предпринимателей. Первая задача, связанная с систематизацией правовых инструментов, продемонстрировала широкий диапазон возможностей: судебные механизмы, медиация, третейское разбирательство, досудебные соглашения. Вторая задача, включавшая исследование статуса прокурора, позволила выявить правовые коллизии при соблюдении претензионного порядка и определить особенности его вмешательства в защиту неопределённого круга лиц. Третья задача, посвящённая факторам, влияющим на выбор конкретной процедуры, показала, что участники рынка учитывают сроки, экономическую выгоду и публичность дела.

Формирование комплексного подхода к судебной защите содействует созданию стабильного предпринимательского климата. Результаты могут послужить основанием для совершенствования нормативных актов и развития научных работ, ориентированных на согласование интересов бизнеса и государства.

Литература

1. Бердышева, О. А. Судебно-правовая политика в области защиты прав субъектов предпринимательской деятельности // Вестник магистратуры. – 2022. – № 5-3 (128). – С. 67–74.
2. Воронцова, Ю. И. Содержание и проблемы правового регулирования судебной защиты прав и законных интересов предпринимателей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 9-2. – С. 57–66.
3. Горлова, А. А., Старцева, С. В. Формы защиты прав предпринимателей и виды предпринимательских споров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 4-2. – С. 81–90.
4. Дарькина, М. М. Актуальные проблемы защиты прав юридических лиц и предпринимателей во внесудебном порядке // Экономика. Право. Общество. – 2016. – № 1. – С. 44–49.
5. Канцер, Ю. А. Защита прав предпринимателей и организаций судами общей юрисдикции // E-Scio. – 2022. – № 3 (66). – С. 32–40.
6. Мантул, Г. А. Судебная защита предпринимательской деятельности в международном праве // ЮП. – 2014. – № 4 (65). – С. 21–30.
7. Решетникова, Д. А., Шульга, А. К. Судебная защита прав предпринимателей // Актуальные проблемы современности. – 2018. – № 3 (21). – С. 49–54. – EDN IHWYRP.
8. Сулейменов, Н. А. Практика защиты прав предпринимателей в странах СНГ и дальнего зарубежья // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 6. – С. 102–110.
9. Тимофеева, Р. И. Особенности защиты прав при осуществлении предпринимательской деятельности // Право и практика. – 2018. – № 4. – С. 45–53.
10. Шергунова, Е. А. Защита прав и законных интересов индивидуальных предпринимателей / Е. А. Шергунова // Экономика и современное общество: актуальные вопросы теории и практики : монография. – Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2021. – С. 143–153. – EDN DFDDNY.

Specificity of judicial protection of the rights of entrepreneurs

Avtomonova M.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the specifics of judicial restoration of entrepreneurs' rights in the context of the modern legal order. The relevance of the topic is due to the fact that commercial entities, faced with the demands of public institutions, seek to promptly protect their legitimate interests. The novelty of the study is associated with the analysis of materials reflecting the contradictions between extra-judicial and judicial mechanisms. The work describes practical approaches to pre-trial settlement, the activities of the prosecutor and the participation of the Commissioner for the Rights of Entrepreneurs. The interaction of commercial entities with arbitration courts and courts of general jurisdiction is studied. Particular attention is paid to the legal certainty of the status of the prosecutor, the influence of mediation and arbitration courts. The goal is to identify patterns in the choice of procedures and assess their impact on the effectiveness of judicial proceedings. To achieve this, a comparative analysis, generalization of practice and study of domestic legal acts are used. In conclusion, it is indicated that the development of a combined approach helps to reduce confrontation. The publication will be useful for lawyers, researchers and entrepreneurs.

Keywords: criteria for choosing procedures, entrepreneurial activity, mediation, prosecutor, government agencies, arbitration, arbitration courts, pre-trial settlement, judicial practice, legitimate interests.

References

1. Berdysheva, O. A. Judicial and legal policy in the field of protecting the rights of business entities // Bulletin of the Magistracy. - 2022. - No. 5-3 (128). - P. 67-74.
2. Vorontsova, Yu. I. Contents and problems of legal regulation of judicial protection of the rights and legitimate interests of entrepreneurs // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2019. - No. 9-2. - P. 57-66.
3. Gorlova, A. A., Startseva, S. V. Forms of protection of the rights of entrepreneurs and types of business disputes // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2022. - No. 4-2. - P. 81-90.
4. Darkina, M. M. Actual problems of protecting the rights of legal entities and entrepreneurs out of court // Economy. Law. Society. - 2016. - No. 1. - P. 44-49.
5. Kantzer, Yu. A. Protection of the rights of entrepreneurs and organizations by courts of general jurisdiction // E-Scio. - 2022. - No. 3 (66). - P. 32-40.
6. Mantul, G. A. Judicial protection of entrepreneurial activity in international law // UP. - 2014. - No. 4 (65). - P. 21-30.
7. Reshetnikova, D. A., Shulga, A. K. Judicial protection of the rights of entrepreneurs // Actual problems of our time. - 2018. - No. 3 (21). - P. 49-54. - EDN IHWYRP.
8. Suleimenov, N. A. Practice of protecting the rights of entrepreneurs in the CIS countries and abroad // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 6. - P. 102-110.
9. Timofeeva, R. I. Features of protecting rights in the implementation of entrepreneurial activities // Law and Practice. - 2018. - No. 4. - P. 45-53.
10. Shergunova, E. A. Protection of the rights and legitimate interests of individual entrepreneurs / E. A. Shergunova // Economy and modern society: topical issues of theory and practice: monograph. - Penza: Science and Education (IP Gulyaev G. Yu.), 2021. - P. 143-153. - EDN DFDDNY.

Лица с ограниченными возможностями здоровья в рамках инновационно-технологической модели инвалидности

Башмакова Ирина Владимировна

аспирант Высшей школы права Югорского государственного университета, irinushka_bv@mail.ru

Цель данной статьи – выявить несоответствие термина «лица с ограниченными возможностями здоровья» правовому положению инвалидов в рамках инновационно-технологической модели инвалидности. В заключении автор обосновывает данное утверждение тем, что сложившаяся социальная защита инвалидов, а равно широкий спектр прав и свобод, обеспеченных наличием определенных льгот, опровергает ограниченность лиц данной категории, констатируя их особые потребности. Методология данной статьи определяется совокупностью применяемых методов: анализа, синтез, индукция, дедукция, логический, формально-юридический и др.

Ключевые слова: инновационно-технологическая модель инвалидности, лица с ограниченными возможностями здоровья, лица с особыми потребностями.

Инновационно-технологическая модель инвалидности характеризует современное представление о правовом положении инвалидов, определяя его через призму потребности последних в инновационных средствах реабилитации. В настоящее время актуальность инновационных технологий не вызывает сомнений, так как они проникают во все сферы жизнедеятельности и оказывают существенное воздействие на возможности определенных категорий граждан.

Существенный рост инвалидов в Российской Федерации, связанный с проведением Специальной военной операции (далее – СВО), констатирует тот факт, что прежние взгляды на инвалидность не могут остаться неизменными, соответственно, требуются определенные корректировки правовой стороны анализируемого вопроса.

Инновационные технологии получают все большее распространение среди инвалидов, как технические средства реабилитации и абилитации, несмотря на это, правовое регулирование использования инновационных технологий в процессе реабилитации инвалидов не достаточно развито. Целесообразно говорить о том, что законодатель стремится к устранению имеющихся пробелов, с целью создания эффективного правового «щита» социальной защиты инвалидов.

Тем не менее, одной из проблем правового характера, по мнению автора, является несоответствие терминологического аппарата требованиям инновационно-технологической модели инвалидности. Примером, такого несоответствия является термин «лица с ограниченными возможностями здоровья» (далее – лица с ОВЗ).

В научной литературе отмечается, что термины «лица с ОВЗ» и «инвалид» находятся в определенном соотношении, которые порой расцениваются как синонимичное [6; 110]. Тем не менее, следует говорить о том, что лица с ОВЗ не всегда приобретают статус инвалида, то есть, если имеется нарушение состояния физического или психического здоровья, не влекущее серьезных нарушений в жизнедеятельности такого лица, то инвалидность в таком случае не устанавливается, а правовой статус инвалида будет отсутствовать. Таким

образом, не целесообразно утверждать о тождественности понятий «инвалид» и «лица с ОВЗ». Можно в научных кругах встретить и иную трактовку термина «инвалид»: «человек с особенностями развития», «лицо с отклонениями в развитии», «лицо с инвалидностью» и т.д.

В опубликованных исследованиях в рамках заявленной проблематики также встречаются разрозненные представления о проблеме соотношения указанных понятий. Так, например, в учебном пособии «Организационные технологии инклюзивного волонтерства» отмечается, что инвалидность определяется как: «комплексное понятие, объединяющее в себе различные нарушения, ограничения активности и возможного участия в жизни общества и требующее специального освидетельствования и присвоения соответствующей группы инвалидности.» [4; 111].

Как следует из отмеченного определения, инвалидность в научной литературе рассматривается с позиции медицинской характеристики. То есть, при определении сущности инвалидности, обязательным элементом выступает именно ограниченность человека в той или иной сфере, однако, предполагается, что рассматриваемый термин имеет более широкие горизонты и должен трактоваться не только ограниченно рамками медицинской модели инвалидности. Обусловлено сказанное тем, что «инвалидность» – это явление социальное, многогранное и требует более детального анализа, нежели, имеющийся в настоящее время.

Также встречается мнение о том, что инвалидность представляется как определенный статус, в соответствии с которым инвалид приобретает определенные права. Данный статус устанавливается в соответствии с особой правовой процедурой, которой выступает медико-социальная экспертиза (далее – МСЭ). Особое значение в данной области имеет причина инвалидности. Следовательно, целесообразно утверждать, что инвалидность необходимо воспринимать как юридический факт, выступающий основанием для реализации социальной защиты в отношении лица, признанного на законном основании инвалидом.

Вышесказанное является определенным основанием установления необходимости социальной защиты инвалидов, так как именно с момента установления инвалидности возникают определенные правовые отношения, требующие особого внимания со стороны государства и диктующие потребность инвалида в такой защите.

Инновационно-технологическая модель инвалидности построена на превашировании потребностей над ограничениями. Иными словами, современное представление о правовом статусе инвалидов сводится к тому, что инвалид является лицом, которое нуждается в инновационных технологиях, как в средстве реабилитации, так как именно такие системы способствуют наиболее эффективному восстановлению и продуктивной интеграции инвалидов в общество.

О.Г. Грибукова и Н.Э. Касаткина утверждают, что: «ограничение возможностей является более легкой формой отклонений, при которых человек не полностью ограничен в своей жизнедеятельности, а только нуждается в предоставлении особых условий. Если же у человека имеются серьезные заболевания и отклонения, но ему не была предоставлена инвалидность, он признается лицом, имеющим ограничение возможностей. Люди, которым была установлена инвалидность, автоматически считаются имеющими ОВЗ» [3; 95].

О.А. Козырева отмечает, что: «понятие лица с ОВЗ охватывает категорию лиц, жизнедеятельность которых характеризуется какими-либо ограничениями или отсутствием способности осуществлять деятельность способом или в рамках, считающихся нормальными для человека данного возраста» [5; 148].

Следовательно, анализируя термин «лица с ОВЗ» выявляется акцент именно на том, что инвалид имеет те или иные отклонения в состоянии физического или психического здоровья, что условно искажает сущность правовой регламентации социальной защиты инвалидов и, по мнению автора, является «пережитком» медицинской, экономической и социальной модели инвалидности.

На законодательном уровне термин «лица с ОВЗ» употребляется в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», при этом, данный термин используется в определенной взаимосвязи именно с образовательным процессом: «под обучающимся с ограниченными возможностями здоровья понимается физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий» [1].

Помимо указанного нормативного правового акта, термин «лица с ОВЗ» используется также в Федеральном законе от 30.06.2007 № 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законода-

тельные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья» [2], где законодатель и вовсе не счел необходимым дать легального и структурированного определения.

Следовательно, отсутствие четкой правовой позиции законодателя по поводу определения анализируемого термина, приводит к тому, что возникает замещение термина «инвалид» термином «лицо с ОВЗ», что является недопустимым особенно в рамках инновационно-технологической модели инвалидности, сущность которой сводится именно к наличию потребности инвалидов в инновационном социальном обеспечении.

Следовательно, представляется, что применение термина «лица с ОВЗ» является некорректным и требуется введение нового термина, который будет соответствовать современной модели инвалидности. Предполагается, что таковым следует определить термин «лица с особыми потребностями», который будет интерпретирован как лицо, нуждающееся в инновационно-технологической социальной защите, которая направлена на восстановление полноценного образа жизни лиц, которые в соответствии с состоянием физического или психического здоровья не могут самостоятельно выполнять определенные манипуляции.

Литература

1. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Собр. законодательства РФ. - № 53 (ч.1). - 31.12.2012. - Ст. 7598.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья: федер. закон от 30.06.2007 № 120-ФЗ в ред. от 02.07.2013 № 185-ФЗ // Собр. законодательства РФ. - 02.07.2007. - № 27. - Ст. 3215.

3. Грибукова О.Г., Касаткина Н.Э. Модель подготовки студентов педагогического вуза к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 4 (36), с. 93–100.

4. Кузьмин К.В., Кульберг А.С., Цветков А.И., Дугина Е.А., Набойченко Е.С., Пупкова И.А., Бессонова М.Ю. Организационные технологии инклюзивного волонтерства: учебное пособие. Екатеринбург: ГАУЗ СО «Многопрофильный клинический медицинский центр "Бонум"», 2023, 163 с.

5. Козырева О.А. Анализ дефиниции «лицо с ограниченными возможностями здоровья» // The Newman in Foreign policy. 2017. № 37(81). С. 148 – 151.

6. Сильченко Е.В. Проблема разграничения понятий «инвалид» и «лицо с ОВЗ» в современной российской системе образования // Алтайский вестник Финуниверситета.

Persons with limited health capabilities within the framework of the innovative-technological model of disability

Bashmakova I.V.

Ugra State University

The purpose of this article is to identify the inconsistency of the term "persons with disabilities" with the legal status of persons with disabilities within the framework of the innovative technological model of disability. In conclusion, the author substantiates this statement by the fact that the existing social protection of persons with disabilities, as well as a wide range of rights and freedoms provided by the availability of certain benefits, refutes the limitations of this category of persons, stating their special needs. The methodology of this article is determined by a set of applied methods: analysis, synthesis, induction, deduction, logical, formal legal, etc.

Keywords: innovative and technological model of disability, persons with disabilities, persons with special needs.

References

1. On Education in the Russian Federation: federal law of 29.12.2012 No. 273-FZ (as amended on 29.12.2022) (as amended and supplemented, entered into force on 11.01.2023) // Coll. legislation Russian Federation. - No. 53 (Part I). - 31.12.2012. - Art. 7598.

2. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issue of Citizens with Disabilities: federal law of 30.06.2007 No. 120-FZ as amended on 02.07.2013 No. 185-FZ // Coll. legislation Russian Federation. - 02.07.2007. - No. 27. - Art. 3215.

3. Gribukova O.G., Kasatkina N.E. Model of training students of a pedagogical university to work with children with disabilities // Professional education in Russia and abroad. 2019. No. 4 (36), pp. 93–100.

4. Kuzmin K.V., Kulberg A.S., Tsvetkov A.I., Dugina E.A., Naboychenko E.S., Pupkova I.A., Bessonova M.Yu. Organizational technologies of inclusive volunteering: a tutorial. Ekaterinburg: State Autonomous Healthcare Institution of the Sverdlovsk Region "Multidisciplinary Clinical Medical Center "Bonum", 2023, 163 p.

5. Kozyreva O.A. Analysis of the definition of “person with disabilities” // The Newman in Foreign policy. 2017. No. 37 (81). P. 148 – 151.

6. Silchenko E.V. The problem of distinguishing between the concepts of “disabled person” and “person with disabilities” in the modern Russian education system // Altai Bulletin of the Financial University.

Система мер ответственности арбитражного управляющего

Ермилов Валерий Борисович

соискатель, кафедра гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), ErVB-advokat@yandex.ru

Основной целью исследования является анализ и понимание природы ответственности арбитражных управляющих на основании исследования законодательства, научной литературы и правоприменительной практики. В статье дается общая характеристика мер ответственности, применяемых к арбитражным управляющим, рассматриваются основания их применения и соотношения между собой. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что каждая из мер ответственности выполняет самостоятельную функцию и соответственно эти меры могут применяться как отдельно, так и совместно. При этом такие меры как исключение из саморегулируемой организации и отстранение применяются только при существенном нарушении. Вместе с тем, гражданско-правовая ответственность более эффективна, чем другие виды ответственности, поскольку помимо регулирующих, карательных и профилактически-воспитательных функций, она направлена на восстановление ситуации, существовавшей до нарушения, и на возмещение вреда, причиненного действиями арбитражного управляющего.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, финансовый управляющий, ответственность, отстранение арбитражного управляющего, основания ответственности, исключение арбитражного управляющего.

Арбитражный управляющий является одним из центральных субъектов, участвующих в деле о банкротстве. Важнейшую роль в процедурах банкротства играет арбитражный управляющий для юридических лиц и финансовый управляющий для граждан. «Для поддержания баланса интересов участников производства по делу и процедур несостоятельности (банкротства) особая роль принадлежит арбитражному управляющему, который должен действовать как в интересах должника, так и его кредиторов, а также выражать и публичные интересы» [5, с. 74 - 82]. Верховный Суд РФ также отмечал, что «выполнение обязанностей конкурсного управляющего является публичной деятельностью» (Определение Верховного Суда РФ от 04.12.2023 № 305-ЭС23-15942 по делу № А40-101466/2022).

Если обратиться к законодательству, то особый статус арбитражного управляющего в деле о банкротстве подтверждается повышенными требованиями к нему и особым порядком назначения. Так, в силу ст. 20 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) арбитражный управляющий должен быть членом одной из саморегулируемых организаций (СРО) арбитражных управляющих. Согласно ч. 2 ст. 20 Закона о банкротстве для того, чтобы стать членом саморегулируемой организации арбитражный управляющий должен иметь высшее образование; стаж работы на руководящих должностях не менее чем год и стажировки в качестве помощника арбитражного управляющего в деле о банкротстве не менее чем два года; сдать теоретический экзамен по программе подготовки арбитражных управляющих и т.д.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что арбитражный управляющий в делах о банкротстве призван обеспечить необходимый баланс интересов кредиторов, должника и иных лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Функции арбитражного управляющего различаются в зависимости от соответствующей процедуры. К примеру, в процедуре наблюдения его функции в основном сводятся к осуществлению контроля над деятельностью должника и его органов управления, согласованию совершения должником определенных

действий, а также заявлении возражений относительно требований кредиторов, в том числе о пропуске срока исковой давности. Также на этом этапе арбитражный управляющий вправе принимать участие в судебных заседаниях арбитражного суда по проверке обоснованности представленных возражений должника относительно требований кредиторов и обращаться в арбитражный суд с ходатайством о принятии дополнительных мер по обеспечению сохранности имущества должника и т.д.

В свою очередь в процедуре внешнего управления функции арбитражного управляющего существенно расширяются. Согласно ст. 99 Закона о банкротстве внешний управляющий получает право распоряжаться имуществом должника в соответствии с планом внешнего управления; заключать от имени должника мировое соглашение; заявлять отказ от исполнения договоров должника и т.д.

Если говорить о конкурсном производстве, то его полномочия еще более расширяются, так как он становится гарантом правомерного распределения имущества, составляющего конкурсную массу между кредиторами, а также принимает все необходимые меры для ее пополнения.

Таким образом, арбитражный управляющий в зависимости от процедуры банкротства может как осуществлять контроль за деятельностью должника, так и самостоятельно управлять деятельностью должника.

Специальный правовой статус арбитражного управляющего в делах о банкротстве предполагает и особый характер его ответственности. Ответственность арбитражного управляющего определяется в ст. 20.4 Закона о банкротстве, согласно которой за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей он несет ответственность. Действительно, положения ст. 20.4 Закона о банкротстве демонстрируют более широкий перечень санкций, применяемых к арбитражному управляющему, который включает в себя:

отстранение арбитражного управляющего от исполнения своих полномочий в рамках дела о банкротстве (п. 1 ст. 20.4 Закона о банкротстве);

исключение арбитражного управляющего из саморегулируемой организации в связи с нарушением им условий членства или иных требований закона (п. 2 ст. 20.4 Закона о банкротстве);

дисквалификация арбитражного управляющего (п. 3 ст. 20.4 Закона о банкротстве);

возмещение убытков (п. 3 ст. 20.4 Закона о банкротстве).

Также закон допускает возможность установления и дополнительных мер ответственности различными стандартами.

К основным видам ответственности арбитражного управляющего относятся отстранение его от исполнения возложенных обязанностей, взыскание убытков, причиненных должнику, а также дисквалификацию за совершение административного правонарушения [3, с. 96-104]. Однако, позиция ученого не учитывает еще такую меру, как исключение из СПО арбитражных управляющих, которая прямо в законе проименована.

Законодатель выделяет перечень мер ответственности, применяемых к арбитражному управляющему, соответственно, как с теоретической, так и с практической точки зрения и возникает вопрос о соотношении данных мер, возможности их параллельного применения и соотношении оснований.

Первая мера ответственности – отстранение арбитражного управляющего, применяется за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, возложенных на арбитражного управляющего. Однако аналогичные основания указаны для применения как исключения из саморегулируемой организации, так и возмещения убытков. Совпадающие основания применения соответствующих мер позволяют сделать вывод о возможности их параллельного применения. В то же время обозначенные меры ответственности значительным образом отличаются друг от друга по характеру негативных последствий.

Очевидно, что исключение из СПО, предполагает фактически уход арбитражного управляющего из профессии, соответственно, для применения такой санкции необходимы достаточно серьезные основания. Этот вывод подтверждает и правоприменительная практика, в частности, Верховный Суд РФ прямо называет исключение из СПО исключительной мерой, применяемой только за существенной нарушение, поскольку ее применение препятствует осуществлению дальнейшей профессиональной деятельности лица (Определение Верховного Суда РФ от 16.04.2021 № 301-ЭС21-4106 по делу № А43-51214/2019).

Если говорить об отстранении арбитражного управляющего, то это несет меньше негативные последствия, так как предполагает прекращение его полномочий только в рамках конкретного дела о банкротстве. При этом, как было указано Верховным Судом Российской Федерации в Обзоре судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в

деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023) нарушения, допущенные арбитражным управляющим при исполнении возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве, не являются основанием для его отстранения, если они признаны судом не существенными. Тем самым не любое нарушение, совершенное арбитражным управляющим, может расцениваться как основание для его отстранения. Далее Верховный Суд РФ разъясняет, что применение рассматриваемой меры ответственности невозможно, если арбитражный управляющий в целом добросовестно исполнял свои полномочия по наполнению конкурсной массы, взысканию задолженности оспариванию сделок, а нарушения носят формальный характер, например, связаны с нарушением сроков опубликования информации, ошибочное отражение в протоколе сведений о принятых на собрании кредиторов решениях; указание в отчете конкурсного управляющего неконкретных сведений о его расходах; представление отчетов конкурсного управляющего без приложения копий документов, подтверждающих указанные в отчетах сведения и т.п. Фактически, подход Верховного Суда РФ сводится к тому, что если арбитражный управляющий своими действиями не причинил вреда имущественным правам и интересам кредиторов, то данные действия не могут служить основанием для отстранения.

Еще одной мерой ответственности, применяемой к арбитражному управляющему, является взыскание убытков. В п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве сказано, что арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве и факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда.

Возмещение убытков со всей очевидностью относится к мерам гражданско-правовой ответственности, что со своей стороны ставит вопрос об основаниях применения соответствующих мер ответственности и соотношении норм закона о банкротстве с положениями гражданского законодательства.

Общие положения о гражданско-правовой ответственности при разрешении споров о взыскании убытков с арбитражного управляющего подлежат применению в той части, в которой не вступают в противоречие с нормами специального права - Закона о банкротстве [3, с.

32-82]. Действительно, нормы ГК РФ носят общий характер по отношению к Закону о банкротстве.

К ответственности арбитражного управляющего должен применяться тот же стандарт, что ответственность арбитражного управляющего по аналогии с ответственностью единоличного исполнительного органа юридического лица наступает за его недобросовестные и неразумные действия, т.е. применяется тот же стандарт ответственности, что и к ответственности единоличного исполнительного органа [1, с. 488]. Такой вывод находит отражение и в п. 12 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», согласно которому разъяснения норм об ответственности органов юридического лица применяются и к арбитражному управляющему.

Поскольку, «ответственность арбитражного управляющего в отличии от ответственности органа юридического лица не имеет внутрикорпоративного характера и затрагивает интересы не только участников, но и кредиторов, а также иных лиц» [2, с. 165-182], ученный критически относится к такому подходу.

Как представляется, второй подход является обоснованным, поскольку арбитражный управляющий является специальным субъектом, к которому предъявляются повышенные требования к его профессиональным качествам, необходимости членства в саморегулируемой организации, тогда как к лицу, занимающему должность единоличного исполнительного органа каких-либо профессиональных требований, законом не устанавливается.

Таким образом, к арбитражному управляющему должны предъявляться повышенные требования и стандарты. Более того, ответственность арбитражного управляющего обеспечивается страхованием, субсидиарной ответственностью саморегулируемой организацией.

Если же говорить о соотношении различных мер ответственности, определенных в ст. 20.4 Закона о банкротстве, то можно сказать, что каждая из представленных мер не исключает друг друга, каждая из них выполняет свою задачу. Так, отстранение арбитражного управляющего имеет превентивный характер и направлена на пресечение возможных нарушений им в будущем. Исключение из СРО имеет схожие цели, связанные с недопущением лица, совершившего существенные нарушения, к осуществлению профессиональной деятельности. Гражданско-правовая ответственность в виде

возмещения убытков нацелена на восстановление положения существовавшего до нарушения, на возмещение имущественных потерь, которые нанесли действия арбитражного управляющего.

Литература

1. Шишмарева Т.П. Способы противодействия злоупотреблению правами участниками процедур несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 2. С. 74 - 82.
2. Кантор Н.Е. Применение business judgment rule в спорах о гражданско-правовой ответственности арбитражных управляющих // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. С. 165 - 182.
3. Свириденко О.М. Правовое регулирование ответственности арбитражного управляющего // Lex russica. 2018. № 8. С. 96 - 104.
4. Колесникова С.Г. Гражданско-правовая ответственность арбитражного управляющего за убытки, причиненные неисполнением (ненадлежащим исполнением) возложенных на него обязанностей // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2018. № 1. С. 32 - 82.
5. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.

The system of measures of responsibility of the arbitration manager

Ermilov V.B.

Russian State Academy Intellectual Property Institute (RGAIS)

The main purpose of the study is to analyze and understand the nature of the responsibility of arbitration managers based on a study of legislation, scientific literature and law enforcement practice. The article provides a general description of the liability measures applied to arbitration managers, discusses the grounds for their application and the relationship between each other. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that each of the measures of responsibility performs an independent function and, accordingly, these measures can be applied both separately and jointly. At the same time, such measures as exclusion from a self-regulatory organization and suspension are applied only in case of a significant violation. At the same time, civil liability is more effective than other types of liability, since in addition to regulatory, punitive, and preventive-educational functions, it is aimed at restoring the situation that existed before the violation and at compensating for the damage caused by the actions of the arbitration administrator.

Keywords: arbitration manager, financial manager, responsibility, removal of the arbitration manager, the basis of responsibility, the exclusion of the arbitration manager.

References

1. Shishmareva T.P. Methods of counteracting abuse of rights by participants in insolvency (bankruptcy) proceedings // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. No. 2. pp. 74 - 82.
2. Kantor N.E. Application of business judgment rule in disputes over civil liability of arbitration managers // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 7. pp. 165 - 182.
3. Sviridenko O.M. Legal regulation of the liability of an arbitration manager // Lex russica. 2018. No. 8. pp. 96 - 104.
4. Kolesnikova S.G. Civil liability of an arbitration manager for damages caused by failure to fulfill (improper fulfillment) of the duties imposed on him // Information and analytical journal "Arbitration Disputes". 2018. No. 1. P. 32 - 82.
5. Gutnikov O.V. Corporate liability in civil law: monograph. M.: IZiSP, CONTRACT, 2019. 488 p.

Понятие и криминологическая характеристика дифференцированных видов мошенничеств

Брума Николай Марчелович

аспирант, кафедра уголовно-правовые дисциплины, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2bru2@mail.ru

Статья посвящена исследованию понятия и криминологической характеристики дифференцированных видов мошенничеств. Актуальность темы определяется ростом числа хищений, совершаемых с использованием информационных технологий, эволюцией финансовых отношений и появлением новых способов введения в заблуждение. Новизна работы обусловлена тем, что авторы рассматривают специфику мошенничества в свете современных криминальных схем, анализируя разнообразие приёмов в финансовой, предпринимательской и цифровой сфере. В ходе исследования описаны характерные черты личности преступника: склонность к обману, высокие интеллектуальные умения, умелое пользование социально-инженерными подходами. Изучены механизмы влияния на сознание потерпевшего через незаконные манипуляции с документами и информацией. Внимание уделено отражению в российском законодательстве (ст. 159–159.6 УК РФ) разных форм мошенничества и возникающим сложностям при их разграничении. Работа ставит цель расширить научные представления о криминологической характеристике дифференцированных мошенничеств. Для достижения результата использовались сравнительно-правовой анализ, обобщение судебной практики и изучение научных трудов. В заключительной части рассмотрены выводы о путях совершенствования мер противодействия и перспективах профилактики. Статья будет полезна специалистам в области уголовного права, криминологии и правоохранительной практики.

Ключевые слова: мошенничество, хищение, дифференциация, обман, криминология, корыстный умысел, финансовая сфера, социальная инженерия, электронные платежи, правоприменение.

Введение

Дифференцированные виды мошенничеств, отражённые в нормах ст. 159–159.6 УК РФ, играют всё более заметную роль в уголовной практике. Увеличивается число преступлений, связанных с использованием цифровых технологий, сложными финансовыми схемами, а также новым форматом документации. Вместе с тем множественность норм нередко создаёт неопределённость при квалификации и осложняет оперативное реагирование правоохранительной системы. Исследование перечисленных обстоятельств важно для укрепления правовой безопасности и обновления способов профилактики.

Цель работы – состоит в рассмотрении понятия и криминологических характеристик мошенничеств, специально выделенных законодательством, с учётом актуальных тенденций и существующих проблем применения норм ст. 159–159.6 УК РФ.

Задачи исследования:

1) Проанализировать сущность и законодательные рамки дифференцированных видов мошенничеств, выявляя базовые признаки обманных действий.

2) Охарактеризовать личность преступника и механизмы его взаимодействия с потерпевшими, включая цифровые каналы.

3) Рассмотреть проблемные вопросы квалификации и возможные направления совершенствования законодательных положений и практики правоохранения.

Научная новизна состоит в том, что в данной работе предпринимается попытка оценки современной картины мошеннических преступлений в различных сферах (кредитование, страхование, IT-мошенничество и др.), используя широкий круг научных публикаций и примеров судебных дел. Анализируется противоречивость санкций и повышенные трудности идентификации субъективной стороны при наличии множества смежных составов.

Материалы и методы

В основу работы легли публикации различных авторов, анализирующих формы, механизмы и особенности расследования мошенничества: Е.В. Можяева [6] изучила личностные

детерминанты человека, совершающего экономическое мошенничество, и раскрыла особенности его мотивации. Б.Б. Бидова [1] рассмотрела жертв мошенничества с позиции виктимологии и произвела криминологический анализ личности экономического мошенника. В.П. Лещенко [4] уделил внимание проблеме применения средств электронного платежа, показав, как технологичность повышает интеллектуальную сложность преступлений. Н.А. Лопашенко [5] разобрала законодательную реформу норм о мошенничестве и подвергла критическому анализу множественные статьи, фиксирующие обманные схемы. А.А. Чужмарова [9] раскрыла общую криминологическую характеристику мошенничества, включая факторы латентности и роль личности преступника. А.К. Щербаченко [10] предложил криминалистическую классификацию групповых мошенничеств как основу методики расследования. О.А. Старостенко [8] провёл анализ IT-мошенничества, предложив его классификацию и способы противодействия. Я.П. Скоробогатко [7] осветил проблемы дифференциации уголовной ответственности за мошенничество в предпринимательской сфере, сопоставляя разные национальные подходы. Г.Д. Ковригина [3] сосредоточилась на мошенничествах в финансовой сфере и проанализировала ключевые способы их совершения. Ю.П. Гармаев, А.В. Чумаков [2] рассмотрели методологию формирования криминалистических методик, включая расследование экономических преступлений, что позволяет оптимизировать следственные приёмы в делах о мошенничестве.

В процессе подготовки статьи использовались сравнительно-правовой метод, обобщение судебной и следственной практики, анализ научной литературы, а также метод теоретического моделирования для выявления пробелов в законодательстве. Сопоставление норм и судебных прецедентов позволило осмыслить противоречивые аспекты дифференциации мошенничеств.

Результаты

Экономические изменения, нарастающая киберпреступность и расширение преступных замыслов вокруг чужого имущества и прав на него определяют многообразие видов обманных схем. По утверждению [9], мошенничество считается формой хищения чужого имущества либо способа получения права на это имущество при неправдивом или доверительно-манипулятивном воздействии на потерпевшего. Зачастую применяются подделанные документы, мнимые соглашения и умолчания,

когда собственник добровольно передает материальные ценности, не осознавая преступный умысел виновного. Подобная особенность делает мошенническое деяние высокоинтеллектуальным преступлением, так как, по мнению [4], для его совершения используется широкая база знаний о финансовом и юридическом обороте, психологических механизмах внушения, а также навыках в области цифровых технологий.

Широкие границы рассматриваемого явления демонстрируют особенности криминальной характеристики мошеннических деяний: правонарушитель способен менять способы воздействия на сознание, опираясь на степень доверия и ограниченную информированность жертвы. По информации, приведенной [1], в экономическом мошенничестве преобладают лица, обладающие изощренными манипулятивными способами, корректирующими поведение других людей в финансовых операциях. Криминологический анализ показал, что многие мошенники высокообразованны, совершенствуют умение скрывать электронные следы и умеют предугадывать тактику следственных органов, о чем писали [2]. Параллельно правоприменители сталкиваются с трудностью доказывания, поскольку потерпевшие нередко запызаывают с заявлением из-за стыда или минимизации ущерба, а некоторые организации не обращаются с жалобами в расчете на репутационные выгоды.

Разновидности рассматриваемого преступления распределены по дифференцированным нормам в УК РФ (ст. 159 - 159.6), что позволило точно выделять хищения денег или имущественных прав в сфере кредитования, страхования, компьютерных расчетов и иных сегментов. Но, как обращает внимание [5], эта множественность статей, введенных законодателем, иногда вызывает сложности в разграничении обычного мошенничества и смежных преступных схем, поскольку многие обстоятельства уже охватываются основными положениями о завладении чужим имуществом обманным путем. Указанная дифференциация, по некоторым оценкам, не всегда отражает реальную степень опасности конкретной преступной практики. Например, в сфере предпринимательских отношений часть составов ранее предполагала пониженный уровень уголовной ответственности, что породило несовместимость с принципом справедливости наказания.

Механизм преступного поведения в мошенничестве формируют психологические, экономические и социальные предпосылки. На ста-

дии подготовки преступники изыскивают аргументы, вводящие потерпевшего в заблуждение, моделируют фальшивую информацию (либо скрывают существенные детали), применяют улучшенные инструменты социальной инженерии. В ряде случаев, как указывает [6], значительную долю мошенничеств совершают группой лиц по предварительному сговору, когда участники распределяют роли и создают искусственные условия в информационном поле, целенаправленно формируя видимость законности сделок. Например, обзаводятся поддельными учредительными документами, используют промежуточные фирмы и обеспечивают фиктивный документооборот.

Индивидуально-психологический портрет мошенника зачастую базируется на эгоистических ценностях, склонности эксплуатировать доверие и на умелой подготовке доказательной базы, оправдывающей мнимую правомерность. Особо значимы для криминологической характеристики мотивы корысти, так как корыстная цель сохраняется как определяющая черта при совершении любого дифференцированного вида мошенничества. По словам [3], формирование устойчивой мотивации преступника растет с расширением области финансового взаимодействия, где облегчается доступ к документам и платежам. На основе анализа уголовных дел выявлен рост числа преступлений, связанных с дистанционными схемами, массовой рассылкой предложений или фиктивными веб-ресурсами, особенно в банковском и бюджетном секторах. Применяемые способы обмана затрагивают все возрастные группы и социальные категории, но чаще страдают обладатели недостаточно защищенной финансовой информации, что усиливает уязвимость потерпевших.

При оценке криминологических характеристик следует учитывать коридор наказаний и квалифицирующих обстоятельств. Поскольку нормы об отдельных видах мошенничества вводят специальные признаки (например, способ нарушить компьютерную защиту или привлечь липового посредника при получении дотаций), правоприменителю приходится дифференцировать содеянное по набору факторов. Однако, как пишет [8], далеко не во всех положениях указанных статей присутствует детально описанное механистическое разграничение. Поэтому практика сталкивается с невнятными границами между классическим составом (ст. 159 УК РФ) и частными нормами, что способствует правовой неопределенности. В то же время дифференциация признается целесообразной, если она соотносена с реальной

степенью общественной опасности и нуждается в анализе круга потерпевших, их имущественных потерь и особенностей способа хищения.

Вопрос о наличии специфических способов, характерных именно для отдельных видов мошенничества, остается открытым. Цифровая среда, например, создает новые каналы фальсификаций, доступ к счетам, манипуляции с базами данных, перевод денежных средств через поддельные порталы. Все это улучшает мобильность криминальной активности. Как отмечает [10], организованные группы нередко сосредоточиваются на кибермошенничестве, совершенствуя схемы внедрения в платежные системы и заманивая граждан в сомнительные онлайн-сделки. Значительный массив таких дел демонстрирует характерный для мошенничества признак: добровольная передача имущества, опирающаяся на введение в заблуждение, при котором лицо убеждено в законности операции.

Обобщение накопленных данных и оценка уголовных дел подтверждают, что дифференцированные составы мошенничества сохраняют общую природу обманного хищения, но со своими узкоспециализированными деталями по отраслям (страхование, кредитование, социальные выплаты и т. п.). В практическом плане правильное разграничение, по замечанию [7], требует у правоприменителя глубокого понимания сущности предпринимательских или социальных обязательств, поскольку речь идет о сознательном неисполнении, заведомо ложных сведениях или незаконном доступе к компьютерам. Перспектива минимизации этого рода преступности связана с укреплением профилактики, включая формирование финансовой грамотности граждан, ужесточение контроля за подлинностью документов и повышением цифровой безопасности.

Расширение составов мошенничества и появление новых квалифицирующих признаков отмечаются законодателем для конкретизации действий, но при этом может порождаться перегрузка уголовного закона. Вследствие чего правоприменитель вынужден анализировать сразу несколько статей, чтобы выявить, под какую категорию попадает конкретный кейс, — и здесь немалое значение имеет судебная практика. Многие положения о специализированных нормах не всегда отражают действительную степень опасности, которую несет мошенник, особенно если последний действует через сложные экономические или информационные схемы. Эта проблема может потребовать кор-

ректировок правовых рамок, чтобы минимизировать диспропорции в наказаниях и обеспечить справедливое правосудие.

Заметно, что большинство авторов единодушны во мнении о первостепенном характере психологических и управленческих характеристик личности мошенника при оценке угроз, связанных с дифференциацией таких преступлений. Анализ уже проведенных исследований показывает, что специалисты, совершающие подобные посягательства, обладают способностью к планированию, повышенной социальной адаптивностью, быстро осваивают фальшивые роли и налаживают связи среди ключевых должностных лиц. Учитывая все аспекты, можно сделать вывод: многочисленные виды мошеннических схем демонстрируют растущую гибкость, охватывая социальные, экономические и цифровые пространства.

Обсуждение

Систематизация и изучение мошенничеств, выделенных законодателем в отдельные составы, показывает многогранность стратегий, применяемых правонарушителями. Авторские материалы [5] свидетельствуют, что названное разнообразие далеко не всегда охватывается введенными статьями (ст. 159.1 — 159.6), поскольку часть преступных схем по-прежнему оценивают на основе общей нормы, что порождает противоречивые толкования при квалификации. Упомянутое положение усугубляется существующими расхождениями в санкциях для родственных по механизму хищений: при общем составе наказания оказываются строже, чем при некоторых специальных, хотя характер неправомерного деяния аналогичен.

Высокая интеллектуальная составляющая мошенничества подчеркивается исследованиями [6], где выделяются сложные психологические приемы и знание тонкостей гражданско-правового регулирования. Благодаря названным навыкам мошенники способны стабильно приспосабливаться к обновленным условиям финансового оборота. Цифровой формат, отмеченный [2], дополнительно формирует канал для анонимизации операций, ускоряя перемещение средств и скрытие следов. По этой причине уголовные дела о мошенничестве с использованием компьютерных сетей требуют глубокого технического анализа, но при этом остается открытым вопрос о корректном разграничении ст. 159 УК РФ и ст. 159.6, если обман фактически не направлен на владельца, а подразумевает тайный доступ к платежным базам.

Изучение потерпевших сторон указывает на особую уязвимость групп, которые не осведомлены о распространенных схемах обмана в кредитном и страховом секторах, о механизмах субсидирования и гарантийных выплат. При этом часть граждан, столкнувшись с финансовыми махинациями, не желает обращаться в правоохранительные структуры, что связано с репутационными опасениями и неверием в эффективность расследования [1]. Реальная статистика пострадавших, следовательно, остается заниженной, а вмешательство органов правопорядка затрудняется запоздалым поступлением заявлений.

Дифференцированная система статей, регламентирующих мошенничество, призвана увеличить точность квалификации, хотя практика показывает, что фрагментированная регламентация создает дополнительное поле для правовых ошибок. Из материалов [10] известно, что многие квалифицирующие признаки дублируют общие формулировки. Не все составы содержат строго очерченный способ обмана, поэтому следователи вынуждены выбирать между разными статьями, руководствуясь неопределенными формулировками. С учетом решений суда, связанного с положением о предпринимательском мошенничестве, очевидна потребность в унификации и более прозрачной формулировке соответствующих норм.

Цифровые схемы хищений упоминаются в работе [8], где перечисляется ряд типичных случаев: фишинг, фальшивые сайты, тайпсквоттинг, псевдоблаготворительные фонды и прочие онлайн-механизмы, основанные на эксплуатации доверия жертв. Социальная инженерия, влияющая на восприятие реальности, нередко превращается в средство извлечения корыстной выгоды, и потерпевшие сами производят нужные действия для передачи своих же активов. Значимость этого фактора обусловлена тем, что прямого взаимодействия с владельцем имущества может не происходить: достаточно ввести заведомо ложные сведения в компьютерную систему, сменить реквизиты или перенаправить денежные потоки через нелегальные порталы.

Оценка результативности законодательной реформы показывает неоднородный итог. Отдельные нормы отражают специфику новых технологий, позволяя точнее охватывать платежные карты и электронные системы. При этом накоплены вопросы по избыточной множественности статей, неравномерности санкций и сложности доказывания умысла при, казалось бы, совпадающих способах обманного завладения чужим имуществом. Позиция [7]

указывает на то, что цифровая среда, наряду с традиционными методами введения потерпевших в заблуждение, выдвигает расширенный перечень технических задач при расследовании. Учет психологических характеристик преступников сочетается с необходимостью содействия IT-экспертов, что требует дополнительной подготовки следственных органов и разработки алгоритмов противодействия сетевым преступлениям.

В целом поставленная совокупность дискуссионных пунктов мотивирует к пересмотру ряда положений о мошеннических деяниях, что находит подтверждение в современных правоприменительных тенденциях. Подтверждается вывод, что одиночный состав (ст. 159) охватывает большую часть случаев, а специальные статьи нередко вызывают путаницу и параллельное применение. Потребность в упорядочении и корректной дифференциации выходит на первый план, учитывая рост латентного экономического ущерба и внедрение новаторских схем, основанных на сочетании подделки документов, виртуальных манипуляций и психологического давления.

Заключение

Решая поставленные задачи, авторы пришли к следующим выводам:

1) Введённые в УК РФ дифференцированные составы мошенничеств помогают уточнять специфику обманных действий, но зачастую пересекаются между собой, что усложняет квалификацию. Отсутствие строгих критериев при разграничении отдельных норм порождает затруднения в правоприменении.

2) Устойчивой чертой мошенника остаются корыстные мотивы и способность интеллектуально планировать схему обмана; в экономических и IT-сферах это сопровождается манипуляцией данными, включением доверенных посредников и использованием информационных уязвимостей.

3) Повышение эффективности расследования предполагает дальнейшее развитие криминалистических методик, актуализацию превентивных мероприятий (финансовая грамотность граждан, мониторинг интернет-пространства), а также корректировку отдельных норм, чтобы устранить несоответствие санкций и устранить правовую неопределённость.

Так, предпринятое исследование формирует представление о наиболее проблемных аспектах и обосновывает потенциальные пути оптимизации законодательного и правоприменительного регулирования.

Литература

1. Бидова, Б. Б. Криминологический анализ личности экономического мошенника и виктимологическая характеристика жертв мошенничества, совершаемого в экономической сфере // Евразийский научный журнал. – 2017. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskii-analiz-lichnosti-ekonomicheskogo-moshennika-i-viktimologicheskaya-harakteristika-zhertv-moshennichstva> (дата обращения: 06.03.2025).
2. Гармаев, Ю. П., Чумаков, А. В. К вопросу о методологии формирования криминалистических методик расследования мошенничества и иных преступлений в сфере экономики // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2020. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodologii-formirovaniya-kriminalisticheskikh-metodik-rassledovaniya-moshennichstva-i-inyh-prestupleniy-v-sfere-ekonomiki> (дата обращения: 06.03.2025).
3. Ковригина, Г. Д. Понятие мошенничества в финансовой сфере и способы их совершения // Сибирский юридический вестник. – 2010. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-moshennichstv-v-finansovoy-sfere-i-sposoby-ih-soversheniya> (дата обращения: 06.03.2025).
4. Лещенко, В. П. Основания дифференциации уголовной ответственности за мошенничество, совершённое с использованием средств электронного платежа // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-differentsiatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-moshennichstvo-sovershyonnoe-s-ispolzovaniem-sredstv-elektronno-go> (дата обращения: 06.03.2025).
5. Лопашенко, Н. А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatel'naya-reforma-moshennichstva-vynuzhdennye-voprosy-i-vynuzhdennye-otvety> (дата обращения: 06.03.2025).
6. Можяева, Е. В. Мотивация и особенности личности человека, совершившего экономическое мошенничество // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 5-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-i-osobennosti-lichnosti-cheloveka-sovershivshogo-ekonomicheskoe-moshennichstvo> (дата обращения: 06.03.2025).

7. Скоробогатько, Я. П. Дифференциация уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности: обзор национальных подходов на фоне скудности международно-правового регулирования // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2017. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-moshennichestvo-v-sfere-predprinimatelskoy-deyatelnosti-obzor-natsionalnyh-podhodov> (дата обращения: 06.03.2025).

8. Старостенко, О. А. Анализ схем IT-мошенничества: классификация и противодействие // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2021. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-shem-it-moshennichestva-klassifikatsiya-i-protivodeystvie> (дата обращения: 06.03.2025).

9. Чужмарова, А. А. Криминологическая характеристика мошенничества // Научный журнал. – 2016. – № 12 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-moshennichestva-1> (дата обращения: 06.03.2025).

10. Щербаченко, А. К. Криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, как основа формирования базовой методики их раскрытия и расследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 3 (90). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-klassifikatsiya-moshennichestv-sovershennyh-gruppoi-lits-kak-osnova-formirovaniya-bazovoi-metodiki-ih> (дата обращения: 06.03.2025).

Concept and criminological characteristics of differentiated types of fraud

Brum N.M.

Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolay Grigorievich Stoletov

The article is devoted to the study of the concept and criminological characteristics of differentiated types of fraud. The relevance of the topic is determined by the growing number of thefts committed using information technology, the evolution of financial relations and the emergence of new ways of misleading. The novelty of the work is due to the fact that the authors consider the specifics of fraud in the light of modern criminal schemes, analyzing the variety of techniques in the financial, entrepreneurial and digital spheres. The study describes the characteristic personality traits of the criminal: a tendency to deceive, high intellectual skills, skillful use of social engineering approaches. The mechanisms of influence on the

consciousness of the victim through illegal manipulations with documents and information are studied. Attention is paid to the reflection in Russian legislation (Articles 159-159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation) of different forms of fraud and the difficulties that arise in distinguishing them. The work aims to expand scientific understanding of the criminological characteristics of differentiated fraud. To achieve the result, comparative legal analysis, generalization of judicial practice and study of scientific works were used. The final part considers the conclusions on ways to improve countermeasures and prospects for prevention. The article will be useful for specialists in the field of criminal law, criminology and law enforcement practice.

Keywords: fraud, theft, differentiation, deception, criminology, mercenary intent, financial sphere, social engineering, electronic payments, law enforcement.

References

1. Bidova, B. B. Criminological analysis of the personality of an economic fraudster and victimological characteristics of victims of fraud committed in the economic sphere // Eurasian Scientific Journal. - 2017. - No. 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskii-analiz-lichnosti-ekonomicheskogo-moshennika-i-viktimologicheskaya-harakteristika-zhertv-moshennichestva> (date of access: 06.03.2025).

2. Garmaev, Yu. P., Chumakov, A. V. On the issue of the methodology of forming forensic methods for investigating fraud and other crimes in the economic sphere // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. – 2020. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodologii-formirovaniya-kriminalisticheskikh-metodik-rassledovaniya-moshennichestva-i-inyh-prestupleniy-v-sfere-ekonomiki> (date of access: 06.03.2025).

3. Kovrigin, G. D. The concept of fraud in the financial sector and methods of committing it // Siberian Law Bulletin. – 2010. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-moshennichestv-v-finansovoy-sfere-i-sposoby-ih-soversheniya> (date of access: 06.03.2025).

4. Leshchenko, V. P. Grounds for Differentiation of Criminal Liability for Fraud Committed Using Electronic Payment Means // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 1 (89). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovaniya-differentsiatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-moshennichestvo-sovershyonnoe-s>

ispolzovaniem-sredstv-elektronnogo (date of access: 06.03.2025).

5. Lopashchenko, N. A. Legislative reform of fraud: forced questions and forced answers // All-Russian Criminological Journal. – 2015. – No. 3. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnaya-reforma-moshennichestva-vynuzhdennye-voprosy-i-vynuzhdennye-otvety> (date of access: 06.03.2025).

6. Mozhaeva, E. V. Motivation and personality traits of a person who committed economic fraud // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2014. – No. 5-1. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-i-osobennosti-lichnosti-cheloveka-sovershivshego-ekonomicheskoe-moshennichestvo> (date of access: 06.03.2025).

7. Skorobogatko, Ya. P. Differentiation of criminal liability for fraud in the sphere of entrepreneurial activity: an overview of national approaches against the background of the paucity of international legal regulation // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Law. - 2017. - No. 3. - URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-moshennichestvo-v-sfere-predprinimatelskoy-deyatelnosti-obzor-natsionalnyh-podhodov> (date of access: 06.03.2025).

8. Starostenko, O. A. Analysis of IT fraud schemes: classification and counteraction // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". – 2021. – No. 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-shem-it-moshennichestva-klassifikatsiya-i-protivodeystvie> (date of access: 06.03.2025).

9. Chuzhmarova, A. A. Criminological characteristics of fraud // Scientific journal. – 2016. – No. 12 (13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-moshennichestva-1> (date of access: 06.03.2025).

10. Shcherbachenko, A. K. Forensic classification of frauds committed by a group of persons as a basis for the formation of a basic methodology for their disclosure and investigation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3 (90). – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-klassifikatsiya-moshennichestv-sovershennyh-gruppoi-lits-kak-osnova-formirovaniya-bazovoi-metodiki-ih> (date of access: 06.03.2025).

Процедуры установления признаков преступлений, связанных с незаконным поиском и/или изъятием археологических предметов из мест залегания

Древецкий Владимир Вячеславович

аспирант, кафедра криминалистики и правовой информатики, Кубанский государственный университет, 89885252544@bk.ru

В статье рассматриваются процедуры установления признаков преступлений, связанных с незаконным поиском и/или изъятием археологических предметов из мест их залегания согласно ст. 243.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Уточняется криминалистическая характеристика данных преступлений, включая способы их совершения, механизм слеодообразования, предмет преступного посягательства и личность преступника. Особое внимание уделяется ключевым признакам преступлений данной категории, таким как расположение преступления в охраняемых археологических зонах, наличие повреждений культурного слоя и предмет преступного интереса в виде археологической находки. Важную роль в установлении признаков преступлений играет применение специальных научных знаний, что позволяет квалифицировать действия правонарушителей, оценить степень ущерба и определить возможность восстановления утраченных объектов. Выявлена роль современных методов цифровой криминалистики в расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом археологических ценностей.

Ключевые слова: археологический предмет, специальное знание, археология, признак преступления, цифровой след

Современное общество функционирует на базе морально-нравственных, ценностных ориентиров, важнейшим из которых выступает уважительное и бережное отношение к культуре и истории страны. Данный тезис получил свое выражение в конституционном праве, постулирующем доступ каждого человека к культурным ценностям. Конституция, кроме того, предписывает заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры (ч. 2 и 3 ст. 44). На уровне нормативного правового массива данные тезисы выражены во многих федеральных законах и подзаконных актах. Так, в частности, 23 июля 2013 г. был принят Федеральный закон № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии». Закон существенно расширил отечественное уголовное законодательство за счет новых составов преступных посягательств (ст. 243.1-243.3 Уголовного Кодекса Российской Федерации [8]). Данная законодательная новелла была направлена на обеспечение сохранности археологического наследия России, в том числе путем целенаправленного противодействия незаконным раскопкам на объектах археологического наследия [6, с. 117]; [9, с. 87].

Вышеотмеченные изменения в законодательстве были в первую очередь направлены на борьбу с практикой т. н. «черной археологии». С. С. Матренин и Д. П. Панфилов предлагают следующую дефиницию термина «черная археология»: противоправная деятельность физических лиц, связанная «с незаконными раскопками древних поселений и могильников, а также вынимание археологического материала со дна естественных водоемов с целью добычи древних артефактов для продажи, коллекционирования и других не научных задач» [7, с. 36].

Актуальность рассмотрения проблемных вопросов регулирования и правоприменения рассматриваемого нами сегмента правоотношений обусловлена прогрессивным ростом количества случаев незаконных археологических

раскопок. Увеличение числа случаев незаконных раскопок и объема «черного» рынка в целом обусловлено тремя ключевыми факторами: (1) формирование в стране антикварного рынка, являющегося частью рыночной экономики; (2) возможность свободной покупки и использования металлодетекторов и прочего оборудования; (3) рост общественного интереса к предметам старины и к истории.

Криминалистическая характеристика и основные признаки преступлений по ст. 243.2

Согласно положениям отечественного уголовно-процессуального законодательства, возбуждение уголовного дела возможно при наличии (1) повода – источника, из которого правоохранительному органу становится известно о совершении преступления, (2) оснований – фактических данных, свидетельствующих о наличии признаков состава преступления в конкретном событии. Выявление признаков – фактических данных о совершении преступления – происходит, как правило, в рамках выполнения следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий [10, с. 111]. Таким образом, для раскрытия преступлений, связанных с незаконным поиском и / или изъятием археологических предметов из мест залегания, требуется установить признаки подобного преступления.

Ю. В. Анохин и М. А. Киселёва представляют следующий перечень значимых аспектов криминалистической характеристики рассматриваемой нами категории преступлений: (1) способ совершения преступления, (2) обстановка совершения преступления, (3) механизм следообразования, (4) предмет преступного посягательства, (5) сведения о личности преступника [1, с. 127].

Т. Н. Янина говорит о том, что преступления, состав которых описан в ст. 243.2, имеют аналогичные признаки, регулярно встречающиеся и повторяемые. Все это позволяет классифицировать их по тем или иным критериям и в последующем использовать выявленные закономерности и типологии при расследовании преступлений [11, с. 222].

Повторяемость следов позволяет установить общие закономерности их формирования и вести работу по нахождению признаков преступления более эффективно, распределяя ресурсы в нужном направлении. По мнению Т. Н. Яниной, признаки совершения преступления рассматриваемых нами составов дифференцируются на традиционные, присущие многим видам преступной деятельности (следы ног,

транспорта и т. п.) и специфические, характерные лишь для «археологических» преступлений [11, с. 222].

Кроме того, для совершения «археологических» преступлений характерны как материальные, так и идеальные признаки. Материальные следы обладают физическими и пространственными характеристиками, поэтому они могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу. Среди материальных признаков совершения преступления можно отметить артефакты, свидетельствующие о подготовительных мероприятиях к совершению преступления: топографические карты, атласы, научная и историческая литература с описанием конкретных местностей. Данная группа признаков едва ли может стать прямым доказательством по делу и «работает» лишь в комплексе с иным обнаруженными признаками.

Как указывает М. А. Киселева, среди ключевых криминалистических признаков, которые позволяют классифицировать преступление как связанное с незаконным поиском и / или изъятием археологических предметов из мест залегания отмечаются следующие: (1) локация преступления расположена на охраняемых территориях, территориях расположения объектов археологического наследия, (2) предметом преступного посягательства является археологическая находка, (3) наличие поврежденный культурного слоя вследствие совершения преступных действий.

Последний из признаков, в свою очередь, приводит к ряду иных разрушительных последствий. Ущерб, нанесенный культурному слою, приводит к (1) невозможности точного датирования поврежденного культурного слоя по гуминовым кислотам, (2) непригодности участка для последующего достоверного изучения; (3) процессам оврагообразования, которые могут привести к полному уничтожению культурного слоя и гибели памятника археологии [5, с. 399]. Как отмечают Ю. В. Анохин и М. А. Киселёва, признаками повреждения культурного слоя на местах незаконных раскопок могут быть следующие: наличие следов срезов для установления видимости мелких прослоек почвы, локальные повреждения, ямы разной глубины [1, с. 128].

Зачастую расследование преступлений, связанных с незаконным поиском и / или изъятием археологических предметов из мест залегания, происходит в условиях недостаточности признаков. Так, в частности, одна из групп признаков может полностью отсутствовать. В ряде случаев обнаруживается лишь локация, где

имеются признаки незаконных раскопок в отсутствие подозреваемого лица и предмета преступного посягательства. В подобном случае идентификация признаков незаконных раскопок не всегда приводит к обнаружению предметов, изъятых из культурного слоя нелегальными поисковиками [10, с. 113].

Существуют и обратные ситуации, когда не известно место, откуда был изъят археологический предмет – как правило, такое происходит, когда лицо задерживается не на месте совершения преступления, но при нем обнаруживаются археологические предметы. В такой ситуации следует внимательно изучить признаки преступления, находящиеся при подозреваемом или в его жилище, и найти среди них те, которые укажут на локацию совершения преступления.

Локация совершения преступления является критически важным фактором, ведь установление места совершения преступления важно для квалификации совершенного преступления – согласно положениям ч. 2 ст. 243.2 УК РФ, совершение преступления в границах территории объекта культурного наследия выступает неотъемлемым квалифицирующим признаком [2, с. 365].

В категорию «способ совершения преступления» следует включать действия по подготовке, совершению преступления и сокрытию его следов. Все эти действия могут быть идентифицированы посредством раскрытия соответствующих признаков. Следует учитывать, что признаки, указывающие на подготовку к преступлению, часто остаются неидентифицированными в случае, если подозреваемые не были взяты «врасплох» в момент совершения преступления и успели скрыться. В таком случае сведения о подготовке будут сокрыты. В данной связи фокус при проведении следственных мероприятий смещается на идентификацию признаков совершения преступления.

Так, основной группой признаков совершения преступления выступают признаки, свидетельствующие о проведении земляных поисковых работ. В частности, о земляных работах свидетельствуют следы вспашки, глубокого рыхления, выкапывания лункообразных углублений или шурфов. Реже на месте преступления могут быть оставлены инструменты для изъятия находок из культурного слоя. Тем не менее, их нахождение в локации проведения земляных работ, в непосредственной близости, в жилище подозреваемого или в другом месте также является важным компонентом будущей доказательственной базы. Признаками, имеющими значение при работе непосредственно в

месте локализации предполагаемого преступления, выступают следы ручного и механизированного поиска: копы, отвалы грунта, следы от использования щупов.

Рассматриваемая нами категория преступлений предполагает использование разного рода технических средств и поисковых приборов. Поиск металлических предметов производится посредством металлоискателей (металлодетекторов, пинпоинтеров). Раскопка, расчистка почвы производится при помощи ручных инструментов для работы с грунтом – портативных лопат, топоров, грабель и т.д. В зависимости от «масштаба» преступной деятельности, могут быть применены как малые, ручные инструменты, так и средства механизации: тракторы, бульдозеры, различные подъемные механизмы, геолокаторы, эхолоты, видеокамеры.

Можно выделить и третью группу инструментов, которые не используются непосредственно в момент раскопок и изъятия, но широко применяются преступниками. В эту группу входят бинокли, позволяющие заблаговременно заметить транспорт правоохранительных органов, приборы ночного видения, коротковолновые радиостанции, планшеты [1, с. 127].

Роль специального научного знания в установлении признаков преступлений по ст. 243.2

Как показывает реальная практика, достаточно много проблем при расследовании рассматриваемой нами группы преступлений возникает из-за потребности в специальном научном знании. «Археологические» преступления имеют особую специфику, понять которую можно лишь обладая соответствующим массивом знаний в нескольких областях – геологии, археологии, истории и проч. В данной связи многие исследователи говорят о необходимости привлечения экспертов к процедурам идентификации признаков подобных преступлений.

Так, к примеру, М. А. Киселева пишет о необходимости вовлечения в осмотр места происшествия и фиксации материальной обстановки совершения преступления, отыскания и изъятия следов преступной деятельности и преступника специалиста в области истории и археологии. В число подобных специалистов могут быть включены сотрудники службы государственной охраны объектов культурного наследия; научные сотрудники факультетов археологии вузов; сотрудники музея [5, с. 400].

Схожий тезис выражает С. Л. Баграмян: процедуры поиска и установления признаков преступлений в области «черной археологии» существенно осложняются необходимостью определить наличие и степень изменения среды залегания археологических предметов, что возможно лишь при непосредственном анализе, производимом лицом со специальными познаниями в области исследуемого объекта [3, с. 175].

Можно также предположить, что помощь следствию может оказать специалист в области геологии: в частности, такой специалист может определить по существующим признакам истинные причины нарушения культурного слоя земли (непреднамеренные природные – землетрясения, оползни, размывы); непреднамеренные техногенные – сельхозработы, пожаротушение, вспашка, рыхление; преднамеренные – проведение незаконных работ по поиску и изъятию археологических находок).

Кроме того, по мнению М. А. Киселевой, процедуры установления признаков «археологических» преступлений должны подразумевать не историко-культурную или археологическую судебную экспертизу, как это происходит сейчас, а историко-искусствоведческую судебную экспертизу [5, с. 400]. Кроме того, лицам, которые заняты поиском и идентификацией признаков преступления, требуется специальное знание при проведении трасологических, почвоведческих и прочих судебных экспертиз.

А. В. Гусев и Э. С. Данильян также говорят о том, что участие археологов при поиске и установлении признаков совершения преступлений, с одной стороны, необходимо, а с другой – весьма проблематично. В данной связи обладатель специального знания не всегда принимает участие в установлении признаков преступлений по ст. 243.1-243.3. В результате эти признаки идентифицируются участниками следственно-оперативной группы, которые не обладают познаниями в области археологической специфики и методами анализа и фиксации места нарушения культурного слоя. Более того, не исключены случаи, когда работа следственно-оперативной группы приводит к дальнейшей деструкции той малой археологической информации, которая, возможно, еще остается после незаконных действий преступников по изъятию исторических и культурных ценностей [4, с. 56].

Исследователи, кроме того, предлагают дополнить методы установления признаков и применять не только методы технико-криминалистической фиксации, но и методы, применяемые при проведении полевых археологических

работ: описание, графика (чертежи, зарисовки), фотографирование, камеральные и кабинетные методы, ортофотосъемка, ортотрансформирование, фотосъемка при помощи телескопического монопода, съемка тахеометром фишек-маркеров для создания ортофотоплана, применение беспилотных летательных аппаратов и проч. [4, с. 57].

Влияние цифровизации на процедуры установления признаков преступлений по ст. 243.2

Возвращаясь к классификации признаков совершения преступления (материальные и идеальные), следует отметить, что в последнее время в число важнейших признаков принято включать т.н. цифровой след. Цифровизация обусловила необходимость выделения такой специфической группы следов, как цифровые, хранящиеся в Интернете или в памяти различных электронных устройств. Цифровой след, в контексте тематики настоящего исследования, Т. Н. Янина определяет как «криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи» [11, с. 222].

Признаки совершения «археологического» преступления, обнаруживаемые в цифровом пространстве, могут указывать на (1) подготовку к совершению преступления (посещение специализированных сайтов, скачивание или просмотр специальной литературы, карт); (2) непосредственно совершение преступления и производство незаконных поисковых действий и действий по изъятию предмета из культурного слоя (в ряде случаев процесс поиска, обнаружения, изъятия археологического предмета фиксируется на смартфон, видеорегистратор); (3) сокрытие преступления (деятельность подозреваемого на специализированных форумах нелегальных поисковиков в сети Интернет, на досках объявлений для физических лиц в попытках сбыта незаконно изъятых, публикации в социальных сетях, обмен текстовой информацией, фотоизображениями обнаруженных предметов) [11, с. 222-223].

Следует сказать, что процедура поиска цифровых признаков совершения подобных преступлений имеет двунаправленный характер и производится (1) путем изучения устройств подозреваемых лиц в результате проведенного обыска и (2) «извне» – путем изучения аккаунтов подобного лица в соцсетях и в Интернете в целом.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

Статьи 243.1–243.3 Уголовного кодекса Российской Федерации регламентируют уголовную ответственность за преступления, связанные с разрушением, повреждением и незаконным изъятием объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Статья 243.2 регулирует незаконное изъятие археологических предметов из мест их залегания или обнаружения. Вред, который наносит подобное преступление, во многом связан с тем, что преступные действия приводят к деструкции культурного слоя, к утрате научной информации, связанной с археологическим контекстом находки, что препятствует проведению дальнейших историко-культурных исследований.

Среди значимых аспектов криминалистической характеристики рассматриваемой нами категории преступлений – способ совершения преступления, обстановка совершения преступления, механизм слеодообразования, предмет преступного посягательства, сведения о личности преступника.

Ключевыми криминалистическими признаками, которые позволяют классифицировать преступление как связанное с незаконным поиском и / или изъятием археологических предметов из мест залегания отмечаются следующие: (1) локация преступления расположена на охраняемых территориях, территориях расположения объектов археологического наследия, (2) предмет преступного посягательства – археологическая находка, (3) наличие поврежденных культурного слоя.

Применение специальных научных знаний играет ключевую роль в установлении признаков преступлений, предусмотренных ст. 243.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, поскольку данные преступления касаются сложных историко-культурных объектов, их ценности и степени повреждений. Привлечение экспертов позволяет объективно установить наличие или отсутствие состава преступления, степень причиненного вреда и возможности восстановления утраченных объектов. Таким образом, экспертные исследования являются неотъемлемой частью процесса расследования преступлений, направленных против культурного наследия Российской Федерации.

Поиск цифровых признаков «археологических» преступлений требует интеграции различных технологий и междисциплинарного подхода. Современные методы цифровой криминалистики, анализа данных и геопростран-

ственного мониторинга позволяют более эффективно отслеживать и предотвращать преступления, связанные с незаконным оборотом культурных ценностей.

Литература

1. Анохин, Ю. В. Криминалистическая характеристика незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания / Ю. В. Анохин, М. А. Киселёва // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – №1 (55). – С. 125–131.

2. Баженов, В. К. Проблемы расследования незаконного поиска и изъятия археологических предметов из мест залегания / В. К. Баженов // Скиф. – 2021. – №5 (57). – С. 364–367.

3. Баграмян, С. Л. Некоторые особенности тактики осмотра места происшествия по преступлениям, связанным с незаконными поиском и(или) изъятием археологических предметов из мест залегания (ст.243.2 УК РФ) / С. Л. Баграмян // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – №3. – С. 173–180.

4. Гусев, А. В. Фотографические приемы фиксации последствий незаконного изъятия археологических предметов из мест их залегания / А. В. Гусев, Э. С. Данильян // Общество и право. – 2021. – №1 (75). – С. 56–60.

5. Киселёва, М. А. Особенности первоначального этапа расследования незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания / М. А. Киселёва // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – №3 (45). – С. 397–402.

6. Кобзева, Е. В. Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания – новое преступное посягательство на нравственные основы культурной памяти / Е. В. Кобзева // Человек: преступление и наказание. – 2014. – №2 (85). – С. 117–121.

7. Матренин, С. С. Теория и практика борьбы с «Черной археологией» в России / С. С. Матренин, Д. П. Панфилов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2015. – №21. – С. 35–41.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2025) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 02.02.2025.

9. Халиков, И. А. Проблемы квалификации преступлений в отношении памятников археологии / И. А. Халиков // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – №1 (39). – С. 86–91.

10. Янин, С. А. Особенности проведения предварительной проверки и возбуждения уголовного дела о преступлениях, связанных с незаконным завладением культурными ценностями / С. А. Янин // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – №4 (67). – С. 110–116.

11. Янина, Т. Н. Типичная следовая картина совершения преступлений против археологического наследия народов России / Т. Н. Янина // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – №3 (58). – С. 219–224.

Procedures for identification of signs of the crimes related to illegal search and/or removal of archaeological objects from their deposit places

Drevetskiy V.V.

Kuban State University

The article describes the procedures for establishing signs of crimes related to illegal search and/or seizure of archaeological objects from their deposit sites in accordance with Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The forensic characteristics of these crimes are specified, including the methods of their commission, the mechanism of trace formation, the object of the criminal attack and the identity of the offender. Particular attention is paid to the key features of crimes of this category, such as the location of the crime in protected archaeological zones, the presence of damage to the cultural layer and the subject of criminal interest in the form of an archaeological find. An important part in establishing the signs of crimes is played by the use of special scientific knowledge, which allows qualifying the actions of offenders, assessing the extent of damage and determining the possibility of restoring lost objects. The importance of modern methods of digital forensics in investigating crimes related to the illegal circulation of archaeological valuables is revealed.

Keywords: archaeological object, special knowledge, archaeology, signs of a crime, digital trace

References

1. Anokhin, Yu. V. Forensic characteristics of illegal search and (or) seizure of archaeological objects from their locations / Yu. V. Anokhin, M. A. Kiseleva // Legal science and law enforcement practice. - 2021. - No. 1 (55). - P. 125-131.

2. Bazhenov, V. K. Problems of investigating illegal search and seizure of archaeological objects from their locations / V. K. Bazhenov // Skif. - 2021. - No. 5 (57). - P. 364-367.

3. Baghramyan, S. L. Some features of the tactics of examining the scene of a crime in crimes related to illegal search and (or) seizure of archaeological objects from their locations (Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) / S. L. Baghramyan // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. - 2020. - No. 3. - P. 173-180.

4. Gusev, A. V. Photographic techniques for recording the consequences of illegal removal of archaeological objects from their locations / A. V. Gusev, E. S. Danilyan // Society and Law. - 2021. - No. 1 (75). - P. 56-60.

5. Kiseleva, M. A. Features of the initial stage of the investigation of illegal search and (or) removal of archaeological objects from their locations / M. A. Kiseleva // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 3 (45). - P. 397-402. 6. Kobzeva, E. V. Illegal search and (or) removal of archaeological objects from their places of occurrence – a new criminal encroachment on the moral foundations of cultural memory / E. V. Kobzeva // Man: crime and punishment. - 2014. - No. 2 (85). - P. 117-121.

7. Matrenin, S. S. Theory and practice of combating "Black archeology" in Russia / S. S. Matrenin, D. P. Panfilov // Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory. - 2015. - No. 21. - P. 35-41. 8. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 28.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 08.01.2025) // ConsultantPlus. [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. - Access date: 02.02.2025.

9. Khalikov, I. A. Problems of qualification of crimes in relation to archeological monuments / I. A. Khalikov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2020. - No. 1 (39). - P. 86-91.

10. Yanin, S. A. Features of conducting a preliminary investigation and initiating a criminal case on crimes related to the illegal seizure of cultural property / S. A. Yanin // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 4 (67). - P. 110-116.

11. Yanina, T. N. Typical trace picture of the commission of crimes against the archaeological heritage of the peoples of Russia / T. N. Yanina // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 3 (58). - P. 219-224.

Использование кредитными организациями биометрических данных для идентификации своих клиентов в рамках борьбы с отмыванием денежных средств и финансированием терроризма

Кузнецов Никита Владимирович

аспирант кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия, nkuznetsov2401@gmail.com

В статье рассматривается применение биометрических данных в процессе идентификации клиентов кредитными организациями. Актуальность исследования обоснована возрастанием угроз безопасности в финансовом секторе и необходимостью повышения эффективности процедур КУС (Знай своего клиента). Рассматривается правовая природа биометрических данных, их сравнение с иными персональными данными, а также возможность их использования кредитными организациями для реализации своих полномочий в сфере противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма.

Ключевые слова: кредитные организации, биометрия, противодействие терроризму.

В условиях того, что современное общество все больше уходит от стандартного способа расчета наличными средствами, предпочитая безналичный расчет, то вырастает и роль кредитных организаций в качестве агента финансового мониторинга в сфере противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма.

Именно для этого в отечественном законодательстве большое внимание уделяется контролю кредитными организациями операций клиентов, а также тому, кто осуществляет эти операции, для чего кредитные организации должны провести надлежащую идентификацию клиентов, а также какие средства они могут для этого использовать¹. В данной статье полноценно будет исследоваться возможность использования персональных биометрических данных как части необходимых идентификационных данных клиента и их правовой режим.

Согласно требованиям законодательства перечень необходимых сведений, которые кредитная организация обязана установить в рамках своей деятельности при первичной идентификации клиента, подробно описаны в пункте 1 части 1 статьи 7 Закона о противодействии отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма².

В состав этого перечня обычно включается информация, идентифицирующая клиента, включая его полное имя, гражданство, дату рождения, данные удостоверяющего документа, а также сведения о документах, предоставляющих право на легальное нахождение на территории России, если речь идет о гражданине иностранного государства или лице без гражданства.

Следует отметить, что Закон о противодействии отмыванию денежных средств не устанавливает исчерпывающий перечень сведений, необходимых для идентификации клиентов. Это позволяет кредитным организациям

¹ Прошунин М.М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма: российский и зарубежный опыт: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: 2010. – С. 45

² Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

адаптировать свои процедуры в зависимости от изменяющихся требований и условий. С 2023 года у банков появилась возможность собирать биометрические данные клиентов. Однако вопрос о роли биометрии в процессе идентификации остается предметом активных обсуждений и дискуссий.

Обработка биометрической информации, как указано в статье 11 части 2 Закона о персональных данных, допускается без отдельного разрешения владельца данных в ситуациях, определенных международными соглашениями России, касающимися реадмиссии, а также при осуществлении правосудия, исполнении судебных решений и проведении обязательных государственных регистраций, например, дактилоскопических или геномных³.

Такая обработка также разрешена в рамках правовых актов, регулирующих оборону, безопасность, противодействие терроризму, транспортную безопасность, борьбу с коррупцией, оперативно-розыскную деятельность, государственную службу, уголовно-исполнительную систему, порядок въезда и выезда из страны, гражданство и нотариат. В статье не приводится исчерпывающего перечня нормативно-правовых актов, позволяющих осуществлять обработку биометрической информации без согласия владельца данных в целях противодействия терроризму.

Федеральный закон № 35-ФЗ от 06.03.2006, направленный на борьбу с терроризмом, определяет террористическую деятельность как комплекс действий, охватывающих все этапы от замысла до исполнения: от создания и планирования до финансового обеспечения и непосредственного совершения террористических актов⁴. Закон о противодействии отмыванию денег ставит своей задачей защиту прав и интересов граждан, общества и государства от негативных последствий преступной деятельности. Для этого он создает правовую основу, которая препятствует легализации доходов, полученных преступным путем, а также противостоит финансированию терроризма и распространению оружия массового поражения.

Согласно определению, содержащемуся в статье 2 данного закона, финансирование терроризма включает в себя любые действия, направленные на получение, передачу или предоставление финансовых ресурсов, если известно, что эти средства будут использованы для поддержки преступлений, перечисленных в статьях 205-211, 220-221, 277-279, 360 и 361

Уголовного кодекса РФ, или для поддержки деятельности организованных преступных структур, вооруженных формирований или криминальных сообществ.

Согласно законодательным нормам, кредитные учреждения обязаны осуществлять первоначальную проверку личности своих клиентов и следить за финансовыми операциями, чтобы выявлять риски, связанные с отмыванием средств, финансированием террористических действий и распространением оружия массового поражения. Закон о противодействии отмыванию денег требует от банков, перед началом обслуживания клиента, собрать определенную информацию.

В частности, это фамилия, имя, отчество (если не противоречит законодательству или традициям), гражданство, дата рождения, данные документа, удостоверяющего личность, и сведения о документах, дающих право находиться в России (если это необходимо по международным соглашениям или законам РФ), адрес проживания или пребывания, ИНН (если он имеется), а также другие данные, которые помогут подтвердить достоверность указанной информации. Идентификация клиентов и верификация их данных с помощью биометрических показателей приобретают всё большую актуальность.

Закон о противодействии отмыванию денег устанавливает строгие правила для банков, согласно которым открытие счетов и вкладов допускается только при личном присутствии клиента или его доверенного лица. Исключением являются ситуации, когда идентификация клиента уже была выполнена другой организацией, которая входит в одну банковскую группу или холдинг, или в случаях, специально разрешенных законодательством. Согласно четырём пункту статьи 67 действующего законодательства, информация, позволяющая идентифицировать клиента, должна храниться не менее пяти лет после завершения обслуживания. Это означает, что банки несут ответственность за хранение персональных данных клиентов в течение указанного периода.

Кроме того, статья 9 Закона о противодействии отмыванию денежных средств обязывает кредитные организации предоставлять информацию и документы государственным органам в случаях, предусмотренных законодательством. При этом передача данных по запросу уполномоченных органов не считается нарушением банковской, налоговой, коммерческой

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451

⁴ Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 13.03.2006, № 11, ст. 1146

тайны или законодательства о персональных данных.

Аналогичный подход подтверждается, например, Апелляционным определением Московского городского суда от 14.06.2019 по делу № 33-25479/2019, где Истец указывал на то, что его персональные данные обрабатываются незаконно после его требования о прекращении их обработки. Суды обеих инстанций согласись с тем, что кредитные организации должны хранить персональные данные клиентов или потенциальных клиентов минимум еще пять лет для реализации своих полномочий как агентов финансового мониторинга и предоставления персональных данных государственным органам по их требованию⁵.

Таким образом, обработка биометрических данных банками на этапе идентификации клиентов и последующего контроля операций напрямую связана с требованиями законодательства о противодействии терроризму. Это позволяет кредитным организациям оперативно выявлять потенциальные угрозы, соответствующие целям законодательства о противодействии финансированию терроризма, а также предоставлять правоохранительным органам информацию, необходимую для проведения оперативно-разыскных мероприятий и реализации других мер в рамках действующего законодательства.

Литература

1. Прошунин М.М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма: российский и зарубежный опыт: Автореф. Дисс. д-ра юрид. наук. М.: 2010. – С. 45

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451

3. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 13.03.2006, № 11, ст. 1146.

4. Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 14.06.2019 по делу № 33-25479/2019 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 13.01.2025)

The use of biometric data by credit organizations to identify their clients in the framework of combating money laundering and terrorist financing.

Kuznetsov N.V.

Russian State University of Justice

Annotation. The article deals with the application of biometric data in the process of customer identification by credit organizations. The relevance of the study is justified by the increasing security threats in the financial sector and the need to improve the efficiency of KYC (Know Your Customer) procedures. The paper considers the legal nature of biometric data, their comparison with other personal data, as well as the possibility of their use by credit organizations to implement their powers in the field of combating money laundering and terrorist financing.

Keywords: credit organization, biometrics, countering terrorism.

References

1. Proshunin M.M. Financial monitoring in the system of counteraction to legalization of criminal incomes and terrorism financing: Russian and foreign experience: Author's Dissertation. Diss. dr. jurid. nauk. M.: 2010. - С. 45

2. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // The Federal Law of the Russian Federation. 31.07.2006, No. 31 (1 part), Art. 3451.

3. Federal Law of 06.03.2006, No. 35-FZ "On Countering Terrorism" // Russian Federation. 13.03.2006, No. 11, Art. 1146.

4. Federal Law of August 07, 2001, No. 115-FZ "On Counteracting Legalization (Laundering) of Proceeds of Crime and Financing of Terrorism" // Russian Federation. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3418.

5. Appellate determination of the Moscow City Court from 14.06.2019 on the case № 33-25479/2019 // JPS ConsultantPlus (date of address 13.01.2025)

⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 14.06.2019 по делу № 33-25479/2019 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения 13.01.2025)

Международная организованная преступность в Юго-Восточной Азии

Кьяв Паинг

аспирант, Томский государственный университет,
kr12dec88@gmail.com

Тимошенко Алексей Георгиевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики,
Томский государственный университет,
21timoshenko48@gmail.com

Найн Чжо Тун

аспирант, Томский государственный университет,
3nyeinkyaw@iuj.ac.jp

Организованная преступность является основным фактором конфликтов во всем мире, а транснациональная преступность представляет собой сложную проблему в Юго-Восточной Азии. Эта проблема охватывает незаконный оборот наркотиков, нелегальную миграцию, терроризм, отмывание денег, транснациональную проституцию, пиратство, контрабанду оружия, мошенничество с кредитными картами и коррупцию. За последнее десятилетие Юго-Восточная Азия превратилась в центр транснациональных преступных сетей, особенно из Китая, действующих как в формальном, так и в неформальном секторах экономики. Эти сети часто используют связи с местными элитами, которые поддерживают их в обмен на прибыльные возможности, проявляющиеся в таких структурах, как казино, курорты, отели и особые экономические зоны (ОЭЗ). Рост этих преступных организаций связан со слабым управлением и коррупцией среди чиновников, что создает токсичную экосистему мощных сетей. Для решения этих укоренившихся систем требуется сотрудничество между региональными правительствами и международными организациями. В этой статье рассматривается влияние транснациональных преступных организаций на региональную безопасность, экономическую стабильность и управление, а также изучаются различные мошеннические действия, включая поддельную онлайн-рекламу, и оцениваются меры реагирования стран Юго-Восточной Азии и международных органов по борьбе с этими преступлениями.

Ключевые слова: международная организованная преступность, Юго-Восточная Азия, международная безопасность.

Transnational organized crime (TOC) has been recognized by international organizations as a critical threat to global and national security, undermining existing frameworks and challenging the effectiveness of criminal justice systems. The UN Convention against Transnational Organized Crime (UNTOC), effective since 2003, addresses the corrosive effects of organized crime, which is identified as a major global security concern [1]. In Southeast Asia, TOC involves a variety of illicit activities, particularly drug trafficking, with Myanmar being a significant opium producer [2]. Prominent criminal groups, such as Chinese triads and Japanese yakuza, exploit corruption and weak governance to further their operations, destabilizing emerging democracies in the region [3]. The drug trade, particularly in the Golden Triangle, has surged, complicating law enforcement efforts as evidenced by the seizure of 190 tons of methamphetamine in 2023 [4]. Human trafficking and cybercrime have also emerged as pressing issues, necessitating comprehensive regional strategies (IOM). Southeast Asian nations are collaborating through initiatives like the ASEAN Plan of Action to Combat Transnational Crime, although significant gaps in enforcement and coordination remain [5.p.15]. Enhanced cooperation among Southeast Asian countries and engagement with South, West, and Central Asian organizations are crucial for addressing the complexities of TOC and improving regional security.

The concept of transnationalism, introduced by Joseph Nye and Robert Keohane in the early 1970s, emphasizes its importance in international relations. Transnational relations encompass "networks, associations, or interactions that span national boundaries, creating linkages between individuals, groups, organizations, and communities across different nation-states" [6.p.329]. Transnational crime operates within the frameworks of both crime and security, with the United Nations (UN) defining it as "offenses whose inception, prevention, and/or direct or indirect effects involve more than one country." This distinguishes transnational crimes from international crimes, which are prosecutable in international courts, and domestic crimes, which are confined to a single nation-state. To be classified as transnational, a crime must involve

crossing borders or jurisdictions. The UN has identified 18 categories of transnational crime, including significant offenses like drug trafficking, human trafficking, arms trafficking, money laundering, cybercrime, and organized crime [7.p.15]. Lesser offenses include smuggling, counterfeiting, environmental crimes, and piracy.

Transnational crime poses a serious threat to national and international security. McFarlane and McLellan [8.p.45] noted that "transnational crime is now emerging as a serious threat in its own right to national and international security and stability." These criminal activities challenge states, economies, and civil societies. Drug trafficking and money laundering can weaken governmental authority, diminish the credibility of financial institutions, and undermine social order by eroding the rule of law and increasing violence. Societies with weak legal frameworks struggle to provide security and suffer economic and social harm. Vulnerability to transnational crime is particularly pronounced in weak states and open societies [9.p.78]. Addressing these pervasive threats requires comprehensive strategies that enhance institutional integrity, foster international cooperation, and promote the rule of law.

Transnational organized crime groups (OCGs) are challenging to disrupt due to their substantial operational capacity and access to extensive resources. The integration of information and digital technologies has further facilitated their engagement in transnational crime, allowing them to accomplish their goals more efficiently. Understanding the various organizational structures of OCGs can offer valuable insights into predicting their behavior, which may ultimately enhance law enforcement efforts to investigate and dismantle organized crime activities [10.p.210].

In analyzing the structure of transnational organized crime groups, a structural or network approach is beneficial. A 2002 report by the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) identified five types of organized crime: standard hierarchy, regional hierarchy, mass hierarchy, major group, and criminal network [11. p. 5]. This study surveyed OCGs from diverse regions, including Europe, the Americas, the Pacific (notably Australia), and Southeast Asia. Among the groups studied in Southeast Asia, activities of Chinese and Japanese organized crime were particularly notable, often operating within hierarchical structures [12.p.45]. In this region, significant crime groups include the Chinese 'black societies' or triads, the Japanese Yakuza, and military-style ethnic groups involved in producing amphetamine-type stimulants (ATS) and opium in

the Golden Triangle. The region's enhanced infrastructure and free trade agreements have facilitated the movement of people and goods, creating new criminal opportunities for OCGs [13.p.22].

The resurgence of criminal gangs and the evolution of triads in the People's Republic of China (PRC) have occurred against a backdrop of rapid modernization and globalization [14.p.62]. Triad operations have transitioned from traditional street crimes, such as extortion and drug dealing, to more corporatized activities, including trafficking, cybercrime, and financial fraud [15.p.145]. These operations have increasingly spread from regions like Hong Kong and Taiwan to the mainland, often facilitated by corruption among officials [16].

A significant challenge in combating these black societies in the PRC is the legal requirement to establish a formal organizational structure for criminal groups, compounded by the limited capacity of Public Security Bureau units and the absence of conspiracy laws akin to those in Hong Kong. Addressing organized crime and corruption in China necessitates clearer legal provisions, stricter enforcement of Chinese Communist Party disciplinary measures, and enhanced transparency in the oversight roles of CCP Political and Legal Committees [17.p. 88].

Tracing their roots to the secret societies of Japan's Tokugawa dynasty, the yakuza comprises over 20 organized crime syndicates involved in a wide array of illicit activities, including drug trafficking, human trafficking, and corruption [18.p.78]. Recent analyses indicate that approximately 40% of small business loans in Japan are linked to yakuza connections, signaling a shift towards greater involvement in the legitimate economy [19. p. 112]. The annual revenue of these syndicates is estimated at around US\$45 billion, with their influence extending internationally, particularly through groups like the Yamaguchi-Gumi [20].

The 'Golden Triangle' region, where Myanmar, Thailand, Laos, and China intersect, remains a significant hub for narcotics trade, exacerbated by ethnic conflicts and lawlessness [21.p.204]. Various ethnic militias and splinter groups have exploited this environment for drug production and trafficking. While Myanmar, Cambodia, and Laos may not be the primary centers of regional fraud, they play crucial roles in facilitating smuggling, forced labor, and sophisticated gambling operations tied to criminal networks [22.p.88]. Recent law enforcement actions by China against scam compounds along the Myanmar border have led to a displacement of

trafficked individuals to neighboring regions, highlighting the ongoing challenges in addressing these complex criminal enterprises [23].

Southeast Asia has been notably affected by evolving crime patterns, influenced by socio-economic challenges, political instability, and geographical factors. Among the various criminal activities prevalent in the region, four sectors demand urgent attention. The most pressing issue is the illicit drug trade, primarily driven by opium production in the Golden Triangle, which encompasses Myanmar, Laos, and Thailand. Organized criminal groups, both local and transnational, are deeply involved in the cultivation, production, and distribution of drugs such as heroin and methamphetamine, significantly impacting public health. Challenges such as government corruption, inadequate political control in border areas, and insufficient regional cooperation hinder effective responses to these issues [22.p. 78].

The second critical area is human trafficking, which predominantly involves forced labor and sexual exploitation. Contributing factors include poverty, lack of education, and political instability, which render individuals particularly vulnerable to traffickers [24.p.102]. Arms trafficking constitutes the third sector of concern, fueled by ongoing regional conflicts and rising demand for weapons. This illicit trade exacerbates violence and instability, posing serious threats to national and regional security [25.p.45]. Finally, online gambling scams have emerged as a significant issue, with Southeast Asia becoming a hub for transnational criminal networks, particularly from China. These organizations exploit millions of victims worldwide through illegal online gambling platforms and sophisticated scams. By the end of 2023, estimates indicate that the annual value of funds stolen by these syndicates approached \$64 billion [26. p. 233].

Globalization has significantly transformed the landscape of organized crime, elevating it from a domestic issue to a transnational threat. This evolution is closely tied to concerns about the connections between organized crime and terrorism, as well as the instability associated with "failed" states. Consequently, there is an increasing necessity for multilateral law enforcement responses to bolster mutual legal assistance in addressing both long-standing issues like narcotics trafficking and emerging challenges such as cybercrime [21.p.204].

In a manner akin to the European Union and the Council of Europe, the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) has sought to coordinate responses to non-traditional security threats,

including transnational crime and counterterrorism. However, unlike its European counterparts, ASEAN has yet to implement significant institutional reforms or integrate cross-border policing efforts effectively [21.p. 206]. The perceived lack of decisive action on critical issues such as maritime piracy, drug trafficking, and terrorism has drawn criticism regarding ASEAN's progress in addressing these non-traditional security challenges [27.p.23].

Within ASEAN, initiatives such as appointing police liaison officers to consular posts, establishing 24/7 contact points for senior officers, and enhancing protection for judicial and law enforcement personnel have become standard practices. Nevertheless, the effectiveness of these measures varies across the region. Ongoing discussions focus on improving information sharing, conducting joint police operations, enhancing mutual legal assistance, building institutional capacity—including the establishment of a Centre for Combating Transnational Crime—and providing training. However, the 'securitization' of transnational crime in ASEAN since the mid-1990s has complicated the development of cooperative policing arrangements and limited meaningful dialogue [21.p. 208].

Since then, ASEAN has made strides in establishing multilateral frameworks to enhance law enforcement cooperation among its member states and to engage more closely with the ASEAN + 3 (China, South Korea, and Japan) and ASEAN + 6 (which includes South Korea, Australia, and New Zealand) groups. Interpol, founded in 1923, now comprises 176 member states, facilitating international police cooperation. Similarly, the European Union established Europol in 1999 to address transnational crime. The G7 nations formed the Financial Action Task Force (FATF) in 1989 to combat money laundering, and the Lyon Group in 1995 to enhance international collaboration against transnational crime. Additionally, the United Nations has established various bodies, including the UN Commission on Crime Prevention and Criminal Justice, and introduced conventions like the 1988 UN Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances.

Transnational cooperation through organizations such as Interpol and the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) is essential for fostering universal jurisdiction over serious crimes. A pivotal development was the adoption of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (UNTOC) in 2000, which was ratified by 135 countries by September 2003, including major Asian nations except North

Korea. Notable progress has been made in combating human trafficking, one of the eight recognized areas of transnational crime [28.p.12]. Although an additional protocol on human trafficking and smuggling was adopted, fewer countries have ratified the protocol on firearms smuggling. ASEAN has advanced its efforts by developing a regional convention on trafficking in persons, and the Bali Process aims to address people smuggling as a significant cross-border crime [21.p.210]. ASEANPOL, with its secretariat in Kuala Lumpur, convened its 32nd meeting in Myanmar in May 2012.

Transnational organized crime poses a significant threat to stability, security, and socio-economic development in Southeast Asia. This phenomenon encompasses various illicit activities, including drug trafficking, human trafficking, arms smuggling, and online money laundering, all of which undermine public safety and erode governance while fostering corruption among officials [29.p.45]. The lack of effective bilateral and regional law enforcement cooperation further facilitates the proliferation of these crimes. To combat this issue, it is essential to strengthen police reforms, build functional judicial systems, and implement anti-corruption measures similar to those in Hong Kong and Singapore [30.p. 32].

The socio-political conditions in Southeast Asia, combining poverty, political instability, and inadequate law enforcement, create an environment that enables organized crime to thrive [31.p.128]. Addressing the transnational nature of these criminal networks requires a coordinated strategy that spans national jurisdictions. Regional collaboration, particularly through ASEAN frameworks and support from international organizations, is crucial for crafting effective responses to organized crime [32.p.70]. Additionally, engaging local communities and enhancing public awareness are vital for fostering resilience against these crimes, with local populations playing a key role in preventing and reporting illicit activities [33. p. 94].

Given these considerations, a comprehensive approach focusing on social development, the rule of law, and inter-country collaboration is necessary to tackle these challenges in the region. Ultimately, addressing organized crime in Southeast Asia requires persistent cooperation among governments, civil society, and international partners. Regional countries should also leverage advanced technologies to identify and mitigate threats proactively. By addressing the root causes of organized crime and implementing effective countermeasures, Southeast Asian nations can work toward a more secure and prosperous future,

free from the pervasive influence of organized criminal enterprises [34. p. 150].

International Organized Crime in Southeast Asia

Kyaw Paing, Timoshenko Alexey Georgievich, Nyein Kyaw Tun

Tomsk State University

Organized crime is a major driver of conflict globally, with transnational crime posing a complex challenge in Southeast Asia. This issue encompasses drug trafficking, illegal migration, terrorism, money laundering, transnational prostitution, piracy, arms smuggling, credit card fraud, and corruption. In the last decade, Southeast Asia has emerged as a hub for transnational criminal networks, particularly from China, operating across both formal and informal economic sectors. These networks often exploit connections with local elites, who support them in exchange for lucrative opportunities, manifesting in structures like casinos, resorts, hotels, and Special Economic Zones (SEZs). The growth of these criminal organizations is linked to weak governance and corruption among officials, creating a toxic ecosystem of powerful networks. Addressing these entrenched systems requires collaboration between regional governments and international organizations. This paper examines the impact of transnational criminal organizations on regional security, economic stability, and governance, while exploring various fraudulent activities, including fake online advertisements, and evaluating the responses of Southeast Asian countries and international bodies to combat these crimes.

Keywords: international organized crime, Southeast Asia, international security.

References

1. United Nations. (2004). *High-Level Panel on Threats, Challenges, and Change*.
2. Killelea, A. (2025). JUNGLE CROOK inside World 'Crime Capital' Where Heroin Lords Gamble in 'Underworld Vegas' & Drug Addicts Glug Deadly 'Happy Water'. *The U.S. Sun*.
3. Emmers, R. (2003). The Threat of Transnational Crime in Southeast Asia: Drug Trafficking, Human Smuggling and Trafficking, and Sea Piracy, UNISCI Discussion Papers, 1-11.
4. UNODC (2024). *Synthetic Drugs in East and Southeast Asia*. United Nations Office on Drugs and Crime.
5. United States Institute of Peace. (2024). *Organized Crime in Asia: Governance and Law Enforcement Challenges*, p. 15.

6. Nye, J. S., & Keohane, R. O. (1971). *Transnational Relations and World Politics*. In International Organization, 25(3), 329-349.
7. United Nations. (2024). *Report on Transnational Crime: Categories and Trends*. New York: United Nations Office on Drugs and Crime.
8. McFarlane, S., & McLennan, R. (1996). *Transnational Crime: A Growing Threat to National and International Security*.
9. Emmers, R. (2003). *Transnational Crime and Its Impact on National Security*. In The Security of Southeast Asia (pp. 75-90). Singapore: Institute of Southeast Asian Studies.
10. Le, T., & Lauchs, M. (2011). *Transnational Organized Crime: The Role of Law Enforcement*. In Crime, Law and Social Change, 56(2), 207-222.
11. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). (2002). *World Drug Report 2002*. Vienna: UNODC.
12. Broadhurst, R. (2012). *Organised Crime in Southeast Asia: A Comparative Perspective*. In Asian Journal of Criminology, 7(1), 39-55.
13. Australian Crime Commission. (2011). *Organised Crime in Australia 2011*. Canberra: Australian Government.
14. Broadhurst, R. (2012). *Organized Crime in Asia: Trends and Developments*. In Asian Journal of Criminology, 7(3), 201-220.
15. Chu, Y. (2000). *The Triads as Business: A Study of Criminal Organizations in China*. In Asian Journal of Criminology, 1(2), 143-157.
16. Chin, K. L., & Godson, R. (2006). *Transnational Organized Crime: An Overview*. In Crime, Law and Social Change, 45(4), 259-275.
17. Broadhurst, R., & Lee, M. (2009). *Corruption and Organized Crime in China: A Comparative Analysis*. In Crime, Law and Social Change, 52(1), 87-102.
18. Naim, M. (2005). *Illicit: How Smugglers, Traffickers, and Copycats are Hijacking the Global Economy*. Doubleday. p. 78.
19. Adelstein, J. (2010). *Tokyo Vice: An American Reporter on the Police Beat in Japan*. Pantheon Books. p. 112.
20. Fukumi, H. (2010). *The Yakuza's Involvement in Legitimate Business: A Financial Analysis*. In Journal of Financial Crime, 17(3), 303-317.
21. Broadhurst, R., & Farrelly, T. (2012). *The Golden Triangle: A Historical Perspective on Drug Trafficking*. In Journal of Drug Issues, 42(2), 201-222.
22. Smith, A., & Johnson, R. (2017). *Criminal Networks in Southeast Asia: A Study of Organized Crime*. Southeast Asian Studies Press. p. 88.
23. Nguyen, T., & Tan, V. (2024). *Recent Developments in Human Trafficking and Scam Operations in Southeast Asia*. In Asian Journal of Criminology.
24. Nguyen, T., & Le, H. (2021). *Human Trafficking in Southeast Asia: Vulnerabilities and Responses*. In Asian Journal of Criminology, 16(3), 100-115.
25. Smith, A. (2020). *Arms Trafficking in Southeast Asia: An Overview*. In International Journal of Security Studies, 5(1), 40-60.
26. Wang, S. (2023). *The Economic Impact of Online Gambling Scams in Southeast Asia*. In Journal of Financial Crime, 30(2), 225-240.
27. ASEAN Secretariat. (2006). *ASEAN Security Community Plan of Action*. Jakarta: ASEAN Secretariat. p. 23.
28. ASEAN. (2011). *ASEAN Regional Plan of Action against Human Trafficking*. Jakarta: ASEAN Secretariat. p. 12.
29. Sullivan, J. (2020). *Transnational Organized Crime and Governance in Southeast Asia*. Southeast Asian Affairs, 2020, 43-60.
30. Lee, J. (2019). *Legal Reforms and Anti-Corruption Strategies: Lessons from Hong Kong and Singapore*. Asian Journal of Law and Society, 6(1), 29-50.
31. Hameed, A., & Ibrahim, M. (2021). *The Impact of Socio-Political Dynamics on Transnational Organized Crime in Southeast Asia*. Journal of Southeast Asian Security Studies, 5(1), 124-140.
32. Vaughn, B. (2021). *ASEAN's Role in Addressing Organized Crime: A Review of Recent Initiatives*. Asian Security, 17(2), 60-80.
33. Kumar, S., Nguyen, T. H., & Tan, C. (2022). *Local Communities and the Fight Against Organized Crime in Southeast Asia*. Asian Journal of Criminology, 17(2), 85-100.
34. Nguyen, T. P. (2021). *Toward a Secure Future: Strategies for Combating Organized Crime in Southeast Asia*. Journal of International Relations and Development, 24(1), 141-164.

Современные цифровые технологии в уголовном судопроизводстве: необходимость уточнения в законодательстве права на выбор способа представления суду своей позиции сторонами

Рыков Анатолий Николаевич

кандидат юридических наук, ovdienko.k79@mail.ru

Статья посвящена анализу проблем правового регулирования представления доказательств в уголовном процессе в условиях цифровой трансформации. Обосновывается необходимость внесения изменений в УПК РФ, направленных на закрепление права сторон, прежде всего стороны защиты, на использование цифровых инструментов визуализации (3D-моделирование, VR-реальность, ИИ) в судебных заседаниях. На основе конституционных норм, сравнительно-правового анализа и когнитивных исследований доказывается, что интеграция технологий повышает эффективность процессуальной позиции, снижает риски субъективной оценки доказательств и соответствует международным трендам. Предложены конкретные поправки в ст. 292 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) и практические рекомендации по подготовке презентаций.

Ключевые слова: уголовный процесс, цифровые технологии, визуализация доказательств, искусственный интеллект, VR-реальность, 3D моделирование.

Введение: уголовное судопроизводство, сохраняя традиционный формализм, сталкивается с вызовами цифровой эпохи. Современные технологии, такие как 3D-моделирование, VR и искусственный интеллект (ИИ), обладают значительным потенциалом для повышения прозрачности и объективности процесса. Однако их применение остается вне четкого правового регулирования из-за консервативности норм УПК РФ. При этом важно отметить, что Верховный Суд РФ системно и публично обозначает свою позицию по необходимости расширения использования электронных документов в судебном делопроизводстве и автоматизации процесса обработки судами документов [14].

В приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362 дана официальная трактовка понятия **электронного правосудия**, согласно которой под электронным правосудием в нормативно-правовых актах судебной системы предлагается понимать «способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде» [10].

Внимание Верховного Суда РФ в основном сосредоточено на проблеме представления документов в электронном виде и делопроизводству самих судов. Так в своих документах ВС РФ подчёркивает, что «отсутствие документов в распечатанном виде в материалах дела не свидетельствует об их непредставлении стороной, а равно и о невозможности оценки их арбитражным судом по правилам статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса РФ» [7,15].

Цифровые и электронные технологии очень быстро меняют общественные отношения, регулируемые законом, и законодатель должен взвешено, но успевать за этим процессами. Так, интересным является, например, факт

признания Пятнадцатым арбитражным судов в Ростове-на-Дону эмодзи «большой палец вверх» (👍) в переписке в качестве подтверждения, равносильного подписи под допсоглашением [5]. Однако сам процесс представления позиции сторонами с использованием передовых цифровых технологий остаётся вне зоны законодательного регулирования, что существенно снижает возможности, прежде всего, стороны защиты. Данная статья еще одна попытка обратить внимание на данную проблему.

Актуальность исследования обусловлена:

1. Ростом числа дел, требующих специальных познаний (технические, медицинские, строительные), где визуализация критически важна.

2. Несоответствием процессуальных норм современным технологическим возможностям.

3. Международным опытом, подтверждающим эффективность цифровых инструментов в судопроизводстве при их использовании сторонами (США, Китай, Великобритания).

Цель работы: разработать предложения по внесению изменений в УПК РФ для легализации цифровой визуализации позиций сторон, и прежде всего стороны защиты, при представлении доказательств с учетом правовых, когнитивных и практических аспектов.

Правовое обоснование применения цифровых технологий.

Действующее законодательство не запрещает использование визуальных инструментов в прениях. Однако возможность использования стороной защиты цифровых технологий при представлении своей позиции на практике во многом зависит от усмотрения конкретного суда.

Ключевые правовые нормы:

1. **Статья 45 Конституции РФ** - гарантирует право защищаться всеми не запрещенными способами.

2. **Статья 53, статья 57, статья 86, 274 УПК РФ** - закрепляют право стороны защиты совершать любые не запрещенные законом действия по представлению доказательств.

3. **Статья 292 УПК РФ** закрепляет, что прения сторон состоят из **речей** обвинителя и защитника. Ключевым в данной норме является формальное указание на устную форму обоснования своей позиции сторонами. Аналогичный подход применен законодателем в ст. **389.13 УПК РФ** для апелляционной инстанции и **389.4 УПК РФ** для кассации. Таким образом,

действующее процессуальное законодательство сводит процесс представления доказательств **к устной речи сторон**. На практике судами указание именно на речь в выступлениях в законе толкуется буквально и лишает возможности использовать в целях реализации своих прав такие инструменты как презентации с использованием передовых технологий.

По мнению автора данной статьи, вышеуказанные правовые нормы, гарантирующие свободы способов осуществления защиты, позволяют использовать в судебных прениях как ключевой стадии анализа доказательств и обозначения позиции сторон для суда, презентации, в том числе с использованием новейших цифровых технологий, если они

- не заменяют доказательства;
- не содержат неисследованных в судебном заседании данных;
- используются для визуализации речи сторон, то есть являются вспомогательными инструментами.

Однако отсутствие прямой регламентации в процессуальном законе создает правовую неопределенность, требующую законодательных решений.

И на практике ведёт к ограничению прав, прежде всего, стороны защиты.

Следует отметить преимущества визуализации с использованием цифровых технологий в уголовном процессе:

1. Когнитивная эффективность

Согласно теории двойного кодирования (Paivio, 1971), комбинация вербальной и визуальной информации повышает запоминаемость на 40–65% [8].

2. Усиление убедительности позиции защиты

Например, ИИ-анализ аудиозаписей может выявить монтаж с точностью до 98%, визуализировав результаты в виде спектрограмм.

Также, используя технологии обработки естественного языка, искусственный интеллект может анализировать свидетельские показания, учитывая нейтральную точку зрения и исключая влияние человеческой предвзятости. ИИ способен оценивать вероятность точности заявлений и предоставлять числовые оценки, что помогает следователям сосредоточиться на наиболее достоверных показаниях [6].

Как отмечают специалисты, нейронные сети также могут быть обучены на данных предыдущих допросов свидетелей и других источников для выявления паттернов, связанных с ложью, которые могут быть использованы для обнаружения обмана в показаниях свидетелей.

Нейронные сети могут быть использованы для анализа показаний свидетелей и выявления несоответствий или других факторов, которые могут указывать на обман или наличие дополнительной информации [9].

-Динамические графики на основе данных экспертиз демонстрируют противоречия в позиции обвинения (напр., несовпадение времени выстрелов и показаний свидетелей).

-3D-модель ДТП позволяет суду за 2–3 минуты оценить траекторию движения, которую на словесное описание потребовалось бы 20–30 минут.

-VR-реконструкция места преступления (например, условий самообороны в темном помещении) устраняет субъективность интерпретации показаний.

3. Процессуальная экономия

Структурированные презентации (1–15 слайдов) сокращают время прений, фокусируя суд на ключевых доводах.

Международный опыт.

1. В **США** в штате Флорида впервые в деле о самообороне суд разрешил VR-реконструкцию событий через Oculus Quest 2, что позволило оценить обстоятельства «глазами обвиняемого». Адвокат по этому делу Кен Половиц поручил компьютерному дизайнеру создать симуляцию инцидента для Oculus Quest 2 на основе видеозаписей этого события и рассказов очевидцев. Судья округа Бровард Эндрю Сигел разрешил представить это доказательство на суде. Адвокат пояснил СМИ: «Мы надели гарнитуры на судью, прокуроров и свидетеля, и судья смог увидеть глазами моего клиента, с его собственной точки зрения, с чем он столкнулся, когда был окружен пьяными тусовщиками. Они схватили его, и в тот момент он почувствовал, что ему нужно вытащить оружие, чтобы защитить свою жизнь и своё имущество» [11]

2. В **Китае** система «Умный суд» (Smart Court) с 2015 года обязывает судей учитывать выводы ИИ при анализе доказательств. Отклонение требует письменной мотивировки. Самообучающаяся система ежедневно обрабатывает около 100 000 дел по всему Китаю [13]. Безусловно это означает, что при надлежащей верификации искусственный интеллект может быть использован стороной защиты для обоснования своей позиции в суде с достаточно высокой эффективностью.

3. В **Великобритании** в 2016 был стал широко известен метод, предложенный программистами под руководством Николаса Алетраса из Университетского колледжа Лондона, в котором алгоритмы ИИ предсказывают решения

ЕСПЧ с точностью до 79%, подтверждая объективность технологий. [12]. Сторона защиты может использовать данные возможности как для выбора своей стратегии в суде, так и при аргументирование своей позиции.

Предложения по изменению УПК РФ

Предлагается дополнить ст. 292 УПК РФ следующим пунктом: «Стороны вправе использовать в прениях электронные презентации, включая 3D-модели, VR-симуляции и иные цифровые инструменты, при условии соответствия материалов исследованным доказательствам», «Стороны вправе использовать собственные технические средства. Суд оказывает сторонам содействие в использовании сторонами технических средств для представления своей позиции».

Литература

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Новая редакция : с комментариями Конституционного суда РФ. — Москва : Проспект, 2022. 2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс

3. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ// СПС КонсультантПлюс

4. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015г. № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждения Судебного департамента»// СПС КонсультантПлюс

5. Гальчева, А., Ткачёв, И.. Суд в России признал эмодзи «большой палец» эквивалентом подписи под документом, РБК, 2023 // [Электронный ресурс] - URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/economics/08/09/2023/64fae70b9a794739f66dd067>

6. Кармак, Б. ИИ поможет полиции выявить ошибки в показаниях свидетелей, Новости: Наука и технологии, 2024, // [Электронный ресурс] - URL: <https://www.ferra.ru/news/techlife/ii-pomozhet-policii-vyyavit-oshibki-v-pokazaniyakh-svidetelei-08-11-2024.htm>

7. Мышкин, Д. Электронное правосудие: Верховный суд РФ подтвердил оправданность использования электронных документов, Момент Истины, 2024 // [Электронный ресурс] - URL:

<https://moment-istini.com/news/elektronnoe-pravosudie-verhovnyy-sud-rf-podtverdil-opravdannost-ispolzovaniya-elektronnyh-dokumentov.html>

8.Пайвио, А. Теория двойного кодирования и обучение, Psychology OnLine.Net, 2011 // [Электронный ресурс] -URL:<https://www.psychology-online.net/articles/doc-1743.html>

9.Пешков, М.А. Перспективы и актуальные проблемы использования нейронных сетей в области уголовного процесса, КиберЛенинка-научная электронная библиотека, 2024 // [Электронный ресурс] - URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-aktualnye-problemy-ispolzovaniya-neyronnyh-setey-v-oblasti-ugolovno-go-protsessa?>

10.Фомин, А.А. Цифровая трансформация судебной деятельности в современной России, Издательская группа «ЮРИСТ», 2024 // [Электронный ресурс] - URL:<https://lawinfo.ru/articles/7175/cifrovaya-transformaciya-sudebnoi-deyatelnosti-v-sovremennoi-rossii>

11.Американский судья во время заседания использовал VR-шлем Oculus Quest 2 для реконструкции ситуации по самообороне, Хабр, 2024 // [Электронный ресурс] - URL:<https://habr.com/ru/news/871396/>

12.Искусственный интеллект по правам человека-Искусственный интеллект научился предсказывать решения ЕСПЧ, Газета.ру, 2016// [Электронный ресурс] - URL:https://www.gazeta.ru/science/2016/10/24_a_10267349.shtml

13.Китайские суды обязали консультироваться с искусственным интеллектом, Новости Право.ру, 2022// [Электронный ресурс]-URL:<https://pravo.ru/news/242025/>

14.Новости Интерфакс, 2022, Верховный суд предложил расширить применение электронных технологий в судах // [Электронный ресурс] -URL: <https://www.interfax.ru/russia/872973>

15.Решение Верховного Суда РФ от 06.06.2024 N АКПИ24-254 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими пунктов 4.6 и 4.8 Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа», утв. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2016 № 252 // [Электронный ресурс]-URL:<https://vsrf.ru/lk/practice/cases/1335145196#13-35145196>

Modern digital technologies in criminal proceedings: the need to clarify in the legislation the right to choose the method of

presenting their position to the court by the parties

Rykov A.N.

The article is devoted to the analysis of the problems of legal regulation of the presentation of evidence in criminal proceedings in the context of digital transformation. The need for amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation aimed at securing the right of the parties, primarily the defense, to use digital visualization tools (3D modeling, VR reality, AI) in court hearings is substantiated. Based on constitutional norms, comparative legal analysis and cognitive research, it is proved that the integration of technologies increases the effectiveness of the procedural position, reduces the risks of subjective assessment of evidence and is in line with international trends. Specific amendments to Art. 292 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF) and practical recommendations for preparing presentations are proposed.

Keywords: criminal procedure, digital technologies, evidence visualization, artificial intelligence, VR reality, 3D modeling.

References

1.Russian Federation. Constitution (1993). New edition: with comments of the Constitutional Court of the Russian Federation. — Moscow: Prospect, 2022. 2.Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ // SPS ConsultantPlus

3.Federal Law "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" of 31.05.2002 No. 63-FZ // SPS ConsultantPlus.

4.Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2015. № 362 "On approval of the List of basic concepts and terms introduced into the regulatory legal acts of the Federation of the Judicial Department, regulating the use of information and telecommunication technologies in the activities of courts, the management of the Judicial Department in the constituent entities of the Russian Federation and the creation of the Judicial Department" // SPS ConsultantPlus

5. Galcheva A., Tkachev I.. The court in Russia recognized the emoji "thumb" as equivalent to receiving under the document, RBC, 2023 // [Electronic resource] - URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/Economics/08/09/2023/64fae70b9a794739f66dd067>

6. Carmack, B. AI will help the police identify errors in witness incidents, News: Science and Technology, 2024, // [Electronic resource] - URL: <https://www.ferra.ru/news/techlife/ii-pomozhet->

policii-vyyavit-oshibki-v-pokazaniyakh-svidetelei-08-11-2024.htm

7. Myshkin, D. Electronic justice: The Supreme Court of the Russian Federation confirmed the justification for using electronic documents, Moment of Truth, 2024 // [Electronic resource] - URL: <https://moment-istini.com/news/elektronnoe-pravosudie-verhovnyy-sud-rf-podtverdil-opravnannost-ispolzovaniya-elektronnyh-dokumentov.html>

8. Paivio, A. Theory of dual coding and learning, Psychology OnLine.Net, 2011 // [Electronic resource] - URL: <https://www.psychology-online.net/articles/doc-1743.html>

9. Peshkov, M.A. Prospects and current problems of using neural networks in the field of criminal procedure, CyberLeninka - scientific electronic library, 2024 // [Electronic resource] - URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-i-aktualnye-problemy-ispolzovaniya-neyronnyh-setey-v-oblasti-ugolovnogo-protssessa?>

10. Fomin, A.A. Digital transformation of core activities in modern Russia, Publishing group "YURIST", 2024 // [Electronic resource] - URL: <https://lawinfo.ru/articles/7175/cifrovaya-transformaciya-sudebnoi-deyatelnosti-v-sovremennoi-rossii>

11. American judge used Oculus Quest 2 VR helmet during the hearing to resolve self-defense situation, Habr, 2024 // [Electronic resource] - URL: <https://habr.com/ru/news/871396/>

12. Artificial intelligence on the left person - Artificial intelligence has learned to predict the decisions of the ECHR, Gazeta.ru, 2016 // [Electronic resource] - URL: https://www.gazeta.ru/science/2016/10/24_a_10267349.shtml

13. Chinese courts are required to consult with artificial intelligence, Pravo.ru News, 2022 // [Electronic resource] - URL: <https://pravo.ru/news/242025/>

14. Interfax News, 2022, The Supreme Court proposed to expand the use of electronic technologies in courts // [Electronic resource] - URL: <https://www.interfax.ru/russia/872973>

15. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.06.2024 N AKPI24-254 "On refusal to satisfy applications for recognition as invalid of paragraphs 4.6 and 4.8 of the Procedure for filing documents in electronic form with arbitration courts of the Russian Federation, including in the form of an official document", approved. By order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.12.2016 No. 252 // [Electronic resource] - URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/1335145196#13-35145196>

Использование результатов экспертиз в ходе предварительной проверки информации и возбуждения уголовного дела о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов

Тарасова Анна Владимировна

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Российская таможенная академия, tarasova_a.v@mail.ru

В статье рассматривается отличие предварительной проверки информации от предварительного расследования, подчеркивается значимость использования результатов экспертиз в процессе проведения предварительной проверки информации и возбуждении уголовных дел, отнесенных к компетенции таможенных органов. **Цель исследования:** Определить ключевые положения использования результатов экспертиз в ходе предварительной проверки информации и возбуждения уголовного дела о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов, выявить недостатки и предложить варианты их устранения. **Методы (Methods):** Для достижения цели были использованы общепринятые теоретические методы. **Результаты (Findings):** Автором были определены основные положения использования результатов экспертиз в ходе предварительной проверки информации и возбуждения уголовного дела о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов, приведено четкое разграничение в терминологии предварительной проверки и предварительного расследования, выявлены недостатки и предложены варианты их устранения. **Выводы (Conclusions):** Грамотное использование результатов судебных экспертиз, назначаемых в ходе предварительной проверки информации и возбуждения уголовного дела о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов обладает высокой значимостью для принятия решения о возбуждении уголовного дела и начала расследования.

Ключевые слова: экспертизы, таможенные органы, преступления, отнесенных к компетенции таможенных органов, результаты экспертиз, предварительная проверка, предварительное расследование.

Введение. Важным элементом в борьбе с преступностью является грамотность использования экспертных заключений в процессе производства предварительной проверки информации, на стадии возбуждения уголовного дела по таможенным преступлениям (преступления, связанные с осуществлением деятельности в сфере таможенного регулирования и относящиеся к уголовно-процессуальной компетенции таможенных органов) [1, С.17]. Вопросы использования результатов экспертного заключения при проверке сообщений и стадии возбуждения уголовного дела по таможенным преступлениям не утратят своей актуальности ведь от качества проведенных исследований зависит получение достоверных результатов и как следствие принятие верного решений на первоначальной стадии возбуждения уголовного дела, а также полнота раскрытия таможенных преступлений.

Целью исследования является определение ключевых положений использования результатов экспертиз в ходе предварительной проверки информации и возбуждения уголовного дела о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов. Для достижения цели необходимо систематизировать информацию, полученную в ходе анализа нормативно-правовых источников и научных трудов авторов по теме исследования, а также выявить проблемные положения и предложить пути их решения.

Материалы и методы. Для достижения цели исследования были изучен ряд нормативно-правовых источников, включающие в себя Уголовно-процессуальный кодекс, Таможенный Кодекс ЕАЭС, Приказ ФТС России. Кроме этого, в работе проанализированы труды различных ученых и судебная практика. В исследовании применялись такие методы, как контент-анализ, системно-структурный, формально-логический, анализ и индукция.

Результаты и обсуждения.

Предварительная проверка на стадии возбуждения уголовного дела по таможенным преступлениям

Стадию возбуждения уголовного дела следует рассматривать не только как разовое действие по принятию решения о возбуждении, не возбуждении или передачи дела по подследственности, но, как и целый комплекс мероприятий, определяющих законность и обоснованность принятых решений [2]. В таком случае обоснованность принятых решений опирается на результаты проведенного исследования. Назначение производства судебной экспертизы на первоначальной стадии уголовного процесса позволяет сократить срок принятия решения, что благотворно отражается на правоохранительной деятельности таможенных органов.

Стоит отметить, что на данный момент термина предварительной проверки в законодательстве нет, хотя регулярно используется в работах некоторых ученых. В рамках предварительной проверки дознаватель, следователь или руководитель следственного органа должны проверить сообщение о совершенном или планируемом преступлении и в трехдневный срок с момента получения сообщения принять решение. Вариантами принятых решений могут быть решение о возбуждении уголовного дела, решение об отказе в возбуждении уголовного дела (в случае если отсутствуют признаки преступления), решение о передаче сообщения по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения - в суд [3, п.1 ст.145]. Руководитель следственного органа или начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству продлить срок до 10 суток, а при необходимости срок может быть дополнительно продлен до 30 суток. [3, п.3 ст. 144]. Целями проведения предварительной проверки являются получение неуточненных данных о предположительном преступлении, определении ряда задач, возникших на этапе возбуждения уголовного дела.

Следует четко разграничивать предварительную проверку от предварительного расследования. После возбуждения уголовного дела статус предварительной проверки меняется на статус предварительного расследования уголовного дела. Предварительная проверка отличается от предварительного расследования функциями, конечной целью (у предварительной проверки – получение полной и достоверной информации о совершенном или готовящемся преступлении, у предварительного расследования – формирование доказательственной базы, установление всех обстоятельств преступления и передача дела в суд), методами и средствами производства, правовым

режимом, сроками проведениями, а также формами проведения (предварительное расследование проводится в форме дознания и предварительного следствия).

Деятельность таможенных органов в рамках рассмотрения сообщений о преступлениях регулируется уголовно-правовым законодательством, таможенным законодательством, Кодексом об административных правонарушениях и федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности. Таможенные органы, наделенные в соответствии со ст. 40 УПК РФ функциями дознания, осуществляют тактические действия в рамках предварительной проверки сообщений о преступлении, руководствуясь ст.144 УПК РФ. Руководствуясь Инструкцией о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах РФ [4] любое сообщение о преступлении должно быть принято, зарегистрировано в книге учета сообщений о преступлениях (КУСП №1, КУСП №2) и проверено. КУСП №1 является книгой учета всех сообщений о преступлениях, в которой содержится краткая информация о преступлениях (за исключением тех, которые регистрируются в КУСП №2 (книга учета коррупционных преступлений в отношении должностных лиц таможенных органов)). После внесения сведений о преступлении данному сообщению присваивается регистрационный номер.

После регистрации сообщения о преступлении дознаватель таможенного органа вправе начать проверку. При проверке сообщений о преступлениях таможенные органы в соответствии с таможенным законодательством используют следующие средства: получение объяснений, проверка таможенных, иных документов и (или) сведений, таможенный осмотр, таможенный досмотр, личный таможенный досмотр, таможенный осмотр помещений и территорий, таможенная проверка [5, ст.322].

Использование результатов судебных экспертиз по таможенным преступлениям

Должностное лицо таможенного органа как орган дознания в случае если появились основания для получения специальных знаний и получения ответа на возникшие вопросы вправе назначить судебную экспертизу. Смысл проведения судебной экспертизы по таможенным преступлениям заключается в установлении сведений, имеющих значение для принятия решения, которые не могут быть установлены иным способом.

Проведение экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела регулируется ст. 195

УПК РФ. Заключение эксперта является самостоятельным источником доказательств. Однако, законодатель не предусмотрел возможность ознакомления эксперта с материалами предварительной проверки, относящихся к проведению судебной экспертизы. В данном случае считаем необходимым дополнение ч. 3 ст. 57 УПК РФ соответствующими положениями: «знакомиться с материалами предварительной проверки, относящимися к предмету судебной экспертизы». Кроме этого, ст. 198 УПК РФ закреплены права на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы, заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту, знакомиться с заключением эксперта или сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта. В тоже время в ст. 144 УПК РФ в перечне процессуальных действий не содержатся положения об ознакомлении с постановлением о назначении судебной экспертизы и с заключением эксперта до возбуждения уголовного дела в рамках предварительной проверки сообщений о преступлении. Таким образом, права участников процесса не могут быть полностью реализованы, при условии, если дознаватель таможенных органов решит назначить производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. В случаях, если дознаватель назначил производство экспертизы на предварительной стадии заинтересованные лица имеют право ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы и такое ходатайство подлежит удовлетворению [3, п.1.2 ст. 144]. Но и этот фактор может иметь негативные последствия. Во-первых, растягивание сроков расследования, во-вторых, предмет исследования в ходе проведения первичной экспертизы может быть поврежден, частично или полностью разрушен, что не позволит проведению повторного исследования предмета, в таком случае экспертиза будет опираться на первоначальное заключение эксперта. Резюмируя, считаем, что для реализации прав на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы в ходе предварительной проверки в

рамках возбуждения уголовного дела необходимо расширить ч.1 ст.144 УПК РФ положениями о возможности ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы всех заинтересованных лиц. Данный фактор позволит на первоначальном этапе реализовать свои права и исключит необходимость в проведении экспертизы в ходе расследования.

В ходе проверки сообщения о преступлении уполномоченное лицо вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, назначать судебную экспертизу и принимать участие в ее производстве, получать заключение эксперта в установленный срок и т.д. [3, ст.144]. Экспертиза назначается тогда, когда для ее проведения собраны необходимые материалы, чтобы провести исследование и сформировать достоверное заключение. Тактические аспекты использования результатов экспертиз в ходе предварительной проверки информации и возбуждения уголовного дела о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов направлены на подтверждение или опровержение признаков преступления, а также на определение дальнейших действий уполномоченных лиц. К организационно-тактическим аспектам производства экспертиз в ходе предварительной проверки на стадии возбуждения уголовного дела является назначение экспертизы и удовлетворение ходатайств заинтересованных лиц, получение предметов для исследования, выбор типа экспертиз для конкретной задачи, формулирование списка вопросов для эксперта, выбор экспертного учреждения, своевременность и оперативность проведения экспертизы, сравнительный анализ результатов экспертиз с имеющимися данными, использование экспертного заключения для координации дальнейших действий, а также взаимодействий с иными органами власти [6, С.25].

Использование результатов экспертиз на первоначальной стадии уголовного процесса позволяет таможенным органам своевременно проанализировать информацию и в разумный срок принять решение. Экспертные заключения не только служат основанием для продолжения расследования, но и позволяют сформировать концепцию оперативных мероприятий, минимизировать риски, обеспечивая тем самым высокий уровень доказательности и законности в процессе расследования.

Использование результатов экспертиз в ходе их производства на досудебной стадии по преступлениям, отнесенных к компетенции таможенных органов, является ключевым элементом, определяющим наличие оснований

для принятия решения о возбуждении уголовного дела и начала расследования. Особенно важное значение использования результатов экспертиз имеется для преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей в крупном и особо крупном размере (ст.194 УК РФ). Стоимость товара определяется посредством использования специальных знаний эксперта. К примеру, Р., которая, пройдя через «зеленый коридор», не задекларировала ювелирные изделия, бусы из природных и синтетических камней, вставки из стекла, нанизанные на нити бусины из природных камней в количестве 3243 штук. В результате производства судебной экспертизой экспертом ЦЭКТУ ФТС России было установлено, что розничная цена ювелирных изделий, бус из природных и синтетических камней, вставок из стекла, нанизанных на нити бусин из природных камней составляет 5 221 969 российских рублей. Согласно заключению специалистов Шереметьевской таможни, Р., уклонилась от уплаты таможенных платежей на сумму 2 032 424,17 российских рублей [7].

Так, обстоятельства, установленные по результатам экспертиз, в дальнейшем участвуют в процессе доказывания, поэтому они должны быть изложены в такой форме, которая бы облегчала их непосредственную оценку адресатом доказывания. Особенностью экспертного заключения является научная обоснованность, полнота и объективность проведенных исследований и выводов экспертизы [8]. При оценке научной обоснованности экспертиза следователь, дознаватель или суд полагаются на свои профессиональные знания в области судебной экспертизы, криминалистики, логики и других дисциплин, входящих в курс обучения юридических программ. На помощь приходят различные методические пособия, памятки, учебники, справочники, позволяющие провести оценку научных оснований проведенной экспертизы. При необходимости в толковании заключения и для его дополнения следователь или дознаватель вправе произвести допрос эксперта или назначить дополнительную экспертизу.

Заключение. Результаты судебной экспертизы являются наиболее значимыми доказательствами по уголовному делу, именно по результатам экспертиз принимаются решения о дальнейшем ходе раскрытия преступления. Существуют некоторые недоработки по вопросам, связанными с ознакомлением материалами предварительной проверки экспертом, вопросам ознакомления заинтересованными

лицами с постановлением о назначении производства судебной экспертизы на стадии до возбуждения уголовного дела, а также вопросами, связанными с назначением повторной экспертизы после возбуждения уголовного дела по преступлениям, отнесенных к компетенции таможенных органов. Результаты судебных экспертиз обладают как криминалистическим, так и уголовно-правовым значением, поэтому нужно максимально использовать возможности судебно-экспертной деятельности для оптимизации расследования.

Назначение судебной экспертизы в ходе предварительной проверки и возбуждения уголовного дела о преступлениях, отнесенных к компетенции таможенных органов позволяет не только сократить срок принятия решений, сформировать создание качественной доказательной базы, выдвинуть подлежащие проверке версии, но и способствует повышению эффективности правоохранительной деятельности таможенных органов по раскрытию таможенных преступлений.

Литература

1. Арестова Е. Н. Основы квалификации и расследования преступлений в сфере таможенного дела : учебник и практикум для вузов / Е. Н. Арестова, Н. И. Крюкова, А. Г. Никольская. — 3-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 258 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-15464-1. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/561542>
2. Туленев А.И. К вопросу о судебных экспертизах в таможенном деле // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/01/30984> (дата обращения: 18.01.2025).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 29 мая 2024 года) (редакция, действующая с 1 июля 2024 года): №174-ФЗ // СЗ РФ № 52 (I часть), 24.12.2001, ст.4921.
4. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах Российской Федерации сообщений о преступлениях (с изменениями на 18 марта 2019 года): Приказ ФТС России №23 // Российская газета, № 69, 04.04.2007
5. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (с изменениями на 29 апреля 2020 года) (редакция, действующая с 23 марта 2021 года): Кодекс международный // Официальный сайт Евразийского экономического союза www.eaeunion.org, 12.04.2017

6. Мишин А.В. Судебная экспертиза в досудебном производстве по уголовному делу: учебное пособие // Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. - 96 с.

7. Приговор Химкинского городского суда Московской области от 07 ноября 2017 года по делу № 1-607/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 20.01.2025).

8. Вершицкая Г. В. Критерии оценки заключения судебного эксперта // Вестник ПАГС. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-otsenki-zaklyucheniya-sudebnogo-eksperta> (дата обращения: 21.01.2025).

The tactics of using the results of expert examinations during the preliminary verification of information and the initiation of criminal proceedings on crimes attributed to the competence of customs authorities

Tarasova A.V.

Russian Customs Academy

The article examines the difference between preliminary verification of information and preliminary investigation, emphasizes the importance of using the results of examinations in the process of preliminary verification of information and initiation of criminal cases within the competence of customs authorities. Objective of the study: To determine the key provisions of using the results of examinations during the preliminary verification of information and initiation of a criminal case on crimes within the competence of customs authorities, to identify deficiencies and propose options for their elimination. Methods: To achieve the goal, generally accepted theoretical methods were used. Findings: The author defined the main provisions of using the results of examinations during the preliminary verification of information and initiation of a criminal case on crimes within the competence of customs authorities, provided a clear distinction in the terminology of preliminary verification and preliminary investigation, identified deficiencies and proposed options for their elimination. Conclusions: The correct use of the results of forensic examinations appointed during the preliminary verification of information and the initiation of a criminal case on crimes within the competence of customs authorities is of great importance for making a decision on the initiation of a criminal case and the beginning of an investigation.

Keywords: examinations, customs authorities, crimes within the competence of customs authorities, results of examinations, preliminary verification, preliminary investigation.

References

1. Arestova E. N. Fundamentals of qualification and investigation of crimes in the field of customs affairs: a textbook and practical training for universities / E. N. Arestova, N. I. Kryukova, A. G. Nikolskaya. - 3rd ed. - Moscow: Publishing house Yurait, 2025. - 258 p. - (Higher education). - ISBN 978-5-534-15464-1. - Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. - URL: <https://urait.ru/bcode/561542>

2. Tulenev A. I. On the issue of forensic examinations in customs affairs // Modern scientific research and innovation. 2014. No. 1 [Electronic resource]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/01/30984> (date of access: 01/18/2025).

3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation (as amended on May 29, 2024) (version effective from July 1, 2024): No. 174-FZ // SZ RF No. 52 (Part I), December 24, 2001, Art. 4921.

4. On approval of the Instruction on the procedure for accepting, registering and verifying reports of crimes in the customs authorities of the Russian Federation (as amended on March 18, 2019): Order of the Federal Customs Service of Russia No. 23 // Rossiyskaya Gazeta, No. 69, 04.04.2007

5. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on April 29, 2020) (version effective from March 23, 2021): International Code // Official website of the Eurasian Economic Union www.eaeunion.org, 12.04.2017

6. Mishin A.V. Forensic examination in pre-trial proceedings in a criminal case: a tutorial // Kazan (Volga Region) Federal University, 2017. - 96 p.

7. Sentence of the Khimki City Court of the Moscow Region dated November 7, 2017 in case No. 1-607/2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. - URL: <https://sudact.ru/> (date of access: 20.01.2025). 8. Vershitskaya G.V. Criteria for assessing the opinion of a forensic expert // Bulletin of PAGS. 2021. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-otsenki-zaklyucheniya-sudebnogo-eksperta> (date of access: 21.01.2025).

Англосаксонский взгляд на криминалистические и научно-технические средства

Шурдумов Альбек Арсенович

аспирант, кафедра криминалистики и правовой информатики, Кубанский государственный университет, albek.shurdumov@mail.ru

Целью данной работы является установление целостного понимания и восприятия сущностной составляющей криминалистических и научно-технических средств в деятельности правоохранительных органов по обнаружению, изъятию и закреплению доказательств в сравнении с англосаксонским подходом на данную сферу.

Задачи включают в себя: анализ зарубежной литературы, касающейся вопросов понимания научно-технических и криминалистических средств, в частности в Великобритании и США; выведение «целеполагающую» сторону криминалистической техники в деятельности правоохранительных органов; соотнесение выявленного с российским подходом к средствам по обнаружению, изъятию и закреплению доказательств. Используются как общенаучные, так и частнонаучные методы, включающие в себя анализ, синтез, формально-юридический и системно-структурный методы.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая техника, научно-технические средства, криминалистические средства, зарубежная криминалистика, криминалистика Великобритании, криминалистическая техника Великобритании, криминалистика США, криминалистическая техника США, англосаксонская криминалистика.

Криминалистическая техника, как раздел науки криминалистика, призвана служить для целей и задач правоохранительных органов в борьбе с преступностью, в части обнаружения, изъятия и закрепления доказательств. Названная деятельность не представляется возможным без использования определённых технических средств и методов. Поэтому использование правоохранительными органами современных научно-технических средств исключительно необходимо, учитывая тенденции компьютеризации преступлений.

Зарубежный взгляд на понимание научно-технические и криминалистические средства имеет свои особенности в сравнении с отечественным, что может иметь потенциал для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов. Тем самым, есть целесообразность рассмотреть некоторые взгляды на данную сферу, в частности со стороны немецких ученых.

Использование методологии при написании работы, в первую очередь, опирается на использование зарубежной литературы для формирования понимания определения криминалистических и научно-технических средств. Предполагается в данной работе опора на имеющиеся отечественные исследования криминалистики в Англии и США. Однако предполагается анализ не только «наших» трудов, но и работ различных немецких ученых, выпущенных в научных журналах. Такой подход к работе говорит о комплексности использования формально-юридического, системно-структурного и сравнительного методов для большего и целостного понимания криминалистических и научно-технических средств.

Изучая криминалистические и научно-технические средства, в первую очередь хочется ее «понимать». Сравнение различных определений и вправду раскрывает сущность. Однако сравнительный анализ внутри системы «криминалистики нашего государства» не даст наибольшего понимания вещей без обозначения фона «криминалистики других государств». Поэтому в рамках данной работы исследуется вопрос взгляда на криминалистические и

научно-технические средства в Великобритании и США, а также использование последних в обнаружения, изъятии и закреплении доказательств.

Исследование данного вопроса следует начать с работ отечественных ученых и исследователей. Обращаясь к работе Величкина С.А. «Научные основы криминалистики», можем подчеркнуть для себя, что криминалистика имеет сложную ступень становления как самостоятельной науки среди уголовно-правовых концепций. По сей день в Великобритании, США и других европейских странах есть «пестреть» в понимании предмета данной науки [1, с. 66]. Вызвано это тем, что криминалистика черпала свою историю из естественных наук, а ее использование сводилось к уголовно-правой сфере.

Анализ учебной литературы по криминалистике говорит о том, что криминалистика и ее разделы формировались в разных странах одновременно. Однако единой целью данной науки у всех была помощь в расследовании и раскрытии преступлений, в части собирании доказательной базы. При этом на любом этапе развития предполагалось применение различных методов и средства для достижения задач цели науки. Гусаков А.Н. в своей биографии отмечает, что криминалистика является полицейской наукой, которая призвана использовать достижения научно-технической мысли для расследования преступлений [3, с. 7].

Вышеуказанную позицию разделяют Тебекин А.В. и Глазунова И.В., говоря, что «зарождение криминалистики как науки совпало со временем свершения именно Четвертой научной революции в истории человечества», что поспособствовало схожести науки по своему содержанию в разных странах [6, с. 80].

В англосаксонском языковом поле «криминалистику», как науку о расследовании и раскрытии преступлений, понимают как «forensic science», что в переводе «судебная наука». Именно «судебная наука» является той сферы, которая занимается обеспечением расследования преступлений методиками и средствами в собирании доказательств.

Могут возникнуть возражения, обозначая, что криминалистика – отдельная наука, именуемая «criminalistics», а не «forensic science». Однако Encyclopedia Britannica и статья «forensic science» обозначает криминалистику как раздел судебной науки, связанная с применением научных методов по идентификации и

сравнению вещественных доказательств, которые были получены в ходе расследования преступлений⁶.

Кроме того, Американский национальный институт стандартов также говорит о том, что криминалистика подразумевает использование научных методов или экспертизы для изучения доказательств, которые могут быть представлены в суде⁷.

Тем самым, понимается, что криминалистика является лишь разделом «forensic science», включающий в себя также элементы технических, медицинских химических и других естественных наук. Такой позиции поддерживаются авторы «Tracology, criminalistics, and forensic science» [10, с. 28]. Превалирование «forensic science» над криминалистикой, подчёркивая свой статус «науки», вполне обосновано из-за большего охвата направлений и возможностей для формирования средств и методов.

Еще одним умозаключением, в силу вышеупомянутых источников, можно сделать «криминалистическая техника» является разделом «forensic science», а не подразделом «criminalistics», выставляя криминалистику и криминалистическую технику «на одну полку», как разделы «forensic science». Данная позиция весьма обоснована в силу того, что сама наука в первую очередь является результатом естественных наук, а не юриспруденции. Лишь тогда наука «forensic science» приобретает больше возможностей в помощь деятельности правоохранительных органов.

Структура содержания англосаксонской и российской криминалистической техники имеют «немало общих отраслей: трасология, криминалистическое исследование почерка (в том числе подписей), технико-криминалистическое исследование документов, судебная фотография и видеозапись, криминалистическое исследование признаков внешности, оружие ведение и взрывотехника, криминалистическая регистрация, криминалистическое исследование микрочастиц» [2, с. 42].

Обращаясь к источникам о криминалистической технике, стоит сказать, что средствами данного раздела является «технологии», используемые для расследования и идентификации фактов, связанных с преступлением, иногда с использованием химических веществ [7, с. 36].

⁶ Forensic science [сайт]. Encyclopædia Britannica. 2024. Доступно: <https://www.britannica.com/science/forensic-science>

⁷ Forensic Science [сайт]. National Institute of Standards and Technology; 2025. Доступно: <https://www.nist.gov/forensic-science>

Однако помимо перечисленных в англосаксонской криминалистике есть целый ряд методов и средств, которые выдвинуты за рамки российской криминалистической техники. Например, исследования биологических следов человека, в том числе ДНК-исследования, пожарно-технические исследования, экспертные исследования следов алкоголя в крови человека, судебная токсикология, судебное почвоведение и др.

Внедрение ДНК-технологий в деятельность полиции, как утверждают в своей работе Свистильников А.Б. и Прокопенко И.Е., «позволило раскрыть множество преступлений, в том числе и прошлых лет, из которых подавляющее большинство – преступления, совершенные против жизни и здоровья». Помимо этого, снизилась нагрузка с детективов, изменился их стиль работы [4, с. 123].

Свистильнов А.Б. в другой работе в соавторстве с Черняковым С.А. отмечал также еще одно средство, с помощью которого «микрообъекты и следы обуви на мягких и криволинейных поверхностях выявляются и фиксируются электростатическим способом» - «PathFinder» [5, с. 34].

Кроме того, одним из технологий, которое получило широкое использование правоохранительными органами в расследовании с преступностью, является Geographic Information Systems (GIS), в переводе «Географические Информационные Системы». ГИС — это визуальное представление различных источников данных, которые могут быть расположены географически, таких как события преступлений, землепользование, стоимость имущества, расово-этнический состав и т. д., помогающих планировщикам контролировать и показывать географические знания новыми и существующими способами. Несомненно, такая система имеет возможность быть в категории «криминалистических средств».

Анализ некоторых учебников и справочник литературы Великобритании и США позволяет сделать вывод, что криминалистическими средствами в решении задач по борьбе с преступностью, в части собирания доказательной базы, могут и быть другие вспомогательные средства, которые не были выделены в отдельные упоминания. Критериями использования таковых являются надежность как результатов, так и применяемых методик и средств, прозрачность, непрерывность [9]. Данные аспекты отражают сущность самой науки. Именно научная обоснованность применяемого средства решает вопрос вхождения в объект интересов «forensic science» и ее разделов. Результаты

должны быть ясны всем участникам уголовного процесса и отвечать фактам преступлений, либо опровергать их же. Кроме того, немало важным аспектом, помимо перечисленных критериев, является также и законность применения.

Англосаксонский взгляд на использование криминалистических методов и научно-технических средств выражается также в том, что такое использование участвует не только в расследовании совершенных преступлений, но и помогает в предупреждении будущих, выявив преступные схемы, связи и тенденции [8].

Из сказанного поясняется момент отсутствия четкого разграничения на «криминалистические» или «научно-технические» средств, которыми пользуются в рамках данной науки. Поэтому наука «forensic science» имеет отличия от «криминалистики» не только по своему содержанию, но и концепцией, подходом к постановке задач науки для обеспечения деятельности полиции.

«Forensic science» в нынешнее время в Англии и США начинает получать распространение в информационно-телекоммуникационную сферу, появляются понятия «цифровая криминалистика» и «киберкриминалистика». Направление такой сферы включает в себя собирание доказательств по уголовным делам в информационной сфере с помощью специальных программных обеспечений. Правоохранительные органы, компании и правительства нанимают экспертов по киберкриминалистике с различными навыками в области сетевой, баз данных, мобильной и облачной криминалистики [11].

Англосаксонский взгляд со своей концепцией «forensic science» на криминалистические и научно-технические средства намного шире, нежели российская «криминалистика». Англия и США предпочитают позицию не загонять рамки «криминалистику», чтоб не урезать возможности и средства, отделив от естественных наук. Наоборот, криминалистика в данных странах является «открытой», а использование любых средств будет оправданным с точки зрения соотношения к криминалистике, если выполняет цели правоохранительных органов по собиранию доказательств.

Таким образом, англосаксонский взгляд на криминалистические и научно-технические средства «безразделен» в отношении средств и методов на криминалистические и некриминалистические. Многопрофильность важна для разрешения уголовных дел, поскольку она позволяет проводить тщательный сбор доказательств, комплексный подход и анализ, а также

эффективное разрешение сложных дел. Сотрудничество экспертов из разных дисциплин судебной экспертизы позволяет рассмотреть все соответствующие аспекты дела, что может помочь прояснить основные аспекты фактов и обеспечить всестороннюю идентификацию и сбор доказательств.

Такой вывод обосновывается тем, что «forensic science» не отделен от медицинских, технических или иных естественных наук. Англия и США придерживаются позиции, что указанная наука должна использовать любые достижения научно-технического прогресса. Поэтому не англосаксонская концепция не выделяет «криминалистические» средства, а лишь обобщает в категорию «научно-технические» или «технические» средства и используются, если отвечают возможностям для реализации задач по расследованию и раскрытию преступлений.

Литература

1. Величкин С.А. Научные основы криминалистики. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2013; (3): 65-99.

2. Волчецкая Т.С., Головин А.Ю., Осипова Е.В. Особенности развития российской и американской криминалистики: криминалистическая техника, тактика и методика. *Вестник Томского государственного университета. Право.* 2018; (9): 40-52. DOI 10.17223/22253513/29/4.

3. Гусаков А.Н. Криминалистика США: теория и практика ее применения. Монография. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 1993.

4. Свистильников А.Б., Прокопенко И.Е. Организация криминалистического и информационного обеспечения борьбы с преступностью в Англии. *Проблемы правоохранительной деятельности.* 2007; (1): 121-127.

5. Свистильников А.Б., Черняков С.А. Опыт технико-криминалистического обеспечения полиции Великобритании в борьбе с преступностью. *Труды Академии МВД Республики Таджикистан.* 2022; 2 (54): 32-38.

6. Тебекин А. В., Глазунова И. В. Влияние технологических укладов на развитие криминалистики в XVIII-XX веках. *Вестник Российской таможенной академии.* 2016; (2): 79-83.

7. Adenyi Theophilus, Onyekaneze Onah. Forensic Technology, Deoxyribonucleic Acid (DNA) profiling in Security Management and fight against insecurity/terrorism in Nigeria. *International Journal of Humanities and Social Science.* 2019; 24 (8): 36-45. DOI 10.9790/0837-2408063645.

8. Chango Xavier, Flor Omar, Gil-Jiménez Pedro, Gómez-Moreno Hilario. Technology in Forensic Sciences: Innovation and Precision. *Technologies.* 2024; 12 (8): 120. DOI 10.3390/technologies12080120.

9. Roger John Laugharne Thomas. The legal framework for more robust forensic science evidence. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences.* 2015; 370 (1674): 2014258. DOI 10.1098/rstb.2014.0258.

10. Ristenbatt Ralph, Hietpas Jack, Forest Peter, Margot Pierre. Traceology, criminalistics, and forensic science. *Journal of Forensic Sciences.* 2021; 67 (1): 28-32. DOI 10.1111/1556-4029.14860.

11. Selim Aybeyan, Ali Ilker. The Role of Digital Forensic Analysis in Modern Investigations. *Journal of Emerging Computer Technologies.* 2024; 4 (1): 1-5. DOI 10.57020/ject.1445625.

Foreign view on forensic and scientific-technical means

Shurdumov A.A.

Kuban State University

The purpose of this work is to establish a holistic understanding and perception of the essential component of forensic and scientific and technical means in the activities of law enforcement agencies to detect, seize and secure evidence in comparison with the Anglo-Saxon approach to this area.

The tasks will include: analysis of foreign literature on issues of understanding scientific-technical and forensic means, in particular in United Kingdom and in USA; derivation of the "goal-setting" side of forensic technology in the activities of law enforcement agencies; correlation of what was found out with the Russian approach to the means of detecting, seizing and securing evidence. Both general scientific and specific scientific methods are used, including analysis, synthesis, formal-legal and system-structural methods.

Keywords: criminalistics, forensic technology, scientific and technical means, forensic means, foreign forensic science, criminalistics in United Kingdom, forensic technology in the United Kingdom, US forensic science, US forensic technology, Anglo-Saxon forensic science.

References

1. Velichkin S.A. [Scientific foundations of criminalistics]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law.* 2013. № 3. – P. 65-99. (In Russ)].

2. Volchetskaya T.St., Golovin A.Y., Osipova E.V. [Features of Russian and American criminalistics development: technics, tactics and investigation technique]. Tomsk State University

Journal of Law. 2018. № 9. – P. 40-52. DOI 10.17223/22253513/29/4. (In Russ)].

3. Gusakov A.N. [*US Forensics: theory and practice of its application. Monograph*]. Ekaterinburg: Publishing house Ural University; 1993. (In Russ)].

4. Svistilnikov A.B., Prokopenko I.E. [*Organization of forensic and information support for the fight against crime in England*]. Problems of law-enforcement activity. 2007. № 1. – P. 121-127. (In Russ)].

5. Svistilnikov A.B., Chernyakov S.A. [*Experience of technical and forensic support for the Great Britain police in fighting crime*]. Proceedings of the academy of the MIA of republic of Tajikistan. 2022. – № 2 (54). – P. 32-38. (In Russ)].

6. Tebekin A.V., Glazunova I.V. [*Influence of technological ways on the development of criminalistics in the centuries*]. Vestnic of Russian Customs Academy. 2016. № 2. – P. 79-83. (In Russ)].

7. Adenyi Theophilus, Onyekaneze Onah. [*Forensic Technology, Deoxyribonucleic Acid (DNA) profiling in Security Management and fight against insecurity/terrorism in Nigeria*]. International Journal of Humanities and Social Science. 2019. № 24 (8). – P. 36-45. DOI 10.9790/0837-2408063645.

8. Chango Xavier, Flor Omar, Gil-Jiménez Pedro, Gómez-Moreno Hilario. [*Technology in Forensic Sciences: Innovation and Precision*]. Technologies. 2024; 12 (8): 120. DOI 10.3390/technologies12080120.

9. Roger John Laugharne Thomas. [*The legal framework for more robust forensic science evidence. Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*]. 2015; 370 (1674): 2014258. DOI 10.1098/rstb.2014.0258.

10. Ristenbatt Ralph, Hietpas Jack, Forest Peter, Margot Pierre. [*Traceology, criminalistics, and forensic science*]. Journal of Forensic Sciences. 2021; 67 (1): 28-32. DOI 10.1111/1556-4029.14860.

11. Selim Aybeyan, Ali Ilker. [*The Role of Digital Forensic Analysis in Modern Investigations. Journal of Emerging Computer Technologies*]. 2024; 4 (1): 1-5. DOI 10.57020/ject.1445625.

Уклонение от призыва по частичной мобилизации

Иванцов Сергей Вячеславович

доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии НИИ ФСИН России, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России им. Кикотя, isv1970@mail.ru

Пчелкин Алексей Юрьевич

аспирант кафедры уголовного права, Международного юридического института, alexey_russia.ru@mail.ru

Специальная военная операция на территории Украины, а также последовавшая в рамках ее проведения частичная мобилизация, вызвали весьма бурную реакцию в российском обществе, последствия которой также выразились в стремлении ряда граждан уклониться от призыва.

Это обстоятельство вызвало оперативные действия со стороны государственных структур в виде целого комплекса мероприятий, направленных как на выявление уклонистов и применения к ним установленных законодательством мер юридической ответственности, так и на ограничение возможности реализации ими отдельных прав, которые могли быть использованы для продолжения дальнейшего уклонения от призыва. В свою очередь, такая реакция обусловлена необходимостью обеспечения обороноспособности государства в целом, а также тех частей и соединений Вооруженных Сил Российской Федерации, которыми осуществляется решение задач, связанных с проведением специальной военной операции.

В рассматриваемых условиях факты уклонения от призыва по частичной мобилизации могут иметь далеко идущие последствия, которые могут отразиться на комплектности состава армейских подразделений, их боевой способности, что, в конечном итоге, может поставить под вопрос успех всей специальной военной операции. В связи с этим, государство принимает комплекс мероприятий, которыми пресекаются возможности по уклонению от призыва по частичной мобилизации. При этом, оценка всех «действующих лиц» в рамках рассматриваемых событий подвергается изучению со стороны научного сообщества, оценивающего не только текущие события, но и потенциально возможные последствия такой политики.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Российской Федерации; мобилизация; специальная военная операция; уклонение от призыва.

Актуальность. Во все времена одной из важнейших задач государства как общественно-политического и социально-экономического института особого типа являлась его защита во всех смыслах этого слова, в том числе и от внешней агрессии со стороны других государств, которая могла повлечь за собой целый комплекс негативных последствий, начиная от территориальных и экономических потерь, заканчивая полной утратой собственной независимости и государственности. Эта задача, в свою очередь, нашла свое отражение сперва в общественном сознании, а в дальнейшем и в правовой системе, которой закреплялась обязанность определенных групп населения, в случае возникновения факта внешней агрессии, исполнить свой долг по защите Отечества [4].

В первую очередь, эта обязанность всецело распространяется на всю систему вооруженных сил государства, то есть на всех действующих военнослужащих армии и военно-морского флота, от рядового до высшего командного состава. Однако, при необходимости, состав и численность вооруженных сил могут быть значительно увеличены за счет принудительного призыва лиц, ранее проходивших военную службу, либо лиц, обладающих специальными познаниями и квалификацией, которые могут быть использованы в области защиты Отечества от внешних угроз. Рассматриваемый комплекс мероприятий в действующем законодательстве обозначен термином «мобилизация» [1].

События 2022 года, связанные с проведением при участии Вооруженных Сил Российской Федерации специальной военной операции на территории Украины, подняли интерес к процедуре мобилизации, в том числе и к вопросу, связанному с уклонением от рассматриваемого мероприятия среди военнообязанных лиц. В связи с этим, возникает необходимость более детального исследования уклонения от призыва по частичной мобилизации, а также связанных с данным явлением аспектов, в частности, юридической ответственности, ее целесообразности, общественной оценки и т.п.

Целью исследования является изучение явления уклонения от частичной мобилизации,

оценки рассматриваемого явления с точки зрения законодательства и системы юридической ответственности.

Обзор литературы. Практически сразу же с момента объявления частичной мобилизации в сентября 2022 года научное сообщество отреагировало на это событие многочисленными научными публикациями, в которых рассматривалась не только целесообразность такого решения, но также и иные связанные с ней вопросы, включая правовое регулирование, юридическую ответственность за уклонение от мобилизации, а также историко-правовые аспекты ее формирования. Рассмотрим некоторые из таких публикаций.

П. В. Агапов, Р. В. Закомолдин и В. В. Меркурьев в своей работе «Об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации» рассматривали частичную мобилизацию как одну из форм воинской повинности, определяемой действующим законодательством о воинской обязанности и военной службе в Российской Федерации. Проведение рассматриваемого мероприятия обосновано в случае необходимости обеспечения обороноспособности и безопасности российского государства в соответствии с доктринами и законодательством. Именно с этой целью системой органов, входящих в компетенцию Минобороны России, осуществляется учет военнообязанных лиц, в том числе тех, кто обладает необходимыми профессиональными навыками, которые могут быть реализованы в условиях ведения боевых действий. Препятствие проведению мобилизации, в том числе, путем уклонения от участия в призыве по мобилизации, является посягательством на обеспечение обороноспособности и безопасности государства, что и влечет за собой уголовную ответственность [13].

В научной работе М. А. Мялицыной «Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации: ответственность есть, а нормы нет» поднимается вопрос о недостаточной детализации положений ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) в части ее способности квалифицировать деяния, связанные с уклонением военнообязанных граждан от призыва по частичной мобилизации. С учетом изложенного, исследователь делает вывод о необходимости либо уточнения рассматриваемой уголовно-правовой нормы, либо о включении в ст. 328 УК РФ дополнительной части или пункта, которыми будет установлена уголовная ответственность именно за уклонение от призыва на воен-

ную службу в период мобилизации [15]. Аналогичная проблема поднимается в исследовании С. А. Орловского «Уголовно-правовая ответственность за уклонение от мобилизации» [16].

В научной работе А. И. Апаринной «Совершенствование российского законодательства о частичной мобилизации как неотъемлемая преграда «законному» недобросовестному уклонению от призыва на службу» затрагиваются нововведения в уголовное законодательство, обусловленные проведением специальной военной операции, а также частичной мобилизации. Такие изменения затрагивают как ужесточение наказаний за совершение отдельных преступлений против военной службы (в частности, дезертирство), так и введения новых составов преступления (в частности, добровольная сдача в плен, мародерство), что направлено на повышение боеспособности частей и соединений Вооруженных Сил Российской Федерации при выполнении боевых задач на территории республики Украина [5]. Те же вопросы, но с расширением области анализа правового регулирования общественных отношений, связанных с необходимостью обеспечения эффективного проведения специальной военной операции, рассматривались в исследованиях: Б. М. Магомедова, Г. Б. Магомедова и М. А. Мусалова «О правовом регулировании проблем, связанных с частичной мобилизацией в России» [11] и Т. Н. Уторовой и С. П. Шалегина «Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России» (с уклоном на уголовно-правовую составляющую обеспечения мобилизации и военной службы) [20].

В научном исследовании С. Ю. Миролюбовой «Проблемы реализации свободы передвижения в период мобилизации (частичной мобилизации) на территории Российской Федерации» затрагиваются возникшие в процессе организации и проведения частичной мобилизации процедуры, связанные с созданием административных препятствий, необходимых для ограничения свободы передвижения военнообязанных лиц, призываемых на военную службу, но осуществляющих уклонение от призыва по частичной мобилизации. Исследователь отмечает, что предпринимаемые меры имеют неравномерный характер, что, с одной стороны, приводит к недостаточному воздействию на уклонистов, а с другой стороны – созданию препятствий для свободного передвижения, в том числе выезда за границу для тех лиц, которые по законным основаниям освобождены от призыва по частичной мобилизации [14].

В научном исследовании Л. А. Красиковой «Проблемы ответственности за уклонение от мобилизации» в ходе исследования отдельных аспектов юридической ответственности за уклонение от мобилизации затрагивается сфера морально-нравственного состояния призывников и военнослужащих. Делается вывод о том, что случаи уклонения являются следствием недостаточного развития ценностных ориентиров, в первую очередь, у молодежи, позволяющего прояснить цели и необходимость призыва на военную службу и подготовить идеологически грамотных бойцов, готовых к выполнению поставленных перед ними боевых задач [10].

Делая совокупный вывод о результатах обзора научных исследований, посвященных теме уклонения от призыва по частичной мобилизации, отметим, что наука не только подвергает анализу данное явление, но также и предлагает отдельные способы по решению ряда проблем, входящих в данную тему. В свою очередь, это создает основу для дальнейшего изучения темы уклонения от призыва по частичной мобилизации, а также поиска новых способов снижения проявлений данного явления.

Методология исследования. Представленное исследование выполнено на основе результатов научных исследований, а также данных из открытых источников, в рамках которых затрагиваются вопросы, связанные с проведением специальной военной операции и частичной мобилизацией населения, необходимой для решения отдельных задач в ходе проведения специальной военной операции на территории республики Украина.

Результаты исследования. Теоретическая и практическая значимость. Прежде чем перейти к оценке результатов проведенного исследования, считаем необходимым обратиться к историко-правовому аспекту исследования рассматриваемого вопроса в системе обеспечения призыва граждан на военную службу. Это позволит в полной мере рассмотреть становление данного явления, а также выявить меры реагирования со стороны государства на случаи уклонения граждан от призыва на военную службу, в том числе в рамках мобилизации.

Принудительный характер мобилизации на военную службу исторически определил тенденции к принятию мер, направленных на пресечение уклонения от ее прохождения. В отдельные периоды развития российского государства предпринимались разные способы противодействия такому явлению. Например, в

«петровскую» эпоху, когда осуществлялись процессы формирования армии на основе рекрутской повинности, система ответственности за уклонение от призыва предполагала наличие крайне широкой «вилки» наказаний, начиная от прилюдной порки шпицрутенами, заканчивая смертной казнью через повешенье [19]. Эта система сохранялась вплоть до середины XIX века, но после введения в действие Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, наметилась определенная тенденция в ответственности за уклонение от военных мобилизационных мероприятий, которая, однако, с началом Первой Мировой войны в 1914 году и необходимости не только обеспечения порядка в действующей армии, но и обеспечения постоянного пополнения личного состава путем мобилизации, ужесточилась [17].

С началом гражданской войны система ответственности за уклонение от мобилизации, объявленной Постановлением ВЦИК РСФСР от 06.05.1918 «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию», была расширена за счет целого ряда нормативных актов подзаконного характера, определяющих меры ответственности начиная от денежных штрафов из довольствия как военнослужащих РККА вплоть до смертной казни путем расстрела [2]. В дальнейшем, с учетом объективно недостаточного воздействия на случаи уклонения от мобилизации и дезертирства из частей и соединений РККА, правительство Советской России пошло по пути сочетания поощрительных (освобождения уклонистов и дезертиров от уголовной ответственности при их своевременной явке к месту службы или по месту нахождения военных комиссариатов) и карательных мер (суровые наказания за отказ от добровольной явки вплоть до смертной казни с конфискацией принадлежащему уклонисту имущества) [7].

В дальнейшем, система ответственности за уклонение от мобилизационных мероприятий выстраивалась по схожему принципу: с одной стороны, наличие достаточно суровых наказаний за уклонение от участия в мобилизационных мероприятиях, а с другой стороны – возможностью освобождения от нее путем добровольной явки уклонистов и дезертиров. Единственным нововведением в этой сфере стало объединение правовых норм, определяющих ответственность за уклонение от участия в мобилизационных мероприятиях в рамках единого источника уголовного права – уголовного кодекса. Этот же принцип был заложен и при конструировании уголовно-правовых норм в

рамках постсоветского уголовного законодательства об установлении ответственности за уклонение от участия в мобилизационных мероприятиях [18].

Определяя новую систему правового регулирования мобилизации в период военного времени, российский законодатель не подверг ее коренным (сущностным) изменениям, что свидетельствует о преемственности советского и российского военного и военно-уголовного законодательства. В частности, это просматривается исходя из особенностей формирования составов преступлений. Напрямую уголовная ответственность за уклонение от мобилизации (как полной, так и частичной), в Уголовном кодексе РФ (также далее – УК РФ) не закрепляется. Все случаи ответственности, связанные с уклонением от исполнения гражданином обязанности по прохождению военной службы, квалифицируются по ч. 1 ст. 328 УК РФ. Кроме того, среди преступлений против военной службы закреплены деяния, также предполагающие уклонение от прохождения военной службы:

- Статья 337 УК РФ «Самовольное оставление части или места службы»;
- Статья 338 УК РФ «Дезертирство»;
- Статья 339 УК РФ «Уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами».

Однако, эти деяния могут быть совершены только действительными военными служащими, то есть лицами, уже зачисленными в состав Вооруженных Сил РФ вне зависимости от занимаемой должности и имеющегося звания, в том числе во время объявления мобилизации [22].

Повышенное внимание к мобилизации и к вопросам, связанным с уклонением от нее, возникло после издания Указа Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», целевая направленность которого заключалась в призыве на военную службу граждан, пребывающих в мобилизационном резерве, с целью пополнения действующих и формирования новых подразделений Вооруженных Сил РФ для участия в специальной военной операции на территории Украины. Это событие сразу же оказало значительное влияние на настроения в российском обществе и привело к последствиям в виде многочисленных попыток со стороны военнообязанных граждан принять меры, направленные на уклонение от участия в мобилизационных мероприятиях. Как следствие, перед правоприменителем был поднят вопрос об особенностях ответственности таких лиц по действующему законодательству.

Характеристика состава преступления ст. 328 УК РФ достаточно подробно представлена в рамках научных исследований и не имеет сложностей в понимании. Так, объектом рассматриваемого деяния является нормальное функционирование системы призыва граждан на военную службу. В свою очередь, объективная сторона рассматриваемого преступления предполагает совершение посягательства на нормальное функционирование указанной системы со стороны лица, в силу законодательства о военной службе и о мобилизации обязанного явиться в органы военного учета для прохождения военной службы, в том числе в рамках частичной мобилизации. Такое посягательство предполагает уклонение от исполнения возложенной обязанности путем:

- неявки без уважительных причин на медицинское освидетельствование, профессиональный психологический отбор и заседание призывной комиссии;
- неявки в указанные в повестке военного комиссариата время и место для отправки к месту прохождения военной службы;
- самовольное оставление призывником сборного пункта до начала военной службы;
- получение призывником обманным путем освобождения от военной службы в результате симуляции болезни, причинения себе какого-либо повреждения (членовредительство), подлога документов или иного обмана [3].

Субъективная сторона рассматриваемого деяния предполагает возможность несения ответственности только тем лицом, которое в силу возраста и состояния здоровья, в том числе психического (наличия вменяемости) способно к несению военной службы. При этом, ввиду характера совершаемых действий, направленных на уклонение от призыва по частичной мобилизации, такое деяние может быть совершено только при наличии прямого умысла, предполагающего явную цель всеми возможными путями избежать попадания на военную службу по частичной мобилизации [6].

Вновь возвращаясь к анализу контекста применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы, следует определить существующую проблематику, которую можно распределить на два блока: проблема привлечения уклонистов от частичной мобилизации к ответственности и анализ целесообразности такой ответственности.

Затрагивая проблематику ответственности за уклонение от частичной мобилизации, считаем необходимым обратить внимание на то, что в целом, сложности с привлечением к ответственности лиц за уклонение от военной

службы, без привязки к частичной мобилизации 2022 года, имели место быть всегда. Безусловно, что необходимость оперативного доукомплектования действующих частей в зоне специальной военной операции оказала влияние на статистику привлечения уклонистов к ответственности. Более того, согласно данным из открытых источников, 2022 год стал периодом, когда число лиц, привлеченных к ответственности по ст. 328 УК РФ, стало больше чем за 10 предыдущих лет. Однако, при анализе конкретных показателей, ситуация не представляется серьезной: с 1 мая по 30 сентября 2022 года российскими судами было вынесено 413 приговоров, в 2021 году – 385 приговоров. В предыдущие периоды, начиная с 2013 по 2020 годы, число вынесенных по ст. 328 УК РФ приговоров в среднем колебалась в пределах от 250 до 350 [23].

При этом, при попытке оценить число лиц, успешно уклонившихся от частичной мобилизации, экспертное и научное сообщество не в состоянии прийти даже к приблизительным показателям. Однако, представленных выше показателей достаточно для того, чтобы сделать вывод: эффективность системы по выявлению и пресечению уклонистов, в том числе при осуществлении мероприятий по частичной мобилизации, низкая. Отчасти, это обусловлено особенностями сформировавшейся системы поиска и выявления уклонистов: в условиях отсутствия привязки граждан к месту жительства, которое было ликвидировано после отмены института «прописки» в 1993 году, а также открытых границ и относительной доступности выезда за рубеж, в первую очередь, в некоторые страны СНГ, возможность для уклонения расширяется, в то время как ресурсы территориальных органов военного управления, несмотря на значимость частичной мобилизации, по-прежнему имеют ограниченный характер.

Вполне ожидаемо, что некоторое улучшение ситуации в данной области произойдет после полноценного введения в действие системы электронного воинского учета, когда повестки будут направляться призывнику через сервис «Госуслуги» при взаимодействии с Реестром воинского учета. Такая схема предполагает, что при направлении электронной повестки она будет считаться врученной по истечении семи дней с момента размещения на «Госуслугах» или в Реестре воинского учета. Если гражданин не явился в территориальный орган воинского учета, к нему применяются ограничительные меры, которые серьезно повлияют на качество его жизни, например, будет ограничено право

управления транспортными средствами, право выезда за границу и т.п. [8]

Однако, в полной мере эта система начнет работать только спустя несколько лет, а в настоящее время она находится в стадии эксперимента. Кроме того, под данные сервисы пока что не сформирована нормативная база, в частности, не установлена обязанность регистрации на «Госуслугах» или обязанность по мониторингу призывниками Реестра воинского учета на предмет наличия в них повесток о явке в территориальные органы воинского учета. Соответственно, несмотря на то что число правовых рычагов воздействия на уклонистов стало больше, их полноценное внедрение займет определенный временной промежуток, что позволит уклонистам избегать призыва еще как минимум несколько лет, в том числе, за счет смены места жительства в тех регионах, где рассматриваемая система не действует.

В условиях затруднительности привлечения к ответственности призывников, уклоняющихся от призыва по частичной мобилизации, также поднимается вопрос о целесообразности выявления таких уклонистов. Единого подхода к оценке таких мероприятий нет: в научной среде, равно как и в общественном сознании, мероприятия по розыску и привлечению уклонистов от частичной мобилизации к юридической ответственности, сложилось два противоположных мнения.

Сторонники необходимости несения ответственности за уклонение от призыва на военную службу исходят из понимания общественной опасности неисполнения обязанности призыва на военную службу. В частности, Ю.И. Хаиров отмечал следующее: «...массовое уклонение от призыва на военную службу может существенно нарушить установленный порядок комплектования Вооруженных Сил личным составом» [21]. Его подход развивал М. В. Карпенко, обосновывая вредоносный характер уклонения от призыва на военную службу, отмечая следующее: «...в результате уклонения образуется штатная необеспеченность войсковых подразделений, снижается боеготовность и дисциплина частей, оголяется Государственная граница, создается (и реализуется) опасность хищений техники, оружия и боеприпасов» [9]. Дополнительно к этому, В. А. Маркелов отмечал, что «...повышенная общественная опасность, заключающаяся в достаточной распространенности, постоянном росте таких общественно-опасных деяний при высоком уровне латентности...» [12].

Представленные позиции вполне справедливы. Действительно, единичные случаи уклонения от призыва по частичной мобилизации не окажут существенного влияния на комплектование частей. Но когда такие действия приобретают массовый характер, возникает недокомплект личного состава. В перспективе, это оказывает отрицательное влияние на боеспособность соединений, но также и на их моральное состояние. В конечном итоге, такие проблемы могут охватить не только отдельные подразделения, но и все задействованные в решении боевых задач части и соединения, что ставит под сомнение успех выполнения таких задач и достижения итоговых целей.

Противники криминализации рассматриваемых действий подвергают критике сложившиеся подходы, указывая на то, что оценка вредности уклонения от призыва по частичной мобилизации и в целом от прохождения службы в действительности не является однозначной. В частности, нет единой статистики общего количества уклонистов наряду с реальными доказательствами того, что уклонение именно этого количества лиц от частичной мобилизации привело к недоукомплектованию частей и соединений, высоким боевыми потерям, невыполнению боевых задач и т.п. Кроме того, если определенная часть граждан уклонилась от частичной мобилизации, ее возможно восполнить за счет добровольцев, желающих «встать под ружье» по собственной инициативе. Соответственно, боеспособность частей и соединений за счет высокомотивированных добровольцев будет намного выше, нежели, если производить укомплектование немотивированными уклонистами, некоторые из которых, будучи уже в составе воинского подразделения, могут дезертировать, что повлечет за собой более тяжкие последствия, нежели уклонение таких лиц еще от призыва.

С учетом этого, в науке складываются полярные мнения относительно необходимости дальнейшей криминализации рассматриваемого преступления. Весьма кстати возникает достаточно известное выражение «казнить нельзя помиловать» и объективная неясность, где следует поставить запятую, когда обсуждается вопрос о возможности криминализации или декриминализации уклонения от призыва по мобилизации. В настоящее время ответ на этот вопрос однозначен. Более того, тенденции к ужесточению уголовного законодательства в области посягательства на общественные отношения в сфере обеспечения обороноспособности и безопасности государства, будут сохранены как минимум до окончания специальной

военной операции. Кроме того, считаем возможным предположить, что ожидать смягчения юридической ответственности в этой сфере и после окончания специальной военной операции также не следует, поскольку для этого отсутствует интерес со стороны государства.

Заключение. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что вопрос о степени опасности и вредности уклонения от призыва по частичной мобилизации, а также необходимости правового воздействия на лиц, совершающих такие действия, в рамках научного сообщества, равно как и в рамках общественного мнения, до конца не определен.

В научной литературе выдвигаются противоположные точки зрения относительно целесообразности правового воздействия на уклонистов от частичной мобилизации, начиная от ужесточения ответственности, заканчивая ее декриминализацией. Однако, имея понимание о необходимости обеспечения обороноспособности и безопасности государства в период проведения специальной военной операции, в том числе в части создания эффективной системы призыва и ротации частей и соединений, выполняющих боевые задачи в республике Украина, следует ожидать либо сохранения сформированной системы ответственности в прежнем виде, либо ее усиления в перспективе.

Литература

1. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 марта 1997 г. № 9 ст. 1014.
2. О дезертирстве: постановление СТО РСФСР от 25.12.1918 (утратило силу) // «СУ РСФСР», 1918, № 99, ст. 1015.
3. О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения альтернативной гражданской службы: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.04.2008 № 3 (ред. от 18.05.2023) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 6, июнь, 2008.
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.]; под ред. В. Д. Зорькина; Конституционный Суд РФ. – 3-е издание, пересмотренное. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 1040 с.

5. Апарина А. И. Совершенствование российского законодательства о частичной мобилизации как неотъемлемая преграда «законному» недобросовестному уклонению от призыва на службу //Актуальные социально-экономические проблемы развития общества в России и за рубежом: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Волгоград, 30 ноября 2022 года. Том 1. – Волгоград: ООО Амирит, 2022. – С. 43-46.
6. Голубовский В. Ю. Некоторые проблемы уголовной ответственности за уклонения от прохождения военной службы (ч. 1 ст. 328 Уголовного кодекса РФ) //Oeconomia et Jus. – 2022. – №. 1. – С. 77-82.
7. Ермолович Я. Н. Развитие военно-уголовного законодательства в России в межвоенный период (1922-1941 гг.) //Военно-исторический журнал. – 2020. – №. 1. – С. 34-38.
8. Калининченко Д. В. Перспективы введения единого реестра воинского учета // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: Материалы IX международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)", 2023. – С. 153-167.
9. Карпенко М. В. Уголовная ответственность за уклонение от призыва на военную службу: специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Карпенко Михаил Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2002. – 242 с.
10. Красикова Л. А. Проблемы ответственности за уклонение от мобилизации //Новеллы права, экономики и управления 2022: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 ноября 2022 года. Том 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. – С. 35-38.
11. Магомедов Б. М., Мусалов М. А., Магомедов Г. Б. К вопросу о правовом регулировании проблем, связанных с частичной мобилизацией в России //Право и государство: теория и практика. – 2022. – №. 12 (216). – С. 321-324.
12. Маркелов В. А. Уклонение от военной службы (Понятие, виды, предупреждение): специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Маркелов Владимир Александрович. – Саратов, 2005. – 164 с.
13. Меркурьев В. В., Агапов П. В., Закомолдин Р. В. Об уголовной ответственности за уклонение от призыва на военную службу в порядке мобилизации //Военно-юридический журнал. – 2023. – №. 1. – С. 5-8.
14. Миролубова С. Ю. Проблемы реализации свободы передвижения в период мобилизации (частичной мобилизации) на территории Российской Федерации //Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – №. 1 (52). – С. 78-88.
15. Мяслицына М. А. Уклонение от призыва на военную службу по мобилизации: ответственность есть, а нормы нет //Вопросы российской юстиции. – 2022. – №. 21. – С. 482-488.
16. Орловский С. А. Уголовно-правовая ответственность за уклонение от мобилизации //Правовая реальность в условиях цифровизации общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск - Южно-Сахалинск, 09–11 ноября 2023 года. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2023. – С. 303-306.
17. Петраков Т. В. Мобилизация и военные призывы в Тульской губернии в период I Мировой войны //Мир оружия: история, герои, коллекции: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Тула, 07–09 октября 2020 года / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия». – Тула: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия», 2021. – С. 383-388.
18. Рарог А. И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы //Правовое государство: теория и практика. – 2023. – №. 3 (73). – С. 45-52.
19. Скипский Г. А. Социально-правовые аспекты рекрутских наборов в первой четверти XVIII века //Петр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века: Материалы международной научно-теоретической конференции, к 350-летию со дня рождения Петра I, Санкт-Петербург, 31 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 157-161.
20. Уторова Т. Н., Шалегин С. П. Современные тенденции развития военного уголовного законодательства России //Пенитенциарная наука. – 2023. – Т. 17. – №. 4 (64). – С. 390-397.

21. Хаиров Ю. И. Ответственность за уклонение от очередного призыва на военную службу по уголовному праву Российской Федерации: специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ю. И. Хаиров. – Казань, 1994. – 240 с.

22. Цурупа И. В. Уголовно-правовой и криминологический анализ причин совершения преступлений против военной службы в вооруженных силах России // Право и правопорядок в фокусе научных исследований: Сборник научных трудов / Под общей редакцией С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадовой. Том Выпуск 1. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2020. – С. 403-408.

23. Число дел за уклонение от армии с весны вышло на максимум за 10 лет // [Электронный ресурс] // Информационно-новостной портал «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/society/02/10/2022/631b76ff9a7947b437fcf810> (Дата обращения: 29.01.2025).

Draft evasion due to partial mobilization Ivantsov S.V., Pchelkin A.Yu.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Kikotya, International Law Institute

The special military operation on the territory of Ukraine, as well as the partial mobilization that followed, caused a very violent reaction in Russian society, the consequences of which were also expressed in the desire of a number of citizens to evade conscription.

This circumstance caused prompt actions on the part of government agencies in the form of a whole range of measures aimed both at identifying draft evaders and applying legal liability measures established by law to them, as well as at limiting the possibility of their exercising certain rights that could be used to continue further draft evasion. In turn, such a reaction is conditioned by the need to ensure the defense capability of the state as a whole, as well as those units and formations of the Armed Forces of the Russian Federation that carry out tasks related to the conduct of a special military operation.

In the circumstances under consideration, the facts of draft evasion on partial mobilization can have far-reaching consequences that can affect the completeness of army units and their combat capability, which, in the end, may call into question the success of the entire special military operation. In this regard, the State is taking a set of measures that prevent the possibility of draft evasion by partial mobilization. At the same time, the

assessment of all the "actors" within the framework of the events under consideration is being studied by the scientific community, which evaluates not only current events, but also the potential possible consequences of such a policy.

Keywords: Armed Forces of the Russian Federation; mobilization; special military operation; draft evasion.

References

1. On mobilization preparation and mobilization in the Russian Federation: federal law dated February 26, 1997 No. 31-FZ (as amended on March 23, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation dated March 3, 1997, No. 9 art. 1014.

2. On desertion: resolution of the STO of the RSFSR dated December 25, 1918 (lost force) // "SU RSFSR", 1918, No. 99, art. 1015.

3. On the practice of courts considering criminal cases of evasion of conscription for military service and alternative civil service: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/03/2008 No. 3 (as amended on 05/18/2023) // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", No. 6, June, 2008.

4. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / L. V. Andrichenko, S. A. Bogolyubov, N. S. Bondar [etc.]; edited by V. D. Zorkina; Constitutional Court of the Russian Federation. – 3rd edition, revised. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. – 1040 p.

5. Aparina A.I. Improving Russian legislation on partial mobilization as an integral barrier to "legal" dishonest evasion of conscription // Current socio-economic problems of the development of society in Russia and abroad: Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation, Volgograd, November 30, 2022. Volume 1. – Volgograd: Amirit LLC, 2022. – P. 43-46.

6. Golubovsky V. Yu. Some problems of criminal liability for evasion of military service (Part 1 of Article 328 of the Criminal Code of the Russian Federation) // *Oeconomia et Jus.* – 2022. – No. 1. – pp. 77-82.

7. Ermolovich Ya. N. Development of military criminal legislation in Russia during the interwar period (1922-1941) // *Military Historical Journal.* – 2020. – No. 1. – pp. 34-38.

8. Kalinichenko D.V. Prospects for introducing a unified register of military registration // Current issues in the development of statehood and public law: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes, St. Petersburg, September 29, 2023. – St. Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) of the federal

state budgetary educational institution of higher education "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)", 2023. – P. 153-167.

9. Karpenko M.V. Criminal liability for evading conscription for military service: specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; criminal executive law": dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Karpenko Mikhail Vladimirovich. – Rostov-on-Don, 2002. – 242 p.

10. Krasikova L. A. Problems of responsibility for evading mobilization // Novels of Law, Economics and Management 2022: Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Gatchina, November 25, 2022. Volume 1. – Gatchina: State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, 2023. – P. 35-38.

11. Magomedov B. M., Musalov M. A., Magomedov G. B. On the issue of legal regulation of problems associated with partial mobilization in Russia // Law and State: Theory and Practice. – 2022. – No. 12 (216). – pp. 321-324.

12. Markelov V. A. Evasion from military service (Concept, types, prevention): specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal law": dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Markelov Vladimir Aleksandrovich. – Saratov, 2005. – 164 p.

13. Merkuryev V.V., Agapov P.V., Zakomoldin R.V. On criminal liability for evading conscription for military service in the order of mobilization // Military Legal Journal. – 2023. – No. 1. – pp. 5-8.

14. Mirolyubova S. Yu. Problems of implementing freedom of movement during the period of mobilization (partial mobilization) on the territory of the Russian Federation // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2023. – No. 1 (52). – P. 78-88.

15. Myalitsyna M. A. Evasion of conscription for military service due to mobilization: there is responsibility, but there is no norm // Issues of Russian Justice. – 2022. – No. 21. – pp. 482-488.

16. Orlovsky S. A. Criminal liability for evading mobilization // Legal reality in the context of digitalization of society: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Khabarovsk - Yuzhno-Sakhalinsk, November 09–11, 2023. – Khabarovsk: Far Eastern State Transport University, 2023. – P. 303-306.

17. Petrakov T.V. Mobilization and military conscription in the Tula province during World War I // World of weapons: history, heroes, collections: collection of materials of the VIII International Scientific and Practical Conference, Tula, October 07–09, 2020 / Federal State budgetary cultural institution "Tula State Museum of Weapons." – Tula: Federal State Budgetary Institution of Culture "Tula State Weapon Museum", 2021. – P. 383-388.

18. Rarog A.I. Military criminal law of Russia: state and prospects // Rule of law: theory and practice. – 2023. – No. 3 (73). – P. 45-52.

19. Skipsky G. A. Social and legal aspects of recruitment in the first quarter of the 18th century // Peter the Great and his era: a view from the 21st century: Materials of the international scientific and theoretical conference, on the 350th anniversary of the birth of Peter I, St. St. Petersburg, March 31, 2022. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. – P. 157-161.

20. Utorova T. N., Shalegin S. P. Modern trends in the development of military criminal legislation in Russia // Penitentiary science. – 2023. – T. 17. – No. 4 (64). – pp. 390-397.

21. Khairov Yu. I. Responsibility for evading the next conscription for military service in criminal law of the Russian Federation: specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal law": dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Yu. I. Khairov. – Kazan, 1994. – 240 p.

22. Tsurupa I.V. Criminal legal and criminological analysis of the reasons for committing crimes against military service in the Russian armed forces // Law and order in the focus of scientific research: Collection of scientific papers / Under the general editorship of S.E. Turkulets, E.V. Listopadova. Volume Issue 1. – Khabarovsk: Far Eastern State Transport University, 2020. – P. 403-408.

23. The number of cases for evading the army since the spring has reached its maximum in 10 years // [Electronic resource] // Information and news portal "RBC". URL: <https://www.rbc.ru/society/02/10/2022/631b76ff9a7947b437fcf810> (Access date: 01/29/2025).

Добросовестность и противодействие злоупотреблениям в российском налоговом праве

Кукушкин Дмитрий Сергеевич

аспирант кафедры правового обеспечения публичных финансов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 24novemberlove@mail.ru

В статье делается попытка обосновать необходимость внедрения в налоговое право общей «антизлоупотребительной» нормы, устанавливающей пределы осуществления прав налогоплательщиками, налоговыми органами и иными субъектами налоговых правоотношений. На текущий момент законом и правоприменительной практикой предусмотрены лишь нормы и принципы, противодействующие отдельным налоговым злоупотреблениям. Вместе с тем, общее «антизлоупотребительное» правило отсутствует, что приводит к проблемам в правовом регулировании, в частности к вынужденной необходимости заимствовать частно-правовые инструменты, которые совершенно не адаптированы к налоговому праву. В статье предлагается авторское определение общей «антизлоупотребительной» нормы, которое надлежит закрепить в Налоговом кодексе РФ.

Ключевые слова: добросовестность, налоговые злоупотребления, налоговое право.

Категории добросовестность (*bona fides*) и злоупотребление правом нам известны еще со времен Древнего Рима.

Суть концепции добросовестности сводится к тому, что права и интересы охраняются законом только в том случае, если они реализуются разумно и справедливо – в соответствии со смыслом, заложенным в них законодателем, и без цели причинения вреда частным и публичным интересам. В ином случае возникает злоупотребление правом, которое приводит к утрате возможности извлекать выгоду от реализации своих прав. Злоупотребление по сути лишает право юридической силы.

Для справедливого правоприменения наличия одного только субъективного права недостаточно, следует также оценивать и форму его реализации. Оценка формы реализации права и представляет собой анализ добросовестности поведения субъекта.

Как показала история, использование концепции добросовестности, с одной стороны позволяет справедливо разрешать споры в случае, когда позитивный закон не поспевает за развитием общественных отношений, а прямые нормы, регулирующие соответствующие отношения, отсутствуют. С другой стороны, неопределенная, оценочная категория добросовестности может привести «расшатыванию» правопорядка, поспешному внедрению новых идеологий, которые могут являться крайне опасными для общества (например, как это было при адаптации немецкой догматики гражданского права к чудовищной идеологии национал-социализма)⁸.

По этой причине важно в законе закрепить положения, которые устанавливают пределы добросовестности, вносят определенность в это понятие. В таком случае этот механизм будет и полезным, и контролируемым.

В теории права принцип правовой определенности означает, что лица, подпадающие под действие закона, должны иметь возмож-

ность понимать его и планировать свои действия⁹. Данный принцип призван внести ясность, недвусмысленность и согласованность правовых норм, правоприменительных решений¹⁰.

Вместе с тем парадокс добросовестности в праве состоит в том, что общее правило, по которому возможно определить точные границы добросовестности, вывести нельзя. Это вызвано тем, что добросовестность является «каучуковым» инструментом, который может растягиваться и сужаться в зависимости от объекта правоотношений, на регулирование которых он направлен.

В связи с этим, единственный возможный выход из такой ситуации – сформулировать абстрактное правило, которое будет служить ориентиром для правоприменителей при оценке добросовестности поведения субъектов правоотношений в конкретной ситуации. Такое правило в настоящий момент закреплено, например, в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) для целей регулирования частных правоотношений.

Что касается налогового права, то следует заметить, что далеко не все ученые согласны с идеей закрепления в Налоговом кодексе Российской Федерации (далее – НК РФ) положений о запрете на налоговые злоупотребления. Так, А.А. Копина полагает, что «польза от включения такой оценочной категории в канву публичного права представляется сомнительной, да и ее формулирование с учетом специфики правового регулирования вызывает трудности»¹¹.

Действительно, внедрение чрезмерно оценочных положений в налоговое право, у которого преобладают императивные методы правового регулирования, является довольно опасным решением.

Вместе с тем, текущая правовая действительность не оставляет обществу иного выбора. В российской правоприменительной практике в сфере налогообложения возникают все новые виды налоговых злоупотреблений, которые постоянно эволюционируют и обходят действующие нормы.

В тоже время на данный момент законодатель пытается бороться со злоупотреблениями путем установления правил, ограничивающих

только частные случаи злоупотреблений. Такой подход, на наш взгляд, является недостаточно эффективным, поскольку приводит лишь к «латанию дыр» в налоговом законе, а не формирует единый концептуальный подход к решению проблем злоупотреблений в налоговой сфере.

Между тем правопорядок нуждается в общей «антизлоупотребительной» норме, адаптированной под публичное налоговое право. Для того, чтобы сформулировать эту норму, необходимо разобраться с особенностями злоупотреблений в налоговой сфере и концепциями, которые вырабатывались для борьбы с ними.

Изначально в налоговом праве возникла доктрина добросовестности, которая означала запрет на злоупотребление положениями только налогового закона (в виде создания искусственных условий по оплате задолженности через «проблемные» банки¹²).

Налогоплательщик пользовался недостатками налогового закона, чтобы уклониться от уплаты налога. Формально закон допускал, что налоговая обязанность считалась исполненной с момента предъявления банку платежного поручения по уплате налога. Высшие судебные инстанции пришли к справедливому выводу, что, если налогоплательщик знал, что у банка отсутствовала реальная возможность уплатить налог, то такой налогоплательщик является недобросовестным, а значит – налоговая обязанность через такие банки не должна признаваться исполненной.

Затем доктрина добросовестности претерпела значительную эволюцию и стала распространяться, в том числе и на борьбу со злоупотреблениями, источником которых является частное право (например, совершение фиктивных гражданско-паровых сделок для целей искусственного уменьшения налоговой базы).

При этом в науке существует позиция, согласно которой злоупотребление гражданскими правами возможно только в рамках гражданских правоотношений, и по этой причине государство должно бороться с такими злоупотреблениями с использованием правовых средств, установленных именно гражданским, а не налоговым законодательством.

⁹ Tridimas T. The General Principles of EU Law. 15. Tridimas T. The General Principles of EU Law, 2nd edn. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 242.

¹⁰ Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград, 2015. С. 12

¹¹ Копина А.А. Взаимозависимые лица в налоговых правоотношениях / Монография под ред. И.И. Кучерова. М. 2013.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 12.10.1998 № 24-П "По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации"

Мы не разделяем указанный подход по следующим причинам.

Налоговые правоотношения по определению являются вторичными от частного права (например, гражданского или трудового права). В частности, объект налогообложения формируется в результате совершения сделок или иных частноправовых операций. Однако в определенный момент отношения, которые изначально зародились в частном праве, становятся публичными и подлежат регулированию налоговым правом.

Аналогичным образом злоупотребления, возникшие в частном праве, в определенный момент становятся частью налогового права. Этот момент наступает, когда выясняется, что злоупотребление было направлено на причинение вреда публичным интересам. В этом случае налоговые правоотношения между государством и налогоплательщиком изменяются, становятся конфликтными и могут приводить к нарушению обязанности по уплате налога. Это говорит о том, что злоупотребления вышли за пределы отрасли, в которой они изначально возникли, и теперь они воздействуют только на налоговые правоотношения – приводят к изменению прав и обязанностей участников налоговых правоотношений. Ввиду того, что указанные отношения являются налоговыми, к противодействию злоупотреблениям должны применяться инструменты из налогового права, которые будут адаптированы к пресечению нарушения норм налогового закона.

Однако стоит сказать, что в правоприменительной практике встречались случаи пресечения налоговых злоупотреблений на основании ст. 10, 169 ГК РФ. Только в Постановлении Пленума ВАС РФ от 10.04.2008 № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации», указанный подход был признан неправомерным, и применение норм частного права было существенно ограничено.

В настоящее время для противодействия уклонению от уплаты налогов путем искусственного использования частноправовых инструментов применяется ст. 54.1 НК РФ в виде концепции недопустимости превышения пределов прав налогоплательщиков по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора,

страховых взносов. Как известно, законодатель переосмыслил действовавшие ранее доктрины добросовестности, необоснованной налоговой выгоды¹³, и формально от них отказался.

Согласимся с тем, что статья 54.1 НК РФ сформулирована не совсем удачно. Возникает ощущение, что законодатель смешал две самостоятельные доктрины: о недопустимости злоупотребления собственно налоговым законом и частноправовыми инструментами (в большинстве случаев – сделками).

Вместе с тем, исходя из существующей правоприменительной практики, следует констатировать, что на данный момент концепция добросовестности применяется исключительно в контексте борьбы с фиктивными операциями, направленными на уклонение от уплаты налогов, из сферы частного права. При этом нормы, противодействующие злоупотреблениям, источником которых выступает сам налоговый закон, отсутствуют, что создает пробелы в правовом регулировании.

Как справедливо отмечает С.В. Савсерис, недопустим механический перенос категории недобросовестности из частного в налоговое право¹⁴. В связи с этим институт добросовестности должен трактоваться значительно шире и бороться со всеми злоупотреблениями в налоговом праве.

На наш взгляд, статью 54.1 НК РФ нужно расширить до общей «антизлоупотребительной» нормы и лучше адаптировать к публичному праву. В диспозиции указанной нормы должны быть предусмотрены общие запреты на злоупотребление правами и обязанностями, источником которых является сам налоговый закон, а также права и обязанности, источником которых являются иные отрасли права (в том числе гражданское и трудовое право).

Статья 54.1 НК РФ предусматривает случаи, направленные на противодействие уклонению от уплаты налогов, но не учитывает иные способы причинения вреда бюджетной системе РФ в результате налоговых злоупотреблений. Так, например, в 2017 году Конституционный суд РФ был вынужден признать допустимым применение налоговым органом института неосновательного обогащения для целей взыскания с налогоплательщика денежных средств, полученных в результате незаконного налогового вычета¹⁵.

¹³ Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды»

¹⁴ См.: Савсерис С.В. Категория «Недобросовестность» в налоговом праве. М: Статут, 2007.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 N 9-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапланова".

Практике также известны случаи использования налоговым органом иных гражданско-правовых механизмов для устранения нарушений налогового законодательства. Конституционный Суд РФ полагает, что такие механизмы допустимы в качестве экстраординарной правовой меры – когда иные меры для защиты интересов бюджетной системы РФ реализовать невозможно¹⁶.

Вышеуказанные примеры из правоприменительной практики являются проявлением проблемы отсутствия в налоговом праве собственных инструментов, достаточных для пресечения всех злоупотреблений налогоплательщиков.

Заимствование частноправовых инструментов для борьбы со злоупотреблениями в публичной отрасли является сомнительной мерой.

Не случайно в п. 3 ст. 2 ГК РФ законодатель прямо ограничил возможность применения положений гражданского законодательства к отношениям, регулируемым публичным правом.

Частноправовые инструменты не адаптированы к налоговому праву. Одной из главных особенностей внедрения частноправовых механизмов в налоговое право (например, поручительство, кредит, залог и др.) является установление специального порядка, ограничивающего пределы их применения в налоговом праве. Однако использование, например, института неосновательного обогащения (1102 ГК РФ) позволяют налоговым органам обходить обязательные процедуры, предусмотренные НК РФ (проведений налоговых проверок, соблюдение специальных стандартов доказывания, процессуальных сроков, гарантий налогоплательщиков и др.).

Таким образом, применение гражданско-правовых инструментов в чистом виде к налоговым отношениям является недопустимым, но на данный момент вынужденным подходом.

Кроме того, действующие нормы НК РФ не предусматривают и пределы по осуществлению прав со стороны налоговых органов. На

данный момент указанная доктрина формируется практикой Верховного Суда РФ, но опять-таки в форме положений, которые направлены на пресечение отдельных злоупотреблений со стороны налоговых органов.

Так, на сегодняшний день активно развивается доктрина о недопустимости нарушения прав налогоплательщиков путем создания формальных условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону¹⁷. Постепенно развивается и доктрина правомерных ожиданий налогоплательщика¹⁸, что по сути является эстоппелем¹⁹ в налоговом праве.

В науке справедливо уделяется внимание принципу сотрудничества налоговых органов и налогоплательщиков²⁰, который является продолжением концепции поддержания доверия налогоплательщиков к государству и одним из проявлений принципа добросовестности налогового администрирования.

Вместе с тем общая норма о недопустимости злоупотреблений со стороны налоговых органов также по-прежнему отсутствует в налоговом законе.

Следует отметить, что запрет на злоупотребления со стороны налоговых органов возможны только теми правами и обязанностями, источником которых выступает законодательство о налогах и сборах. Иной вариант отсутствует, поскольку права и обязанности налоговых органов предусмотрены только налоговым законом.

Вместе с тем это не отменяет того, что некоторые злоупотребления налоговых органов могут происходить из недобросовестного поведения в налоговой сфере, но иметь негативный эффект для частных интересов уже в рамках иных правоотношений. Так, например, известны случаи, когда налоговые органы злоупотребляют обязанностью по представлению материалов проверки в правоохранительные органы для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Согласно действующему закону, такая обязанность должна исполняться

¹⁶ См., Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П "По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева".

¹⁷ См., например, Определения СКЭС ВС РФ, от 14.03.2019 по делу № А79-12226/2017 (ПАО «Химпром»),

от 30.09.2019 по делу № А40-24375/2017 (ООО «Объединенные пивоварни Хейнекен»), от 19.08.2022 по делу № А55-15930/2020 (ООО «НПК «СПЕЦИНЖИНИРИНГ»)).

¹⁸ См., например, Определение СКЭС ВС РФ от 14.11.2019 № 305-ЭС19-14421 (ООО «КРКА ФАРМА»), от 03.08.2018 по делу № А40-93786/2017 (АО «ВЭБ-Лизинг»).

¹⁹ Эстоппель - правовой принцип, согласно которому лицо утрачивает право ссылаться на обстоятельства, которые ранее признавались им бесспорными, исходя из его собственных действий или заверений.

²⁰ См., Журавлева О.О. Принцип сотрудничества налоговых органов и налогоплательщиков // Журнал российского права. 2013. N 3. С. 63 - 71.

только тогда, когда решение по проверке вступило в законную силу, а у налогоплательщика в течение установленного срока отсутствуют денежные средства для погашения налоговой задолженности (пункт 2 статьи 32 НК РФ). Однако на этот счет возникла порочная практика, когда налоговые органы направляют указанные материалы раньше положенного срока, формально ссылаясь на иные нормы, регулирующие общие правила взаимодействия между налоговыми и правоохранительными органами.

В таких ситуациях, по нашему мнению, должна соблюдаться описанная ранее логика: сторона, чьи интересы были нарушены злоупотреблением другой стороны правоотношений, должна защищаться тем правом, которое регулирует последствия таких злоупотреблений.

Именно поэтому злоупотребления налоговых органов, которые привели к ущемлению прав и законных интересов в уголовном праве (например, в форме незаконного возбуждения уголовного дела) аналогичным образом должны защищаться уголовно-процессуальными нормами, а не НК РФ.

С учетом изложенного, действующий порядок нуждается в общей «антизлоупотребительной» норме, направленной на противодействие недобросовестному поведению как со стороны налогоплательщиков, так и налоговых органов. Концепция добросовестности должна быть имплементирована в канву налогового права в качестве абстрактной нормы, которая закрепляет общие критерии стандарта добросовестности в налоговом праве для всех участников налоговых правоотношений. При этом указанная норма должна соответствовать принципу определенности.

На наш взгляд, складывающиеся общественные отношения уже достигли такого уровня развития, при котором такая норма должна быть закреплена в НК РФ.

В связи с этим, предлагается следующая формулировка указанной нормы: «Не допускается осуществление прав в целях уклонения от уплаты налогов, иного причинения вреда бюджетной системе РФ, а также нарушение прав и законных интересов налогоплательщиков или иное заведомо недобросовестное осуществление прав (злоупотребление правом) участниками отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах».

Литература

1. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе. Волгоград, 2015.
2. Журавлева О.О. Принцип сотрудничества налоговых органов и налогоплательщиков // Журнал российского права. 2013. № 3.
3. Копина А.А. Взаимозависимые лица в налоговых правоотношениях / Монография под ред. И.И. Кучерова. М. 2013.
4. Савсерис С.В. Категория «Недобросовестность» в налоговом праве. М: Статут, 2007.
5. Tridimas T. The General Principles of EU Law, 2nd edn. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Integrity and Anti-Abuse in Russian Tax Law Kukushkin D.S.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The article attempts to substantiate the need to introduce a general "anti-abuse" rule into tax law, establishing the limits of the bona fide exercise of rights by taxpayers, tax authorities and other subjects of tax legal relations. At present, the law and law enforcement practice provide only for norms and principles that counteract individual tax abuses. At the same time, there is no general "anti-abuse" rule, which leads to gaps in legal regulation or to the forced need to borrow private law instruments that are completely unadapted to tax law. The article offers the author's definition of a general "anti-abuse" rule, which should be enshrined in the Tax Code of the Russian Federation

Keywords: good faith, tax abuse, tax law.

References

1. Dikarev I.S. The principle of legal certainty and the legal force of a court decision in criminal proceedings. Volgograd, 2015.
2. Zhuravleva O.O. The principle of cooperation between tax authorities and taxpayers // Journal of Russian Law. 2013. No. 3.
3. Kopina A.A. Interdependent persons in tax legal relations / Monograph edited by I.I. Kucherov. Moscow, 2013.
4. Savseris S.V. The category of "Bad Faith" in tax law. Moscow: Statut, 2007.
5. Tridimas T. The General Principles of EU Law, 2nd edn. Oxford: Oxford University Press, 2006.

О некоторых вопросах деятельности органов прокуратуры по обеспечению информационной безопасности детей

Титов Матвей Андреевич

аспирант, Уральский государственный юридический университет, прокурор отдела по надзору за соблюдением прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних прокуратуры Республики Саха (Якутия), mathewstitov@yandex.ru

Сегодня виртуальное интернет-пространство используется около 90 % населения Российской Федерации [5]. Оперативный доступ к электронной информации облегчает жизнь, однако неконтролируемый её поток способствует распространению деструктивной информации в виртуальном пространстве, создает условия для совершения несовершеннолетними и в их отношении преступлений и иных противоправных явлений. Органам прокуратуры в силу их правового положения отводится особая роль при достижении верховенства закона в области информационной безопасности детей.

Цель: Проанализировать и выработать наиболее эффективные механизмы работы органов прокуратуры по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних.

Методы: Методологической базой исследования являются общенаучные и частнонаучные методы познания. В работе использовался формально-логический, системно-аналитический, диалектико-материалистический методы.

Результаты: Обоснованно наделения прокуроров всех уровней полномочиями по принятию решений о включении в единый реестр доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную для детей информацию (далее – реестр), деструктивную информацию, распространяемую в виртуальной среде в отношении несовершеннолетних, широкое использовании возможностей межведомственного взаимодействия органов прокуратуры с участием иных заинтересованных органов и общественных организаций, внесение изменений в ведомственную отчетность.

Выводы: С учетом состояния подростковой преступности, виктимизации детей в интернете полагаю, что действующие механизмы работы органов прокуратуры нуждаются в комплексных правовых, организационных и иных изменениях, которые предложены в настоящей работе.

Ключевые слова: органы прокуратуры; несовершеннолетние; координация; исковые заявления; информационная безопасность.

Введение

В силу развития сети «Интернет» виртуальная среда сегодня является неотъемлемой частью жизни российских граждан, в особенности лиц возраста несовершеннолетия. Интернет, наряду с положительными сторонами, представляет серьезную опасность для психологического и физического здоровья детей в силу практически бесконтрольного распространения деструктивной информации. Единственным уполномоченным органом, осуществляющим надзор за исполнением законов практически во всех сферах общественной жизни, является органы прокуратуры, виртуальная среда не является исключением. Предусмотренные законом полномочия, авторитет прокуроров позволяет оперативно решать текущие государственно-правовые задачи по обеспечению информационной безопасности детей, вместе с тем работа органов прокуратуры для достижения наиболее эффективных результатов в данной сфере требует корректировки.

Материалы и методы

В работе использовался формально-логический (при формировании логических цепочек, заключений, обосновании позиций и выдвижения предположений), системно-аналитический (при определении связей уровня интернет-угроз и мер по их нивелированию), диалектико-материалистический (в ходе исследования реализации органами прокуратуры функций при осуществлении надзорных и организационных функций при обеспечении информационной безопасности) методы.

Литературный обзор

Генеральный прокурор Российской Федерации и подчинённые ему прокуроры в силу закона осуществляют надзор за исполнением федерального законодательства, обеспечивая его соблюдение всеми органами и организациями [6]. Одной из наиболее уязвимой сферой, в силу сложности контроля распространения информации, недостаточности профессиональных знаний правоохранительных органов, является виртуальная среда [1]. Несмотря на по-

ложительные стороны использования информационно-телекоммуникационных технологий (мгновенный обмен информации, возможность осуществления коммуникации на большие расстояния и прочее), виртуальная среда является опасным источником распространения деструктивной информации среди населения, в особенности для несовершеннолетних, которые в силу отсутствия необходимого жизненного опыта, критического мышления, неустойчивого мировоззрения могут быть в большей степени подвержены негативному её влиянию (пропаганда колумбайн-идей, суицидальной и иной деструктивной тематики, интернет-зависимость) [2].

В соответствии с требованиями законодательства органы прокуратуры осуществляют надзор за соблюдением законов органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, в том числе совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [4], большинство прокуроров субъектов обладают региональной законодательной инициативой. Таким образом, органы прокуратуры в силу своей значимости и полномочий играют важную роль в обеспечении информационной безопасности детей, вместе с тем данная работа полагаю требует корректировки, углубление в существующие проблемы распространения среди детей деструктивной информации.

Ежегодно прокурорами пресекаются нарушения в информационной сфере в части распространения деструктивной информации. По сведениям Генеральной прокуратуры Российской Федерации только за 2023 год по инициативе прокуроров удалено или заблокировано более 95 тыс. интернет-ресурсов, распространяющих запрещенный среди детей контент [3]. Об актуальности такой работы свидетельствует факт создания в Генеральной прокуратуре Российской Федерации отдела по надзору за исполнением законов в сфере информационных технологий и защиты информации.

Как правило, при организации работы в сфере обеспечения информационной безопасности прокуроры концентрируют внимание на исковой работе.

К примеру, прокуратурой Республики Адыгея по итогам 2024 г в суд направлено более 10 административных исковых заявлений с требованием ограничения доступа для детей к деструктивной информации.

Прокуратурой Забайкальского края в суды направлено 186 таких административных исковых заявлений.

Прокуратурой Амурской области в 2024 году выявлено свыше 90 противоправных Интернет-ресурсов, с целью ограничения доступа к которым в Генеральную прокуратуру Российской Федерации направлены заключения о наличии оснований для принятия мер по ограничению доступа к 20 информационным ресурсам, по остальным ресурсам в суды общей юрисдикции направлено 75 исковых заявлений о блокировке противоправных Интернет-ресурсов.

Аналогичные исковые заявления предъявлялись практически всеми прокурорами в субъектах.

При этом прокуроры не обладают самостоятельным правом принимать решения о включении в единый реестр доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие запрещенную для детей информацию (далее – реестр), деструктивную информацию, распространяемую в виртуальной среде в отношении несовершеннолетних. Уполномоченными субъектами, которые принимают решения в зависимости от категории информации, являются Роскомнадзор, Росмолодежь, Роспотребнадзор, МВД России, ФНС, Суд [7]. Таким образом, прокуроры вынуждены обращаться в указанные органы либо в суд для ограничения доступа либо блокировки запрещенных интернет-ресурсов, что делает эту работу недостаточно оперативной, а в случае судебного рассмотрения позволяет длительное время оставаться такой информации в свободном доступе. Представляется, что такой подход требует изменений путем наделения прокуроров полномочиями по принятию решений о включении информации в реестр, наряду с другими вышеперечисленными субъектами, что обеспечит оперативное ограничение доступа для детей к такой информации в интернете.

Помимо надзорных полномочий органы прокуратуры путем координационной деятельности корректируют работу по противодействию преступности, в том числе в цифровой сфере.

Так, во взаимодействии с Центром психологического сопровождения образования и Центром профилактики девиантного поведения детей и молодежи при ГБПОУ «Северо-Осетинский педагогический колледж» прокуратурой Республики Северная Осетия – Алания разработаны методические рекомендации по профилактике деструктивного течения «Колумбайн» (скулшутинг), которые апробированы на базе

ряда образовательных организаций республики.

Прокуратурой Сахалинской области в 2024 году проведено собрание межведомственной рабочей группы, где обсужден вопрос принимаемых мер по профилактике терроризма и экстремизма в молодежной среде, реализации профилактических мероприятий в целях предотвращения вовлечения несовершеннолетних в деструктивную идеологию и по социализации детей пострадавших от буллинга в образовательных учреждениях, а также вовлеченных в деятельность сторонников массовых убийств, по результатам которого приняты решения координационного характера.

Прокуратурой Челябинской области в рамках координационной деятельности правоохранительные органы, органы и учреждения системы профилактики ориентированы на принятие дополнительных мер, направленных на повышение качества работы по профилактике, проведение системной работы по выявлению и пресечению деятельности Интернет-ресурсов, пропагандирующих деструктивное поведение несовершеннолетних.

Вместе с тем не всеми прокурорами используется в полной мере потенциал координационной деятельности. Предлагается шире использовать возможности межведомственного взаимодействия с целью предупреждения распространения в сети «Интернет» деструктивной информации среди детей, активно вовлекать представителей Роскомнадзора, иных уполномоченных органов государственной власти, наладить взаимодействие с общественными организациями в названной сфере (например, «лига безопасного интернета», АНО «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды» и т.д.), систематически анализировать опыт других региональных прокуроров.

Важной проблемой понимания состояния законности в информационно-телекоммуникационной сфере служат статистические данные. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 21.02.2022 № 98 утверждена форма статистического отчета «Надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (ОН)». Согласно статистическим данным за 2024 г. в сфере соблюдения прав и интересов несовершеннолетних выявлено более 824 тыс. нарушений законов (об образовании, о трудовых правах, об охране жизни, здоровья, защиты семьи, материнства, отцовства и детства, о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, о жилищных правах). Вместе с

тем указанной статистической формой отчетности информационная сфера не выделяется, в связи с этим в каждом конкретном случае сложно оценить состояние законности в названной сфере в том или иной регионе страны. С учетом новых вызовов полагаю необходимым рассмотреть вопрос о внесении изменений в статистическую форму отчетности с целью выделения сферы информационной безопасности. Данные изменения позволят наиболее полно оценить состояние законности в виртуальной среде, имеющиеся проблемы в тех или иных направлениях, сосредоточить усилия по нивелированию наиболее существенных нарушениях.

Предложенные изменения в совокупности повысят эффективность работы органов прокуратуры по предупреждению распространения среди детей деструктивной информации в интернете, способствуют обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних.

Результаты

В настоящей работе исследованы результаты деятельности органов прокуратуры при осуществлении надзора в сфере информационной безопасности несовершеннолетних.

В работе предложены механизмы, способствующие эффективному выявлению и ограничению доступа детей к деструктивной виртуальной информации.

Результаты исследования в дальнейшем могут служить основой анализа работы надзорных органов, выработки наиболее эффективных механизмов предупреждения, нивелирования процессов распространения среди детей деструктивной информации, что способствует снижению совершения несовершеннолетними и в их отношении противоправных действий в сети «Интернет».

Заключение

Достижение наиболее эффективного результата обеспечения цифровой безопасности возможно только при комплексном изменении правовых, организационных и иных подходов. Органы прокуратуры как главный координирующий орган играет огромную роль при реализации вышеуказанной задачи. Предложенные в настоящей работе изменения в работе органов прокуратуры способствуют «минимизации» влияния деструктивной информации на несовершеннолетних, определению наиболее проблемных направлений в сфере информационной безопасности и дальнейшей выработки механизмов их разрешения, в том числе путем надзорных и организационных мероприятий,

повышению оперативности при блокировки деструктивной информации.

Литература

1. Захаренко О.И. Возможности повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Законность. 2024. № 9. С. 56 - 58.

2. Каширина О.Н. Информационное обеспечение деятельности субъектов ранней профилактики преступности // Законность. 2021. N 7. С. 41 - 44.

3. Представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Иванове приняли участие в конференции, посвященной защите прав ребенка в сети Интернет [Электронный ресурс] URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94368942> (дата обращения: 22.02.2025).

4. Рогова Е.В. Уголовно-правовое противодействие киберпреступности в России и Китае: сравнительно-правовой аспект // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1. С. 84 - 90.

5. Сколько пользователей интернета в мире? (2025) [Электронный ресурс] URL: <https://incliend.ru/users-internet-stats/> (дата обращения: 04.03.2025).

6. Смирнов А.Ф. Неопределенность формулировок в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 174 - 180.

7. Шуликов К.А. Субъекты противодействия распространению деструктивного контента в сети Интернет и административно-правовая характеристика их деятельности // Административное право и процесс. 2024. N 8. С. 69 - 73.

On some issues of the activities of the Prosecutor's Office to ensure the information security of children

Titov M.A.

Ural State Law University

Today, the virtual Internet space is used by about 90% of the population of the Russian Federation [5]. Quick access to electronic information makes life easier, but its uncontrolled flow contributes to the spread of destructive information in the virtual space, creates conditions for minors and those against them to commit crimes and other illegal phenomena. The prosecutor's office, by virtue of their legal status, is

assigned a special role in achieving the rule of law in the field of information security of children.

Objective: To analyze and develop the most effective mechanisms for the prosecutor's office to ensure the information security of minors.

Methods: The methodological basis of the study is general scientific and specific scientific methods of cognition. The work used formal-logical, system-analytical, dialectical-materialistic methods. Results: It is justified to empower prosecutors at all levels to make decisions on including in the unified register of domain names and (or) page pointers of Internet sites, as well as network addresses that allow identifying Internet sites containing information prohibited for children (hereinafter referred to as the register), destructive information distributed in the virtual environment in relation to minors, widely using the possibilities of interdepartmental interaction of prosecutorial authorities with the participation of other interested bodies and public organizations, making changes to departmental reporting. Conclusions: Taking into account the state of juvenile delinquency, victimization of children on the Internet, I believe that the current mechanisms of the prosecutor's office require comprehensive legal, organizational and other changes, which are proposed in this paper.

Key words: prosecutor's office; minors; coordination; statements of claim; information security.

References

1. Zakharchenko O.I. Possibilities of Improving the Efficiency of Combating Crimes Committed in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies // Legality. 2024. No. 9. pp. 56-58.

2. Kashirina O.N. Information Support for the Activities of Early Crime Prevention Entities // Legality. 2021. No. 7. pp. 41-44.

3. Representatives of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation in Ivanovo took part in a conference dedicated to the protection of children's rights on the Internet [Electronic resource] URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94368942> (date accessed: 02/22/2025).

4. Rogova E.V. Criminal-legal counteraction to cybercrime in Russia and China: comparative legal aspect // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2024. No. 1. Pp. 84 - 90.

5. How many Internet users are there in the world? (2025) [Electronic resource] URL: <https://incliend.ru/users-internet-stats/> (date of access: 03/04/2025).

6. Smirnov A.F. Ambiguity of wording in the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Actual problems of Russian law. 2020. No. 12. Pp. 174 - 180.

7. Shulikov K.A. Subjects of counteracting the spread of destructive content on the Internet and administrative and legal characteristics of their activities // Administrative law and process. 2024. N 8. Pp. 69 - 73.